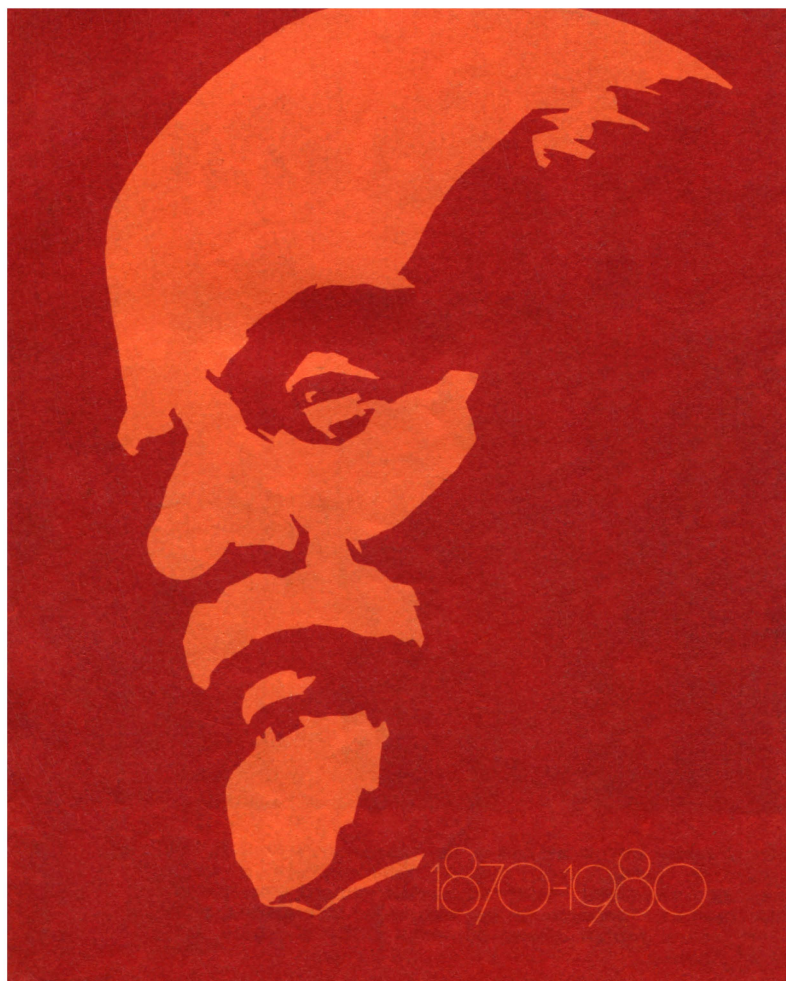
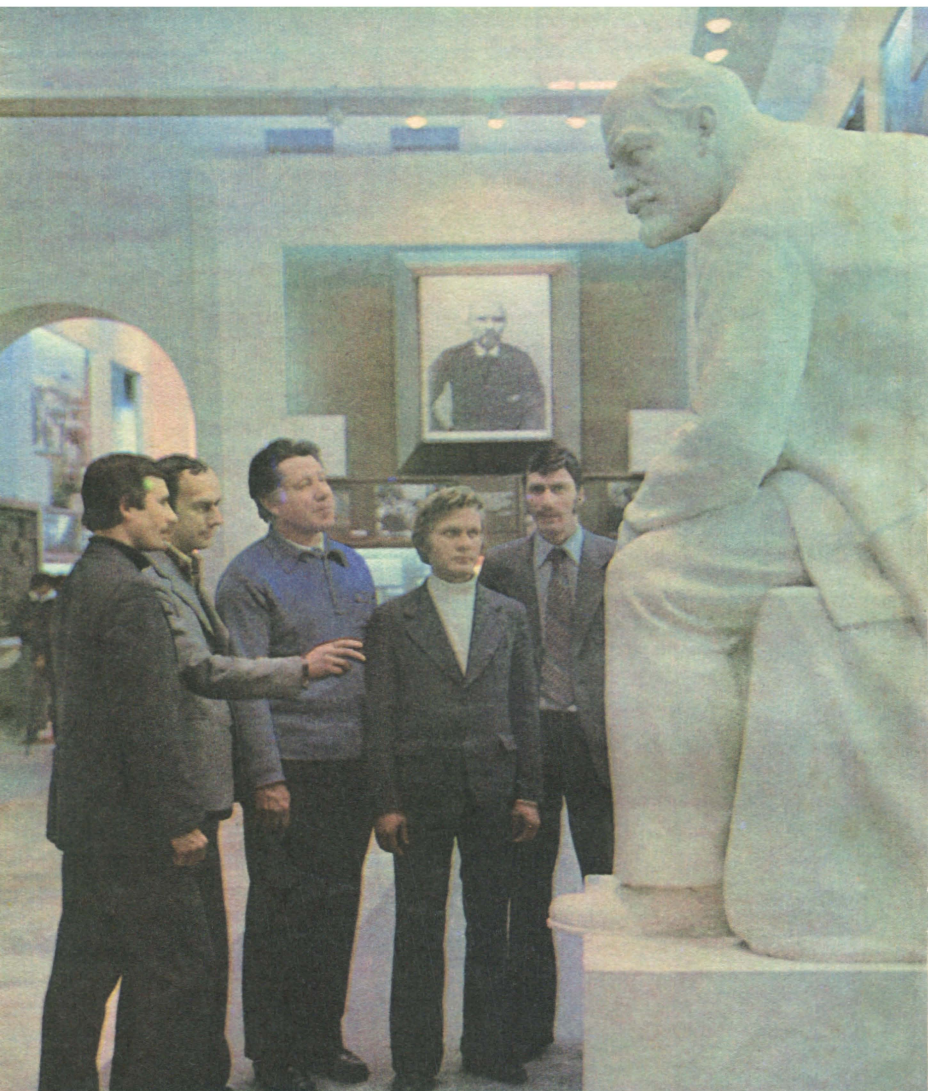

ISSN 0132—0831

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

1980 4

Нескончаем поток людей в Центральный музей В. И. Ленина. Они приходят сюда, чтоб душой прикоснуться к дорогим сердцу каждого человека приметам жизни нашего учителя и вождя. На снимке: народные дружинники Московского завода автоматических линий имени 50-летия СССР в одном из залов музея В. И. Ленина.

Фото В. Зимина.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

4 (112) АПРЕЛЬ 1980
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

**Научно-популярный
журнал
Министерства
юстиции СССР**

**Издательство
«Известия
Советов народных
депутатов СССР»
Москва**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. Н. Семанов
(главный редактор),
Н. А. Гаврилова, И. К. Ковалев,
И. Н. Кузнецов, Г. П. Политыко
(ответственный секретарь),
А. М. Рекунков, П. И. Седугин,
Ю. С. Семенов,
П. И. Скоморохов (заместитель
главного редактора),
А. Я. Сухарев, А. М. Филатов,
Ю. М. Чурбанов.

Адрес редакции:

129850, ГСП, Москва, И-110, Трифоновская ул., 34. Телефон 281-68-12.

В НОМЕРЕ

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ 4

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

Л. СМИРНОВ. Закон о Верховном Суде СССР и советское правосудие 19

Ленинские уроки права

Ю. ИВАНОВ. И убеждением, и строгой силой закона 20

Критика и библиография

П. СКОМОРОХОВ. В. И. Ленин, Октябрь и советское право 26

СОБЕСЕДНИК:

К 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина

В. ЦЕШЕЙКО. Ильичевцы 37

Обмен мнениями

В. МАРТЕМЬЯНОВ. Слово и дело 42

Из блокнота судьи

В. МЕНЬШИКОВ. Максимка 47

Редакции отвечают

51

Судебная хроника 53

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница

В. И. Ленин.

Гравюра Н. Ладыгина.

Четвертая страница

Москва. Красная площадь. Пионеры у Мавзолея В. И. Ленина.

Фото В. Зимина.

Закон и подросток

- С. БОРИСОВА. Горько плакали... Судебный очерк 55
С. БАТОВА. Будущие рабочие и право 64

- В. СТЕПАНОВ. На свой аршин. Рассказ 70

- Книжная хроника 79, 109

- ВИКТОР ПРОНИН. Медвежий угол. Повесть 80

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:

Наши консультации

- А. СОЛОВЬЕВ. Материальное стимулирование работы пенсионеров 110

Читатель на приеме у юриста

- Вправе ли член ЖСК обменять квартиру или вступить в другой кооператив 115

- Г. МАШКОВ. Преступность как разновидность бизнеса 116

ИМЕНЕМ САТИРЫ:

- В. ЦЕКОВ. Званный ужин на тысячу с лишним персон. Фельетон 120

- Зарубежная мозаика 128

Главный художник Н. И. ЛАДЫГИН.

Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА.

Корректоры Л. М. ЕРМИЛОВА, Б. С. ТУМЯН.

Сдано в набор 25/I-80 г. Печать высокая. Подписано в печать 11/III-80 г. А07142. Формат 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 8,55. Зак. 1179. Тираж 4 920 000 экз. (1-й завод — 1 200 000 экз.). Цена 40 коп.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ

С именем Владимира Ильича Ленина у каждого из нас связано представление о высшей справедливости, гуманности, реальной заботе о людях труда, их жизни, их счастье.

Еще при жизни Ленина, наперекор его скромности, его возражениям, граждане молодой Советской республики стали отмечать в апреле памятную дату...

Ленин всегда с нами... Эти слова не фраза, не лозунг, а явная реальность сегодняшнего дня. И теперь, в самые последние годы, мы обращались и обращаемся к его книгам, раздумывая над большими событиями, свидетелями и участниками которых мы являемся. Прямым и последовательным развитием ленинских мыслей и заветов становятся новые документы партии в области экономического и социального строительства.

Мы часто говорим: советский человек — хозяин своей страны. В политическом, экономическом и правовом смысле это стало фактом после Октябрьской революции. Уже тогда, при первых шагах нового, доселе невиданного социального строя, в условиях экономической разрухи, гражданской войны, интервенции, вождем революции и великий стратег строительства коммунизма не только видел основные проблемы построения социализма в стране, но и с гениальной прозорливостью указывал на достижение более высокой и зрелой ступени, которая должна привести к созданию развитого социалистического общества.

Сегодня мы с полным основанием можем говорить, что все движение советского общества по пути построения развитого социализма явилось непосредственной реализацией ленинского плана, плана Коммунистической партии нашей страны по построению коммунизма. Итоги этого процесса закрепила новая Конституция СССР.

Новая Конституция СССР суммировала важнейшие достижения нашего социального строя — торжество принципов социалистической демократии, дающей широчайший простор для свободного развития личности, торжество ленинской национальной политики, утверждение новой исторической общности — советского народа, торжество принципов партийного, подлинно научного управления научно-техническим и социальным прогрессом.

Как ныне очевиден для всех, так и совершенно естествен факт глубокой преемственности нового Основного Закона нашего государства и предшествующих ему Конституций советской страны, ибо все статьи и положения его соответствуют самой сущности нашего строя, характеру его развития. Говоря о законах буржуазных государств, В. И. Ленин утверждал: «Все существовавшие до сих пор конституции стояли на страже интересов господствующих классов. И только одна Советская Конституция служит и будет постоянно служить трудящимся и является могучим орудием в борьбе за осуществление социализма». Как бы развивая это ленинское положение, которое с полным правом мы можем применить к нашей новой Конституции, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев в докладе на майском (1977 года) Пленуме ЦК КПСС подчеркивал, что Конституция, с точки зрения Коммунистической партии, — это не только юридический акт, но и важнейший политический документ, что Конституция социалистического государства всегда была прежде всего утверждением завоеваний революции и вместе с тем провозглашением основных задач и целей социалистического строительства.

Конституция СССР венчает то, что сделано в правовой сфере за все годы существования Советского государства, она прочно базируется на обновленном и усовершенствованном советском законодательстве.

В последние годы вступили в силу союзные Основы законодательства и республиканские кодексы по большинству важнейших отраслей права. Действуют положения о промышленном предприятии и производственном объединении, новый Примерный Устав колхоза. Приняты новые законы о здравоохранении, народном образовании, пенсионном обеспечении, охране природной среды, охране памятников истории и культуры. Четко определены права и обязанности местных Советов, урегулирован статус депутатов. Все эти законодательные акты стали кирпичиками, из которых сложены статьи нашей Конституции. Подведя итог, Конституция явилась в то же время фундаментом для подготовки новых еще более совершенных, отвечающих требованиям времени юридических актов и документов. Начата работа по подготовке Свода законов Советско-

го Союза. Совсем недавно мы узнали об утверждении новых Законов СССР, о народном контроле СССР, о Верховном Суде СССР, о Прокуратуре СССР, о Государственном арбитраже в СССР и об адвокатуре в СССР.

Почему нельзя, издав ряд нормативных актов, не думать о принятии новых, о внесении изменений и дополнений в уже действующие? Дело в том, что закон, нужный в тот или иной момент, с течением времени может устареть, из прогрессивной силы превратиться в тормоз. Ведь жизнь выдвигает все новые и новые требования. «Если закон препятствует развитию революции,— говорил В. И. Ленин на V Всероссийском съезде Советов,— он отменяется или исправляется».

Под руководством партии, ведомый Лениным, трудовой народ стал коллективным хозяином страны, и каждый трудящийся получил на нее равную с другими долю прав. Но стать хозяином страны и ощутить себя им — не одно и то же, научиться всегда и во всем руководствоваться интересами общества — задача не из простых. Человек, вчера только вышедший из недр старого быта, не может мгновенно отказаться от собственнических привязанностей и эгоистических устремлений; не может в один миг проникнуться хозяйской, подлинной, а не словесной любовью к общему, хозяйской заботой о нем, хозяйской ответственностью за него. Для того чтобы воспитать в народе социалистическое хозяйское чувство такой силы, которое превысило бы и превзошло частнособственническое чувство, многое нужно. Прежде всего нужно время, но помимо времени необходима постоянная наступательная и целенаправленная нравственная и правовая воспитательная работа.

Уже первые месяцы и годы после Октябрьской революции изобиловали замечательными проявлениями революционного энтузиазма и революционной сознательности трудящихся. Но проникновение этого чувства в самые широкие массы — процесс длительный и сложный. В 1918 году В. И. Ленин отмечал, что люди «еще не освоились с тем, что они — теперь господствующий класс», и призывал рабочих бороться со старой привычкой, в силу которой люди несознательные «хотели бы относиться к народной фабрике, перешедшей в собственность народа, по-прежнему с точки зрения единственного помышления: «урвать кусок побольше и удрать».

Именно поэтому столь пристальное внимание обращал Владимир Ильич на газетные информации о первых коммунистических субботниках. Они давали ему повод высказать глубокие, не теряющие своего значения мысли о производительности труда, о подлинном демократизме, а главное — о «работе по-революционному»: о новом отношении к труду, о новом хозяйском чувстве. Факты, выхваченные из самой гущи жизни, первые ростки социалистического труда

Ленин высветил гением своей мысли, дал им предельно краткое и бесконечно точное определение: «Великий почин!»

В наше время, как никогда раньше, проблема отношения к социалистическому достоянию выдвинулась на первый план. Сегодняшний день дает огромное количество примеров, демонстрирующих высокий уровень сознательности и гражданской активности советских людей. Рост этих качеств нового человека нового общества виден всем, но он должен происходить еще и еще быстрее. Сама реальная жизнь развитого социалистического общества требует от нас с каждым днем упорнее, сосредоточеннее, находчивее и дружнее бороться за то, чтобы каждый советский человек был подлинным хозяином создаваемого им нового мира. Заботливая поддержка подлинных хозяев, тех, кто трудится по-ленински, распространение опыта энтузиастов и передовиков коммунистического труда — с одной стороны, а с другой — бескомпромиссная критика всех форм бесхозяйственности, равнодушия, косности, карьеризма, беспощадная борьба со всеми видами рвачества, стяжательства, любыми нарушениями социалистической законности — вот основное содержание нашей сегодняшней воспитательно-правовой работы.

Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» говорит: «В условиях развитого социализма более чем когда-либо актуально ленинское положение о том, что государство сильно сознательностью масс, оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно».

К сожалению, у нас полностью еще не изжиты нарушения дисциплины, общественного порядка, разного рода антиобщественные поступки. Не перевелись еще и те, кто живет в плену узких эгоистических интересов, мещанских представлений. Есть еще люди, которые стремятся больше получить от общества, чем дать ему, думают лишь о правах, забывая о своих обязанностях. Между тем материальные блага — не самоцель, а предпосылка развития личности. Последние постановления Центрального Комитета нашей партии еще раз обратили внимание на необходимость усиления борьбы со всеми отклонениями от норм социалистической законности и морали — пьянством, хулиганством, нарушениями трудовой дисциплины, а также с равнодушием, цинизмом и иждивенчеством.

Отмечая огромные успехи нашего государства в борьбе со всякого рода правонарушениями, Центральный Комитет нашей партии в постановлении «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» определял конкретные меры по дальнейшему развертыванию и улучшению профилактической работы, направленной на искоренение правонарушений, усиление борьбы с преступными и иными антиобщественными проявле-

ниями, неукоснительное соблюдение советских законов всеми гражданами.

Нравственные позиции человека проявляются и в том, насколько он бережно, по-хозяйски относится к природе, в какой мере способствует охране и преумножению ее богатств, в его отношении к памятникам истории и культуры своей родины. Даже в трудные послереволюционные годы В. И. Ленин не выпускал эти вопросы из поля зрения. Так, бесполезно вспомнить, что один из первых законодательных актов в области охраны памятников истории и культуры был принят уже в 1918 году — Владимир Ильич подписал декрет «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений».

Выработка нравственных позиций связана в социалистическом обществе с такими непреходящими ценностями, как труд, мир, свобода от эксплуатации, интернационализм, то есть со всем тем, что служит трудовому народу. Огромное значение имеет в этой связи и правовое воспитание — воспитание в святости закона, недопустимости произвола, необходимости справедливости при любом конфликте, торжества правосудия. В сознании человека утверждаются его гражданские права, которые дает ему социализм. Но вместе с тем должно утверждаться и чувство долга, который возлагает на него общество, возлагает в том числе и в форме юридических обязанностей. Разве не входит в понятие гражданственности призыв В. И. Ленина воевать с недостатками, бездушным отношением к человеку.

Несомненно, что это ленинское требование со временем не только не утратило своего значения, но приобрело еще большее звучание. Сейчас, когда окончательно и навсегда уничтожены эксплуататорские классы и мы живем в условиях развитого социализма, как никогда прежде, предельная организованность, единое, максимально четкое регулирование всех сторон общественной жизни стало настоятельной потребностью, необходимым условием движения вперед. Отсюда и то повышенное внимание партии и государства к вопросам права и законности — основам нормальной жизни общества, его граждан.

Среди многочисленных ленинских документов, связанных с правовой деятельностью, обращает на себя внимание письмо к наркому юстиции РСФСР Д. И. Курскому «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики», датированное 20 февраля 1922 года. Это ленинская развернутая программа деятельности органов советского правосудия в годы мирного социалистического строительства.

«Прежде боевыми органами Соввласти,— писал Ленин,— были

главным образом Наркомвоен и ВЧК. Теперь *особенно* боевая роль выпадает на долю НКЮста...» Его роль Ленин видел в усилении борьбы против врагов Советской власти, проведении судебных мер в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке. «Воспитательное значение судов громадно», — указывал Владимир Ильич. Все требования В. И. Ленина направлены на то, чтобы социалистическое право стало подлинным достоянием советского человека. В одной из работ К. Маркса встречается выражение «чувство права и законности». Это выражение ныне приобретает новое богатое значение, новое звучание. Ведь правосознание непосредственно связано с определенным эмоциональным восприятием. Люди не внутренне переживают издание и действие юридических норм: испытывают удовлетворение, радость или, напротив, досаду и раздражение. Мы же должны добиваться, чтобы уважение переросло в «личное убеждение». Недаром В. И. Ленин придавал столь большое значение выработке непоколебимой привычки соблюдать правила социалистического общежития — правила, которые наиболее полно выражены в юридических нормах и законах.

В этой связи необычайно высока и ответственна роль, которую играют в жизни нашего общества Советы народных депутатов, правоохранительные и юридические органы, все те организации и люди, которые заняты пропагандой правовых знаний. Ведь именно они обеспечивают эффективность и рост правового сознания трудящихся. В. И. Ленин говорил: «Законы важны не тем, что записаны на бумаге, но тем, кто их проводит». Ленинское положение развивает мысль, высказанная товарищем Л. И. Брежневым в речи на встрече с избирателями 22 февраля 1980 года: «Значительно более жестким должен стать контроль Советов за выполнением планов, за неукоснительным соблюдением советских законов».

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л. СМИРНОВ,
Председатель Верховного Суда СССР

Закон о Верховном Суде СССР и советское правосудие

Учреждение Верховного Суда СССР органически связано с объединением союзных республик в федеративное государство. В статье 12 Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик, принятого 30 декабря 1922 года I съездом Советов, записано: «В целях утверждения революционной законности на территории Союза Советских Социалистических Республик... учреждается при Центральном Исполнительном Комитете Союза Верховный Суд СССР с функциями верховного судебного надзора». Эта формула конституционно закреплена в Основном Законе 1924 года.

На всем протяжении существования Верховного Суда СССР Коммунистическая партия и Верховный Совет СССР главной задачей его деятельности считали охрану социалистической законности от всех посягательств, обеспечение правильного применения судами

законодательства на территории всей страны. Ниже будут охарактеризованы формы и методы деятельности Верховного Суда СССР, применяемые для решения этой большой и важной общегосударственной задачи, с учетом того нового, что было внесено в законодательство Законом о Верховном Суде СССР 1979 года.

Закон о Верховном Суде СССР принят 30 ноября 1979 года Верховным Советом СССР на второй сессии десятого созыва. Сессии предшествовал Пленум ЦК КПСС, ставший событием первостепенной важности, привлечший напряженное внимание всего мира, друзей и недругов реального социализма. В речи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева четко сформулированы задачи дальнейшего динамичного и пропорционального развития общественного производства, повышения народного благосостояния. «Строгое, неукоснительное выполнение законов,— подчеркнул товарищ Леонид Ильич Брежнев,— одна из безусловных предпосылок успешного функционирования всего хозяйственного механизма».

Огромная созидательная работа в сфере экономики, науки и культуры в последние годы шла рядом с активной законотворческой деятельностью, в которой участвовали десятки миллионов людей. Как результат могучих и целеустремленных созидательных процессов волею партии и народа была создана новая Конституция СССР, которую совершенно справедливо называют хартией развитого социалистического общества.

Осуществляя законотворческую деятельность, партия и Советское государство сохранили преемственность основополагающих принципов, которые были заложены еще при жизни Владимира Ильича Ленина и полностью доказали свою жизнеспособность. Это ярко демонстрируют Конституция СССР и законодательные акты, которые составляют ее отдельные звенья, являются как бы кирпичиками, из которых складывается величественное здание нашего Основного Закона.

Суть социалистической законности в обществе развитого социализма глубоко разработана в трудах Леонида Ильича Брежнева, не раз подчеркивавшего, что уважение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека, что любые попытки отступления от закона или обход его, чем бы они ни мотивировались, терпимы быть не могут. Строжайшая охрана прав граждан, соблюдение советских законов, правил общественного порядка всеми составляют главное содержание принципа социалистической законности. Закон, указывал Л. И. Брежнев, «обязателен для всех, его должны соблюдать все без исключения, независимо от положения, чина и ранга».

В последние годы в соответствии с решениями XXV съезда

КПСС и положениями Конституции СССР осуществлены важные меры по улучшению деятельности правоохранительных органов, развитию активности общественности и повышению ее роли в охране правопорядка. Все это создает, как подчеркнуто в постановлении ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями», необходимые условия для реализации указаний партии об искоренении всяких нарушений правопорядка, ликвидации преступности, устранении причин ее порождающих. Выполнение этой задачи требует дальнейшего совершенствования работы судов, повышения эффективности их деятельности, чему, несомненно, будет способствовать Закон о Верховном Суде СССР.

Необходимость разработки Закона о Верховном Суде СССР вытекала из прямых требований Конституции СССР, согласно которым ныне осуществляется большая программа вызванного жизнью обновления советского законодательства.

Закон о Верховном Суде СССР создает необходимую правовую основу деятельности высшего судебного органа страны, четко закрепляет цели и задачи его деятельности, определяет основные линии взаимодействия с Прокуратурой СССР, Министерством юстиции СССР и другими звеньями государственного аппарата. В Закон включен ряд норм, которые более подробно, чем раньше, регламентируют также взаимоотношения Верховного Суда СССР с законодательными органами Союза ССР и союзных республик, Верховными судами союзных республик, полнее раскрывают полномочия и порядок деятельности Пленума и коллегий.

Закон воспринял многие оправдавшие себя на практике прежние нормы о Верховном Суде СССР, но вместе с тем содержит ряд новых положений, которые основываются на Конституции СССР и учитывают конкретные задачи, стоящие перед Верховным Судом СССР.

Прежде всего следует отметить, что в Законе отражен закрепленный в Конституции СССР правовой статус Верховного Суда как высшего судебного органа Союза ССР, который осуществляет надзор за судебной деятельностью судов СССР, а также судов союзных республик. Сохранение в Законе существовавшего и ранее разграничения компетенции в области надзора между Верховным Судом СССР и Верховными судами союзных республик требует дальнейшего повышения ответственности за правильное разрешение судебных дел на местах, а также усиления судебного надзора как Верховным Судом СССР, так и Верховными судами союзных республик. При этом следует подчеркнуть, что задача их не сводится только к исправлению судебных ошибок по конкретным делам. Принимаемые ими решения призваны помогать судам лучше уяснить

смысл законодательства, способствовать единообразию в судебной практике.

Исполнение Верховным Судом СССР его функций по рассмотрению судебных дел тесно связано с рассмотрением поступающих в суд писем, жалоб, заявлений, предложений граждан. Понятно, что работа с ними имеет принципиальное партийное, политическое значение. Правильное и своевременное разрешение каждого вопроса, по которому обращаются к нам советские люди, — наша главная задача, решение которой позволяет усилить связи Верховного Суда с широкой советской общественностью.

Важное значение для уяснения значительного расширения общественных функций, воспитательного и предупредительного значения деятельности Верховного Суда СССР имеет статья I Закона, раскрывающая в общей форме задачи Верховного Суда СССР как высшего судебного органа Советского государства.

Верховный Суд СССР действует на основе социалистической законности, способствует укреплению правопорядка, защите интересов общества, прав и свобод граждан.

Всей своей деятельностью Верховный Суд СССР призван обеспечивать правильное и единообразное применение законов при осуществлении правосудия, воспитывать граждан в духе преданности Родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения Конституции СССР и советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правам, чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития.

Эта широкая и практически очень важная норма обязывает Верховный Суд СССР обеспечивать правильное и единообразное применение наших законов, точного и неуклонного исполнения не только Конституции СССР и союзного законодательства, но и других законов. Положение это — принципиально важное, позволяющее Верховному Суду СССР (разумеется, строго соблюдая суверенность законодательства союзной республики и не вмешиваясь в дело, решенное при отсутствии коллизий с союзным законодательством и при правильном применении закона союзной республики) исправлять ошибки, допущенные судами союзных республик.

Теперь о составе Верховного Суда СССР. Все основополагающие законодательные акты, начиная с 1924 года, равно как Конституция 1936 года, говоря о составе Верховного Суда, включают в него председателей Верховных судов союзных республик. По мере роста числа союзных республик, увеличивалось количество членов Верховного Суда — председателей Верховных судов союзных республик, которые становились членами Верховного Суда СССР по-

сле избрания их председателями Верховных судов республик по должности. Этот принцип, к сожалению, был нарушен законом о судостроительстве СССР 1938 года, включавшим в состав Верховного Суда представителей союзных республик, но не председателей этих судов (таким образом, Закон о судостроительстве 1938 года оказался в противоречии с Конституцией 1936 года). Конечно, включение в состав Верховного Суда СССР пятнадцати судей, оторванных от живой повседневной практики Верховных судов союзных республик, не способствовало повседневному знакомству с практикой Верховных судов союзных республик. Жизнь показала, что подобное решение было неправильным, связи между Верховным Судом СССР и Верховными судами союзных республик ослабли, и этот существенный недостаток в деятельности Верховного Суда СССР был исправлен лишь в феврале 1957 года, когда в Положении о Верховном Суде СССР вновь было указано, что Верховный Суд СССР, состоящий из Председателя Верховного Суда, его заместителей, членов Верховного Суда и народных заседателей, избираемых Верховным Советом СССР, включает также председателей Верховных судов союзных республик, являющихся членами Верховного Суда СССР по должности. Конституция СССР 1977 года в статье 153 установила, что «Верховный Суд СССР является высшим судебным органом СССР и осуществляет надзор за судебной деятельностью судов СССР, а также судов союзных республик в пределах, установленных законом. ...В состав Верховного Суда СССР входят по должности председатели Верховных Судов союзных республик».

Принцип, согласно которому председатели Верховных судов союзных республик вместе с тем и члены Верховного Суда Союза ССР,—глубоко прогрессивный принцип, обогащающий судебную практику. Он ярко свидетельствует о подлинном социалистическом федерализме советской судебной системы, во многом способствует успеху всей ее деятельности.

Верховный Суд СССР (в отличие от Верховных судов ряда государств) рассматривает дела как суд первой инстанции, и Закон, определяя полномочия судебных коллегий, говорит о том, что судебная коллегия рассматривает в качестве суда первой инстанции дела исключительной важности. В этом отношении военная коллегия несколько отлична от других коллегий Верховного Суда, так как, если для судебных коллегий по гражданским и уголовным делам понятие дела исключительной важности каждый раз решается Председателем Верховного Суда СССР, то военная коллегия рассматривает кроме дел исключительной важности и дела о преступлениях военнослужащих, имеющих определенные воинские звания; дела, которые именно в силу этого признака не могут быть рассмотрены ни одним другим военным трибуналом страны.

Осуществляя правосудие, Верховный Суд СССР рассматривает дела по первой инстанции, как и все другие суды Советского Союза, с участием народных заседателей. Поэтому Закон в соответствии с Конституцией СССР предусматривает избрание народных заседателей Верховным Советом СССР на тот же срок, что и членов Верховного Суда СССР. Ныне в Верховном Суде СССР 45 народных заседателей, представляющих все пятнадцать советских республик и имеющих самые различные профессии — высококвалифицированных рабочих, сельских механизаторов, педагогов, врачей, ученых, военных. Практика показывает — большой жизненный опыт, высокий уровень политических знаний помогают народным избранныкам правильно разбираться в зачастую нелегких судебных делах. Каждый из нас, рассматривавших дела с участием народных заседателей Верховного Суда СССР, ощущал удовлетворение от такого сотрудничества. Народный заседатель Верховного Суда СССР — это полноправный судья, не только решающий вопрос о виновности или невиновности подсудимого. Он участвует во всем судебном разбирательстве, в определении меры наказания и в случае несогласия с другими членами суда имеет право обратиться со своим «особым» мнением, в котором будет выражена его точка зрения, и мнение народного заседателя будет тщательно изучено и проверено.

Верховный Суд СССР состоит из Пленума Верховного Суда и трех судебных коллегий: судебной коллегии по гражданским делам, судебной коллегии по уголовным делам и военной коллегии.

Из ряда функций, выполняемых Пленумом Верховного Суда СССР, хотелось бы отметить, во-первых, чисто судебные функции, связанные с рассмотрением в порядке надзора дел, рассмотренных Верховными судами союзных республик по первой инстанции, или дел, которые в силу спорности отдельных положений по соответствующим протестам были рассмотренными всеми судебными органами союзной республики, включая президиум или пленум Верховного суда этой республики, но принятые по ним решения не перестали быть спорными. Право опротестования таких дел в Пленум Верховного Суда СССР принадлежит Председателю Верховного Суда СССР и Генеральному прокурору СССР.

Наиболее важная сторона работы Пленума Верховного Суда СССР заключается в разработке и принятии руководящих разъяснений, посвященных изучению и обобщению судебной практики, анализу судебной статистики, выявлению наиболее характерных ошибок при применении законодательства судами, и обеспечении правильного и единообразного применения закона.

Следует заметить, что руководящие разъяснения Пленума — не новые законодательные нормы. Более того, они не могут давать и толкования закона, так как и это — функция Верховного Совета

СССР и его Президиума в периоды между сессиями. Попытка представить руководящие разъяснения Верховного Суда СССР как новые законодательные акты была бы грубым нарушением Конституции СССР.

Однако нельзя и недооценивать важность руководящих разъяснений, их значение для судебной практики. Назначение их в том, что они разъясняют закон, помогают судам уяснить его действительный смысл, указывают на ошибки, допускаемые судами и законоприменяющими органами, помогают их устранению.

Судебная практика как бы аккумулирует спорные, неясные вопросы применения закона. Эти вопросы учитываются и анализируются не только Верховным Судом, но также органами прокуратуры, внутренних дел. Министерством юстиции СССР. Верховный Суд СССР во многих случаях работу по изучению и обобщению судебной практики и подготовку проектов соответствующих руководящих разъяснений проводит совместно с указанными правоохранительными органами и другими заинтересованными ведомствами.

В Законе подчеркнуто, что руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР обязательны для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение. Это важное положение направлено на обеспечение точного применения законов при осуществлении правосудия и укрепление законности в деятельности правоприменяющих органов.

Закрепление в Законе положения об обязательной силе руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР требует от нас значительно большей работы при подготовке постановлений, более тщательного и глубокого обсуждения содержащихся в них положений. В частности, необходимо принять дополнительные меры к совершенствованию работы, связанной с изучением и обобщением судебной практики. Разумеется, потребуются в этом направлении и дополнительные усилия Верховных судов союзных республик в совместном с нами изучении судебной практики, наиболее полном выявлении неясных для судов и спорных вопросов применения законодательства.

То, что Пленум Верховного Суда СССР своевременно дает руководящие разъяснения,— одна сторона дела. Другая состоит в том, чтобы эти разъяснения учитывались судами при разрешении дел. В этой связи принципиально важна включенная в Закон норма об обязанности Верховного Суда СССР осуществлять контроль за выполнением судами руководящих разъяснений Пленума. Закон живет, действует лишь тогда, когда он исполняется. Партия требует от всех государственных органов осуществлять действенный контроль за исполнением принятых решений.

Одна из форм контроля за выполнением законодательства и ру-

ководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР — право Пленума заслушивать доклады председателей Верховных судов союзных республик, председателей военных трибуналов видов Вооруженных Сил, округов, флотов, групп войск о практике применения законодательства.

Хотелось бы подчеркнуть, что право Верховного Суда СССР осуществлять контроль за выполнением судами руководящих разъяснений Пленума мы рассматриваем прежде всего как важное средство оказания практической помощи судам.

Несколько новых по содержанию норм, включенных в Закон, разрешают вопрос об обеспечении согласованности руководящих разъяснений Пленумов Верховных судов союзных республик с общесоюзным и республиканским законодательством, руководящими разъяснениями Пленума Верховного Суда СССР.

В декабре 1979 года состоялся очередной Пленум Верховного Суда СССР, проведенный уже в соответствии с Законом о нем. Пленум также рассмотрел вопрос «О задачах судов в свете постановления ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» и Закона о Верховном Суде СССР».

Надо сказать, что контроль за осуществлением судами постановления Пленума, посвященного чрезвычайно важному постановлению ЦК КПСС, являющемуся программным документом, определяющим важнейшие направления борьбы с преступностью и правонарушениями, — одна из важнейших задач Верховных судов союзных республик.

Нет сомнений в том, что Верховный Суд СССР выполнит свой долг, усилив борьбу с правонарушениями и преступностью, причем понимая под этим, конечно, не простое ужесточение наказания, но, в первую очередь, добиваясь воспитательного и общественного воздействия.

Иногда говорят о якобы чрезмерном гуманизме советского права, понимая под этим фактически не гуманизм, а отдельные ошибки применения несоизмеренно мягких, не соответствующих содеянному мер наказания в отношении опасного преступника. Наш гуманизм фактически ничего общего с подобным ошибочным подходом к решению дел не имеет. Меры наказания, предусмотренные советским законом в отношении опасных преступников, дают судебной практике возможности применения таких наказаний, которые не только обезопасили бы общество от преступника, но вместе с тем оказали бы необходимое предупредительное воздействие на морально нестойких людей, которые могли бы явиться резервом преступности. В этой связи напомним слова Генерального секретаря

ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева: «Хотелось бы подчеркнуть, что в нашем понимании демократия не имеет ничего общего с либеральным отношением к недостаткам, с примиренчеством к тому, что мешает жить и работать советским людям. Буквально слово демократия означает «власть народа». И у нас действительно правит народ, люди пользуются самыми широкими социальными и политическими правами. Но власть народа — это вместе с тем власть строгая, немыслимая без сознательной дисциплины и высокой организованности. И она не миндальничает с теми, кто наносит ущерб обществу, будь то хулиган или преступник, бюрократ или лодырь, туеядец или расхититель народного добра. Им не должно быть места в советском обществе — такова твердая воля партии и народа!». По существу, об этом говорит постановление Центрального Комитета КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями». Здесь также подчеркивается необходимость применения строгих мер в отношении опасных преступников, вместе с тем устанавливая ответственность в зависимости от характера совершенного преступления и личности правонарушителя.

Обвинительный приговор может быть вынесен только по такому делу, где совершение преступления именно лицами, привлеченными к ответственности, полностью доказано и роль каждого из виновных выяснена предельно точно. Несправедливый, а тем более вынесенный невиновному приговор наносит огромный вред правосудию. Именно поэтому Пленум Верховного Суда СССР, состоявшийся в конце 1979 года, счел необходимым обратить внимание судов на их обязанность неукоснительно соблюдать требования закона об индивидуальном подходе при назначении наказания, обеспечивая его применение по всей строгости законов к опасным преступникам, и мер наказания, не связанных с лишением свободы, к лицам, впервые совершившим менее опасные преступления и способным исправиться без изоляции от общества.

Необходимо особо остановиться на воспитательной функции Верховного Суда, как и любого судебного органа Советского Союза. Вспомним, какое громадное внимание уделял именно этой стороне судебной деятельности великий основатель Советского государства В. И. Ленин. Известный нам ленинский документ, обращенный в Наркомюст Курскому, также говорит об огромном воспитательном значении судебной деятельности.

Воспитательное значение судов особенно ярко проявляется при проведении судебных процессов. Эмоциональное воздействие их особенно сильно тем, что каждый судебный процесс — это правдивое отражение тех или иных отрицательных сторон жизни, не выду-

манных, не «домысленных», недостатков и трудностей, существующих в реальной жизни, процесс, завершающийся справедливым приговором.

Именно поэтому Пленум указал в своем руководящем разъяснении, что исходя из поставленных партией задач усиления правового воспитания трудящихся судам надлежит постоянно совершенствовать эту работу. Следует иметь в виду, что рассмотрение гражданских и уголовных дел в соответствии с законом, вынесение справедливых и убедительных решений, широкая гласность судебной деятельности являются действенными средствами воспитания граждан в духе неукоснительного соблюдения советских законов, нетерпимости к малейшим беззакониям, малейшим отступлениям от социалистического правопорядка.

Вся работа по правовому воспитанию должна проводиться целенаправленно, на высоком идейно-политическом и правовом уровне, воспитывать у советских граждан, особенно молодежи, уважение к нормам и правилам социалистического общежития, нетерпимое отношение ко всякого рода антиобщественным проявлениям, разоблачать клеветнические измышления буржуазной пропаганды.

Закон о Верховном Суде СССР поможет нам устранить те ошибки, которые, к сожалению, еще встречались в нашей работе, поднимет требовательность к каждому из нас и в то же время позволит достичь большего воспитательного воздействия деятельности судов, позволит внести весомый вклад в создание той обстановки нетерпимости к правонарушениям, той атмосферы законности, которые необходимы для успешного решения задач воспитания личности в период перехода к строительству коммунизма.

«Должность» и «долг» — слова одного корня. О своем долге перед народом — партийном, служебном, человеческом — нужно помнить всегда. Без неуклонного выполнения этого долга, без умения связать прочным приводным ремнем слова и дела нет и не может быть настоящего партийного и советского работника».

Л. И. Брежнев. Речь на встрече с избирателями 22 февраля 1980 года.

И убеждением, и строгой силой закона

Всю свою жизнь Владимир Ильич Ленин посвятил великому и благородному делу — борьбе за социальное освобождение пролетариата и всех угнетенных масс, за счастье людей труда. В совершенстве зная механизм судебных органов дореволюционной России от сената до мировых судей, он писал, что буржуазный суд «изображал собою защиту порядка, а на самом деле был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка». Вот почему с первых же дней Октябрьской революции был поставлен вопрос о сломе всей старой судебной системы сверху донизу. Предстояло организовать новую советскую судебную систему, которая отстаивала бы интересы трудящихся. 24 ноября 1917 года за подписью В. И. Ленина был опубликован исторический Декрет о суде № 1. Он закрепил такие подлинно демократические положения советского правосудия, как выборность судей трудящимися из трудящихся, участие народных заседателей в осуществлении правосудия, коллегиальное принятие решений в судах, открытое рассмотрение дел судами и обеспечение обвиняемому права на защиту.

Суть советского уголовного и уголовно-процессуального законодательства, всей деятельности органов правосудия В. И. Ленин видел не только в том, чтобы строго карать классовых врагов трудящихся, но и в том, чтобы перевоспитывать оступившихся, предупреждать преступления и другие правонарушения. Он указывал, что на новые народные суды «ложится громадная задача воспитания населения к трудовой дисциплине».

Исходя из этих ленинских указаний в статье 3 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик сказано: «Всей своей деятельностью суд воспитывает граж-

дан СССР в духе преданности Родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правам, чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития». Применяя меры уголовного наказания, суд не только карает преступников, но и стремится их исправить и перевоспитать.

Подлинно гуманная, демократическая природа социалистического правосудия определяется тем, что оно является органической частью всей деятельности Советского государства. Правосудие, ставя перед собой задачу обеспечить соблюдение законности во всех сферах жизни советского общества, тем самым способствует развитию коммунистических отношений.

Подавляющее большинство советских граждан соблюдает нормы социалистического права не по принуждению, а по убеждению в их справедливости, то есть добровольно. Но, к сожалению, есть еще люди, которые нарушают законы. Заботятся только о себе. Ради личных интересов наносят ущерб интересам общественным. Эти отрицательные явления тормозят движение нашего общества вперед. Поэтому с ними надо решительно бороться. В постановлении ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» подчеркивается, что надо вести решительную борьбу за искоренение нередко бытующих еще в нашей жизни враждебных социализму уродливых пережитков прошлого — хулиганства, спекуляции, хищений, тунеядства и других антиобщественных проявлений.

Если вы откроете уголовный кодекс, то наверняка обратите внимание на одну особенность: за многие преступления, не представляющие большой опасности для общества, установлены относительно мягкие наказания. А в некоторых случаях виновные вообще могут быть освобождены от уголовной ответственности. Когда человек нечаянно оступился и его действия не причинили значительного вреда, то он, безусловно, заслуживает снисхождения. Но если виновный совершил тяжкое преступление, закон становится к нему строг и непримирим. Однако и здесь суд не просто автоматически приговаривает преступника к определенному наказанию. Не менее важно пробудить в нем ростки гражданской честности. Заставить его понять и почувствовать всю неприглядность своего поведения. Вызвать стремление жить по-новому. Ведь нельзя забывать, что, отбыв наказание, он вернется в общество...

С первых дней своего существования советский суд выражал интересы трудящихся. Вот почему в судебной деятельности метод убеждения — главный метод, а принуждение — вспомогательный.

И принуждение используется в том строго определенном объеме, который необходим для результативной борьбы с преступностью.

В. И. Ленин учил, что в борьбе с преступностью, с нарушениями общественного порядка правильное сочетание убеждения и принуждения должно проявляться в деятельности суда по перевоспитанию правонарушителей, в правильном избрании уголовного наказания опасным преступникам или мер общественного воздействия в отношении лиц, впервые совершивших малозначительные преступления.

Следует подчеркнуть, что меры принуждения применяются в отношении незначительной части граждан, но зато во имя интересов подавляющего большинства трудящихся.

Да и сами меры принуждения постепенно сужаются. Если раньше максимальный срок лишения свободы составлял 25 лет, то теперь он равен 10 годам и лишь за особо тяжкие преступления и для особо опасных рецидивистов — 15 годам. При назначении наказания несовершеннолетнему срок лишения свободы ни в коем случае не может превышать 10 лет. Как здесь не вспомнить, что в практике буржуазных судов не так уж редки наказания в 30, 40, 50 и более лет лишения свободы! К тому же уголовное законодательство многих буржуазных государств предусматривает в качестве меры наказания пожизненное тюремное заключение, нередко одиночное или соединенное с каторжными работами. В нашем законодательстве таких видов наказания нет.

Действующим уголовным законом наполовину снижены сроки ссылки и высылки — с десяти до пяти лет. Эта мера наказания вообще не применяется к несовершеннолетним и женщинам, имеющим детей в возрасте до восьми лет. Конфискация имущества гражданина может быть назначена только за государственные и тяжкие корыстные преступления. Исключено из перечня видов наказания лишение политических и гражданских прав.

Социалистическим гуманизмом продиктован перечень тех обстоятельств, которые могут смягчать уголовную ответственность. В этом отношении показательна, например, телеграмма В. И. Ленина Тамбовскому губисполкому от 7 декабря 1918 года: «Получил жалобу Ивана Богданова на арест его сына Владимира, 17 лет, больного бронхитом, за саботаж. Пересмотрите дело, проверьте болезнь, неопытность, молодость арестованного, особенно расследуйте, не были ли настоящими саботажниками 30 служащих земельного комиссариата, которые отказались от работы, взвалив ее на Богданова. Результат проверки телеграфируйте».

Развивая ленинские положения о гуманизме правосудия, основы уголовного законодательства признают в качестве обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность, совершение преступления вследствие тяжелых личных или семейных обстоятельств, под влия-

нием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости; совершение преступления впервые, из-за случайного стечения обстоятельств, а также совершение преступления несовершеннолетним, женщиной в состоянии беременности; чистосердечное раскаяние или явку с повинной и другие.

Рассматривая вопрос о характере наказаний, применяемых судами, В. И. Ленин придавал особое значение тем из них, которые не связаны с лишением свободы. Действующее уголовное законодательство знает 12 видов наказания. Из них 8 близки к мерам общественного, дисциплинарного и административного воздействия. Таковы исправительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штраф, увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред и другие.

В феврале 1977 года Президиум Верховного Совета СССР внес изменения и дополнения в уголовное, уголовно-процессуальное и исправительно-трудовое законодательство. Их суть заключается в том, чтобы, не ослабляя применения строгих мер к опасным преступникам, шире использовать наказания, не связанные с лишением свободы, к тем, кто совершил впервые преступление, не представляющее большой общественной опасности, и способен исправиться без изоляции от общества. Если виновный совершил преступление, за которое законом предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не свыше одного года либо другое, более мягкое наказание, он может быть освобожден от уголовной ответственности и наказан в административном порядке. В УК РСФСР, например, подобных преступлений названо свыше 70. К ним относятся мелкое хищение государственного или общественного имущества, умышленное легкое телесное повреждение или побои, оскорбление, мелкая спекуляция и другие.

Особую гуманность советский суд проявляет к несовершеннолетним правонарушителям. Если подросток совершил преступление, не представляющее большой общественной опасности, и его можно исправить без уголовного наказания, дело направляется в комиссию по делам несовершеннолетних, где к нему принимаются меры воспитательного характера. Законом предусмотрена и возможность отсрочки исполнения приговора. Эта гуманная мера может быть применена к несовершеннолетнему, впервые осуждаемому к лишению свободы на срок до трех лет, при условии, что его можно исправить и перевоспитать без изоляции от общества. За подростком устанавливается строгий контроль. С ним проводится воспитательная работа. Суд может обязать его в определенный срок поступить на работу или учебу, устранить причиненный вред.

Как видим, объем и характер применяемых советским судом мер

наказания не отрицают, а, наоборот, подчеркивают гуманные начала во всей его деятельности.

В преступнике наш суд, чуждый проповеди непротивления всяческому злу и смиренному лицемерию, видит человека, опасного в данное время для окружающих. Его надо покарать за преступление, может быть, даже изолировать от общества. Но главное — следует попытаться исправить человека. Причем не откладывая это до того времени, когда осужденный после вступления приговора в законную силу попадает в исправительно-трудовую колонию. Еще в ходе предварительного следствия, а потом и судебного процесса следователь и судьи стремятся выяснить те причины, которые привели человека на скамью подсудимых, принимают все меры к тому, чтобы он чистосердечно раскаялся в совершении преступления.

Наказание не имеет целью причинить физические страдания осужденному или унижить его человеческое достоинство.

Как же в этом отношении наш советский суд отличается от суда буржуазного! Можно привести немало примеров, характеризующих буржуазный суд как олицетворение произвола и бесправия. Вспомним хотя бы судебный процесс над «уилмингтонской десяткой». Процесс был организован реакционными кругами США для того, чтобы запугать широкие негритянские массы. Ни в чем не повинных людей арестовали и судили по ложному обвинению. Их приговорили к длительным срокам лишения свободы. Впоследствии американские власти вынуждены были освободить их.

В нашем уголовном законодательстве нашел воплощение высокогуманный тезис. В условиях социализма каждый выбившийся из трудовой колеи человек может вернуться к полезной деятельности. Именно этим определяются задачи наказания. Однако человечность по отношению к лицу, совершившему преступление и привлеченному к уголовной ответственности, — это лишь одна сторона гуманизма социалистического правосудия. Вторая его сторона предполагает решительное применение в необходимых случаях суровых мер уголовного наказания.

Социалистический гуманизм не может иметь ничего общего с всепрощением. Советский суд руководствуется ленинскими указаниями о первоочередном значении не тяжести наказания, а его неотвратимости. Ни одно преступление не должно остаться нераскрытым, ни один виновный не должен остаться безнаказанным — вот на что направлена деятельность наших следственных и судебных органов. Необоснованное снисхождение к преступнику, в какой бы форме оно ни выражалось, оборачивается жестокостью по отношению к подавляющей массе честных людей. Социалистический гуманизм требует, чтобы наше общество было избавлено от тех, кто злобно нарушает советские законы.

Сужение и смягчение уголовной ответственности, о чем мы говорили выше, распространяется отнюдь не на все преступления и не на всех преступников. В действующем уголовном законодательстве сохранена и в ряде случаев даже усилена ответственность лиц, совершивших тяжкие преступления, а также преступников-рецидивистов. Усилены наказания, например, за бандитизм, подделку и сбыт в виде промысла фальшивых денег, спекуляцию валютными ценностями, хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах, сопротивление работнику милиции или народному дружиннику.

Изменение уголовного законодательства в сторону усиления наказания связано, как правило, с увеличением нетерпимости советских людей к преступным проявлениям. Наши люди с негодованием встречают любой случай нарушения правопорядка. Особенно суровое осуждение вызывают тяжкие преступления. Так что усиление наказаний за ряд опаснейших преступлений ни в коем случае не противоречит социалистическому гуманизму, который не отрицает, а предполагает в интересах общества и советских граждан применение суровых мер к злостным преступникам.

Ленинские идеи о гуманизме правосудия в социалистическом государстве являются основополагающими для всей деятельности органов предварительного следствия, прокурорского надзора и суда.

Гуманизм социалистического правосудия самым тесным образом связан со строжайшим соблюдением законности, уважением прав и законных интересов всех советских граждан.

«Мирная жизнь людей, их творческий труд, их благополучие и духовный рост — вот ради чего живут и борются коммунисты. Вот за что мы, советские люди, будем голосовать».

Л. И. Брежнев. Речь на встрече с избирателями 22 февраля 1980 года.

КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ

В.И. ЛЕНИН, ОКТАБРЬ И СОВЕТСКОЕ ПРАВО

Грандиозная — по значению и масштабам — законодательная, правоприменительная и правоохранительная деятельность — важное условие осуществления задач политического и социально-экономического развития советского общества, воспитания нового человека.

Начало законодательной деятельности в стране, созданию нового, народного — народного не только по названию, но и по сути своей — суда, новой, революционной законности положили Великий Октябрь и Владимир Ильич Ленин.

Законотворческая деятельность социалистического общенародного государства последних лет опирается на ленинские принципы, определившие становление советского права. В архитяжелейших условиях велась эта работа. Задача была в том, чтобы создать новый государственный аппарат, новый суд, новую прокуратуру, новые органы защиты революции — все вновь, все впервые. Ленин, находясь еще в «зеленом кабинете» (а классический труд «Государство и революция» — точнее, его важнейшая часть — был написан, как известно, еще в Разливе), утверждал: «...Право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права». Вот почему так важно было на первых же порах создать такой аппарат и вооружить законами государственные органы, органы защиты революции в их борьбе с контрреволюцией.

В монографии профессора И. Б. Стерника «Ленинский опыт использования права в интересах революции» (выпуск ее приурочен к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина)¹ приводятся поражающе воображение данные о поистине титанической правотворческой деятельности молодого Советского государства, в частности и в особенности не только политической, государственной, но и чи-

* Стерник И. Б. Ленинский опыт использования права в интересах революции. Изд-во «Узбекистан», Ташкент, 1979.

сто правовой деятельности создателя первого в мире социалистического государства.

Говоря о первой Советской Конституции, В. И. Ленин указывал, что «в ней записан опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров и внутри страны, и во всем мире». Не будет ошибкой сказать, что опыт этот был использован и при создании нового, революционного законодательства, системы нового советского права. Но, как признавался Владимир Ильич, «приятнее и полезнее «опыт революции» продельвать, чем о нем писать».

О том, как великий марксист, теоретик партии и ее руководитель умело, со знанием дела, на высоком профессионально-правовом уровне использовал опыт революции, читатель может судить по таким фактам.

Только за десять первых дней после Октября высшим органом государственной власти — Вторым Всероссийским съездом Советов и Советским правительством было принято более 60 важных декретов и постановлений. В их числе были и такие, как Декрет о мире, Декрет о земле, постановление об образовании первого в мире рабоче-крестьянского правительства.

Профессор, доктор юридических наук И. Б. Стерник специально исследовал и установил, что в первые три послереволюционных месяца было принято 234 декрета и других законодательных актов, а до 16 марта 1918 года, то есть до открытия IV Всероссийского съезда Советов, — 387.

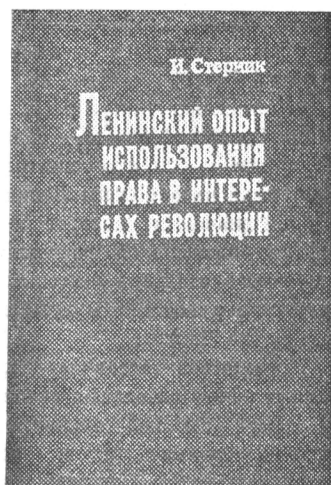
Автором многих законов, декретов, постановлений был Ленин. Если он не был автором правовых актов, то все они без исключения были отредактированы либо одобрены лично Лениным.

Напомним о том, что в начале 1918 года Лениным была написана Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая вскоре же стала краеугольным камнем первой Советской Конституции.

И вот что в высшей степени знаменательно: уже 15 апреля 1918 года Ленин интересовался тем:

«1) что именно сделано для издания Собрания Указаний и Распоряжений;

2) — для кодификации...». А VI Чрезвычайный Всероссийский

съезд Советов, состоявшийся 6—9 ноября 1918 года, признал факт формирования основ законов Российской Федерации.

«Достижение такого результата в течение одного года существования Советской власти,— справедливо пишет И. Б. Стерник,— можно объяснить тем, что основные теоретические вопросы права нового типа были разработаны Лениным еще до Великого Октября, а также тем значением, которое придавали В. И. Ленин и созданная им партия большевиков революционной законности; и, наконец, тем, что законодательной деятельностью молодого социалистического государства руководил мудрый политик и блестящий юрист — Владимир Ильич Ленин».

Поражаться заставляет далеко не только количество подготовленных законодательных актов, хотя это и само по себе заслуживает самой высокой оценки; поражает же другое: большинство законодательных актов, кодексов отличаются удивительной основательностью, капитальностью, безупречностью с точки зрения законодательной техники, и что особенно важно: основополагающие принципы организации и деятельности государственного аппарата, судебной деятельности, принципы организации и деятельности советской прокуратуры и многое другое сохранили силу до сих пор и остались неизменными.

Большинство важнейших правовых актов сделано быстро, но неторопливо, ибо сам Ленин учил «законодательствовать с тройной оглядкой».

И. Б. Стерник, так много сделавший для изучения многосторонней юридической деятельности В. И. Ленина и считающий, что руководить правотворческой работой и активно в ней участвовать ему «во многом помогала его высокая, поистине безупречная правовая культура», тем не менее считает ошибочным вообще переоценивать юридические знания.

В самом деле, Ленин закончил (экстерном) юридический факультет Петербургского университета, но непрестительно забывать, что ему, молодому Ленину, претипла казенная юридическая наука с ее мертвыми канонами, «официально-профессорская юриспруденция», полная схоластики и знаний, «на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных», и поэтому понятно, что юридическое образование само по себе ничего не объясняет, особенно в таком гениальном человеке, которого мы знаем и любим, перед которым не одно поколение преклонялось и будет преклоняться.

Для нас Ленин прежде всего — титан научной мысли, великий марксист, обогативший принципиально важными положениями все составные части марксизма, открывший новый этап в его развитии. Вот это определяет для нас облик и величие нашего вождя. Ленин

мог быть и не юристом по образованию, но остался бы для нас подлинно народным вождем, пламенным революционером, создателем Коммунистической партии и первого в мире социалистического государства. Ленин не был бы Лениным, если бы не сумел использовать для революции, в интересах народа буржуазную юридическую науку, если бы он не использовал в революционных целях ту судебную практику, с которой столкнулся как помощник присяжного поверенного.

В книге И. Б. Стерника «Ленинский опыт использования права в интересах революции» довольно убедительно показано, что выбор юридического образования не был случайным. Другой деятельностью В. И. Ленин не мог, да и не хотел заниматься. Ему, поднадзорному (за активное участие в политической сходке студентов) и брату «второпервомартовца», казенная служба была противопоказана, другое дело — «свободная профессия».

Монография И. Б. Стерника разбита на два раздела. Первый посвящен адвокатской практике В. И. Ульянова в Самаре и Петербурге и правовым аспектам политической деятельности В. И. Ленина в годы ссылки и эмиграции — словом, тому, что происходило до Великой Октябрьской социалистической революции. Второй раздел монографии освещает государственно-правовую деятельность В. И. Ленина.

Монография в целом явилась плодом почти четвертьвекового исследования.

Что мы знаем о Ленине-юристе?

Долгое время оставалась почти неисследованной юридическая, точнее — адвокатская деятельность молодого Ульянова в Самаре и Петербурге.

Елена Дмитриевна Стасова справедливо заметила: советские юристы редко и мало пишут о Ленине-юристе, о различных формах и аспектах его правовой деятельности.

В чем же дело? И. Б. Стерник находит объяснение этому факту в том, что долгие годы существовало предубеждение, что будто бы Ленин только был приписан помощником к присяжному поверенному М. Ф. Волькенштейну. Адвокатской же практикой Владимир Ильич совсем не занимался и даже не думал о ней. Именно так утверждал А. Киржниц в 1924 году в «Красной летописи» (вып. 10-й) в заметке, озаглавленной так: «Ленин-адвокат».

Известен и другой факт. Некоторые материалы об адвокатской деятельности Ленина собрал И. М. Дномидов. В 1926 году он дал эти материалы на ознакомление А. И. Ульяновой-Елизаровой. Она отрицательно отзывалась об этих материалах. «Никакой черточки к характеристике Ильича материалы эти, как их ни выжимай, не дадут», — заключила Анна Ильинична.

Оценка материалов, собранных И. М. Дюмидовым, и только их, некоторыми авторами была воспринята как отрицание того факта, что молодой Ленин в свое время занимался адвокатской деятельностью.

Между тем именно Анна Ильинична Ульянова-Елизарова в воспоминаниях об Ильиче утверждала, что Ленин «серьезно и с интересом относился к своей юридической деятельности».

Адвокатская практика помощника присяжного поверенного Владимира Ульянова относится к 1892—1893 годам, когда, по утверждению А. И. Ульяновой-Елизаровой, «складывалась и оформилась окончательно его революционная физиономия». Годы пребывания В. И. Ленина в Самаре, а перед этим год в Казани Анна Ильинична называет «самыми важными, пожалуй, годами в жизни Владимира Ильича».

Так что ссылка на А. И. Ульянову-Елизарову, на ее отзыв о рукописи И. М. Дюмидова просто несостоятельна.

Но дело не в одном отзыве Анны Ильиничны. В некоторых юридических кругах до конца шестидесятых годов существовало вообще убеждение, что адвокатская деятельность — частный случай в жизни вождя и эта деятельность не характерна для него.

Думается, что значение юридической деятельности В. И. Ленина в его революционной, партийной, государственной и научной деятельности точно и емко выразил колхозник И. О. Сахаров, сказавший: «...Владимир Ильич был защитником не только двух наших односельчан. Он весь народ защищал, поднял его на борьбу за свое законное право, за свое законное счастье».

Авторитет и популярность адвоката Ульянова в Самаре и далеко за ее пределами были велики. Как отмечал Г. М. Кржижановский, первые же выступления молодого Ленина в суде «дали почувствовать свидетелям этих выступлений, что перед ними человек исключительных дарований».

И. Б. Стерник подсчитал, что из 24 подзащитных Ульянова в Самаре пять подсудимых суд полностью или частично оправдал, восьми осужденным смягчено наказание, пяти осужденным сокращен объем первоначально предъявленного обвинения, четверем осужденным изменена юридическая квалификация преступления по более мягкому закону. Если к этому добавить, что в отношении одного подзащитного дело прекращено из-за примирения сторон, то остается всего один подзащитный, которому не удалось ничем помочь. Это был, безусловно, огромный успех. К тому же не следует забывать, что подзащитные молодого Ленина обвинялись чаще всего в посягательстве на священную частную собственность, а сама защита велась в условиях, когда за всякое открытое и честное слово могли

«схватить человека по простому приказу полиции, бросить его, без суда и следствия, в тюрьму или сослать в Сибирь...»

Защиту Ленин вел смело и мужественно, по принципам, выработанным им самим. В письме видному деятелю революционного движения Е. Д. Стасовой Ленин рекомендовал: «Брать адвокатов только умных, других не надо. Заранее объявлять им: исключительно критиковать и «ловить» свидетелей и прокурора на вопросе проверки фактов и подстроенности обвинения, исключительно дискредитировать шемакинские стороны суда».

Собранный в архивах И. Б. Стерником, писателем В. К. Шалагиновым и другими исследователями материал убедительно и наглядно показывает, как Ленин «исключительно критиковал» и «исключительно дискредитировал» язвы буржуазно-помещичьего строя. И это несмотря на жесточайшую полицейскую слежку и стену всевозможных запретов!

Тут, видимо, сказались не столько опыт и знания помощника присяжного поверенного, сколько опыт профессионального революционера, убежденного марксиста.

О том, что Ульянов, занимаясь адвокатской практикой в Самаре, а затем в Петербурге, был не только юристом, но прежде и раньше всего — политическим деятелем, свидетельствует классовый подход его к тем, кого надо и кого не надо защищать. Ульянов защищал в суде не всякого, кто обращался за защитой. Абсолютное большинство его подзащитных составляли люди, которых сама бедность бросила «на дно», обвинялись они, главным образом, в посягательстве на частную собственность — основу основ буржуазного строя. Со свойственной ему нетерпимостью к малейшим нарушениям закона, к подтасовке доказательств адвокат Ульянов не упускал случая, чтобы изобличить процессуальные нарушения и незаконные приемы судопроизводства, с которыми сталкивался в своей практике.

Владимиру Ильичу была чужда защита по принципу: «кого угодно и как угодно». Когда один из трех защитников хозяина дрожжевого завода Веницианова, убившего рабочего Ханина за то, что тот посмел пожаловаться на него в суд, Брокмиллер, «сбрав гонорар неумеренный», просил присяжных оправдать убийцу, и когда присяжные-купцы оправдали убийцу-заводчика, Ульянов вместе с прогрессивными деятелями тогдашней адвокатуры требовал привлечения Брокмиллера к ответственности за грубое нарушение адвокатской этики.

Сам Ленин, к удивлению многих адвокатов, наотрез отказывался защищать именитых, денежных людей.

Отказал Владимир Ильич в юридической помощи купцу Рыткову (в его доме жила семья Ульяновых). Отказался он защищать

и крупного хлеботорговца Красикова, который, по его словам, «лишку поприжал мужиков».

В воспоминаниях о Ленине И. Арманд пишет: «Позднее, уже за чашкой чаю, Владимир Ильич все в таком веселом настроении рассказывал нам, в какие нелепые положения он попадал, занимаясь юридической практикой, как к нему за защитой обращались заведомые жулики-купчики, и он не знал, как от них отделаться».

Но вот стоило купцу Арефьеву установить монополию на перевоз пассажиров через Волгу, как Ленин, узнав об этом, подал на самоуправщика жалобу в суд и добился того, что суд постановил: «Выдержат самарского купца Арефьева под арестом в течение одного месяца».

Дореволюционная юридическая деятельность Ленина получила освещение в книге И. Б. Стерника «В. И. Ленин — юрист»¹ (она была выпущена к столетию со дня рождения В. И. Ленина). Уже в этой первой книге был собран большой и интересный материал. Книга обратила на себя внимание еще и потому, что за более чем 50 лет Советской власти у нас не появилось ни одной работы, посвященной юридической деятельности молодого Ульянова, если не считать книги В. К. Шалагинова, в художественной форме отразившей этот значительный в жизни Владимира Ильича период.

И. Б. Стерник не просто, не механически перенес материалы первой книги в первый раздел новой монографии. Многие факты, детали деятельности юриста Ульянова получили более глубокое освещение, а главное, более основательно освещено использование В. И. Ульяновым юридических знаний для повышения политической активности рабочих.

Монография пополнилась новым интересным материалом о юридической помощи В. И. Ленина РСДРП, ее фракциям в Государственной думе и отдельным деятелям партии, использование буржуазного же законодательства в политической деятельности в годы эмиграции.

Особый интерес представляет исследование того, как в публицистических произведениях сказалось юридическое образование В. И. Ленина.

Глубокие юридические знания, адвокатскую практику, материалы судебных процессов Ленин использовал не только для критики царского законодательства и беззакония царского суда, прокуратуры, полиции, жандармерии. Владимир Ильич мастерски использовал их в таких классических работах, как «О промышленных судах», «Новый фабричный закон», «Случайные заметки», «Развитие капи-

* Стерник И. Б. В. И. Ленин — юрист. Изд-во «Узбекистан», Ташкент, 1969.

тализма в России», «Государство и революция», а также в многочисленных брошюрах, статьях, прокламациях.

На примере работ В. И. Ленина «Новое побоище», «Объективная статистика», «Бей, но не до смерти», «Каторжные правила и каторжный приговор», «Закон о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев», «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» и многих других И. Б. Стерник убедительно показывает, как Ленин-марксист и Ленин-юрист мастерски использовал знание буржуазного права и само право царской России в политических целях, для разоблачения политики «кнута и пряника», которая проводилась царизмом в борьбе с рабочим классом, для разъяснения и поддержки программы РСДРП.

В монографии И. Б. Стерника подчеркивается, что за десять лет, прошедших со времени столетнего юбилея со дня рождения В. И. Ленина, появилось большое число публикаций ученых, историков и юристов, выявивших много новых фактов, новых крупниц из жизни и деятельности В. И. Ленина, юридической в том числе.

И при всем том юридическая деятельность Ленина, ее некоторые аспекты еще ждут должного освещения.

Приступая к разработке темы, И. Б. Стерник изучил в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подлинные гражданские и уголовные дела, по которым в качестве помощника присяжного поверенного выступал молодой Ленин. В государственных архивах Куйбышева, Ленинграда и Москвы исследователь изучил все, что относилось к юридической деятельности Владимира Ильича, газетные отчеты о судебных процессах, а также мемуары родных, соратников и других людей, лично знавших Ленина. И. Б. Стерник многие годы вел обширную переписку с авторами воспоминаний, с домами-музеями в Шушенском и Париже, собирал материалы, уточнял детали.

Автор убедительно показывает, что в создании новой советской администрации, в разработке основ советского законодательства, новой системы судов, прокуратуры, других органов защиты революции большую роль сыграло то, что Ленин еще задолго до революции разработал учение об империализме, о социалистической революции и диктатуре пролетариата, о партии, о классовых союзниках пролетариата в борьбе за демократию и социализм. Вместе и наряду с этим Ленин готовил проекты решения конкретных задач социалистического строительства, создания нового государственного аппарата, его органов в центре и на местах.

Из Самары в Петербург Ленин переехал, конечно же, не для расширения или совершенствования адвокатской практики. В столицу его привели политические цели, цели организации борьбы с

«самодержавной мерзостью». На первых порах, после того как был (3(15) сентября 1893 года) зачислен помощником присяжного поверенного М. Ф. Волькенштейна, Ленин занимался адвокатской практикой особенно активно, видимо, хотел этим заставить полицию поверить в то, что он только адвокат.

Практическую революционную работу он умело (как никто иной!) сочетает с громадной теоретической деятельностью.

Уже весной — летом 1894 года Ленин написал книгу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», ставшую подлинным манифестом русской революционной социал-демократии.

Когда сейчас перечитываешь работу В. И. Ленина, в которой изложены научные и политические основы социал-демократического движения в России, то понимаешь, что И. Б. Стерник глубоко, видимо, прав, когда утверждает: «Материал для своих работ Владимир Ильич черпал не только в трудах основоположников научного коммунизма, не только в критически использованных произведениях народников, но и в беседах с рабочими и крестьянами, часть из которых стали его подзащитными, с некоторыми из этих людей у него завязались прочные отношения. Одной из форм связи с массами стала и его деятельность в качестве помощника присяжного поверенного».

Молодой Ленин прекрасно понимал, что дело, которому он решил посвятить жизнь, требует знания не только политэкономии, но и права. Именно «свободная профессия» адвоката позволяла использовать суд для разоблачения язв буржуазно-помещичьего строя, ибо судебные процессы давали неопровержимый материал для критики существующего режима.

К достоинству труда И. Б. Стерника следует отнести его стремление не только осветить юридическую деятельность Владимира Ильича до революции и в первые годы Советской власти, но и показать, как эта деятельность отражается на нынешнем этапе коммунистического строительства.

В самом деле, разве принятые в конце 1979 года Верховным Советом СССР Законы Советского Союза: о народном контроле, о Верховном Суде СССР, Прокуратуре, Государственном арбитраже и адвокатуре — не результат законодательного опыта революционных лет, осуществленного В. И. Лениным и созданной им Коммунистической партией.

В. И. Ленин высоко оценивал роль права в решении социально-экономических проблем, в укреплении дисциплины, общественного порядка, организованности. И сегодня эти ленинские положения весьма актуальны. Ноябрьский (1979 года) Пленум ЦК КПСС поставил перед партией и страной новые масштабные задачи. Чтобы

успешно решить их, нужно создать на всех уровнях, на всех участках работы обстановку высокой требовательности, дисциплины, ответственности кадров за порученное дело. Этому будут способствовать и принятые законы. Ведь совершенствование правовой сферы, строгое, неукоснительное выполнение юридических норм — одно из условий успешного функционирования хозяйственного механизма страны, нормальной жизни общества.

Отражая реальный демократизм нашего строя, новые государственные акты подчеркивают, что во всей своей деятельности правоохранительные органы призваны быть на страже интересов общества и государства, социально-экономических, политических, личных прав и свобод граждан. Общая их задача — борьба за всемерное укрепление правопорядка, строгое соблюдение законности, государственной и трудовой дисциплины.

Советские законы, выработанные при широчайшем участии населения, образуют основу жизни общества и граждан. Поэтому их сознательное соблюдение и последовательное осуществление — безусловное требование дальнейшего развития советского общества.

В последние 10—15 лет приняты фундаментальные законодательные акты, регулирующие вопросы управления народным хозяйством, труда, образования, культуры, охраны здоровья, рационального использования природных ресурсов. Издано пятидесятитомное систематизированное Собрание действующего законодательства, идет активная подготовка к созданию Свода законов Советского государства.

Партия ориентирует нас: предметом особой заботы должно стать усиление воспитательной работы и предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних, повышение роли в этом семьи, школы, трудового коллектива.

Воспитание граждан в духе соблюдения законов и правил социалистического общежития связано с дальнейшим развертыванием всех форм идеологической работы КПСС и Советского государства, которая имеет целью формирование коммунистического мировоззрения у широчайших масс трудящихся.

П. СКОМОРОХОВ,
заслуженный юрист РСФСР

СОБЕСЕДНИК

Трибуна Читателя

**КОНСТИТУЦИЯ СССР ДЕЙСТВУЕТ,
ЖИВЕТ, РАБОТАЕТ**

**ИЛЬИЧЕВЦЫ —
НА СТРАЖЕ
ПРАВОПОРЯДКА**

Рассказ о народной дружине
Московского орденов Ленина,
Октябрьской Революции
и Трудового Красного Знамени
электромеханического завода
имени Владимира Ильича.

ОБМЕН МНЕНИЯМИ

Слово не должно расходиться
с делом.

Над читательскими письмами
размышляет юрист.

**ВЗЫСКАТЬ АЛИМЕНТЫ
НА СЫНА**

Из записок народного судьи

*ЧТО СДЕЛАНО
ПО ПИСЬМАМ
В РЕДАКЦИЮ*

*К 110-й годовщине
со дня рождения
В. И. Ленина*

ИЛЬИЧЕВЦЫ

Одно из старейших столичных предприятий — Московский орден Ленина, Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени электромеханический завод имени Владимира Ильича известен в нашей стране и далеко за ее пределами не только своей первоклассной электротехнической продукцией, но и славными революционными, боевыми, трудовыми традициями. Здесь не раз бывал и выступал перед рабочими Владимир Ильич Ленин, с именем которого связана славная история завода. Претворяя в жизнь заветы вождя, ильичевцы были инициаторами многих благородных начинаний. Их трудовой почин «Пятилетке качества — рабочую гарантию!» стал поистине всенародным, а его зачинатели кузнец Николай Метелкин, токарь Иван Амосов и слесарь-сборщик Николай Кузнецов удостоены Государственной премии СССР.

Встав на ленинскую трудовую вахту в честь 110-й годовщины со дня рождения Владимира Ильича и готовясь к XXVI съезду нашей партии, многие ильичевцы решили выполнить свои личные пятилетки к 22 апреля. И среди передовиков производства почти все активные общественники, члены добровольной народной дружины завода...

«В сентябре 1905 года началась всеобщая стачка рабочих Москвы. 28 сентября на заводе для руководства стачкой были проведены новые выборы депутатов. Избранными оказались одни большевики... 17 октября царское правительство выпустило манифест с обещаниями свобод... На митинге рабочих с разоблачением царского манифеста выступал Н. Э. Бауман. Вечером на Серпуховке рабочих завода избивала толпа пьяных дворников и переодетых жандармов... 18 октября убит Бауман. Вечером начался погром на Серпуховке. Черносотенцы ворвались в чайную, где обычно собирались рабочие, и напали на депутатов, несколько рабочих были жестоко

избиты. Вот тогда-то и решили рабочие завода организовать свою боевую дружину... За пять дней в заводскую дружину записалось до сорока рабочих...»

Это строки из книги «Имени Владимира Ильича» — истории завода и прославленного рабочего коллектива ильичевцев.

— Если вести отсчет с того героического времени, — начал свой рассказ о добровольной народной дружине предприятия ее нынешний командир, заместитель главного инженера по технике безопасности Гиви Григорьевич Тугуши, — то выходит, что в этом году мы будем отмечать 75-летие своей дружины, добрые традиции которой стараемся бережно хранить...

Командиром ДНД Гиви Григорьевича — человека высокой порядочности, смелого, решительного, умудренного житейским опытом, — избрали единогласно еще в 1973 году. С тех пор отряд заводских народных дружинников значительно вырос и окреп.

— Сейчас наша дружина состоит из шести оперативных отрядов, — продолжил Гиви Григорьевич. — В каждом из них до полутораста народных дружинников. Кроме патрулирования микрорайонов в непосредственной близости от завода и мест жительства ильичевцев, мы участвуем и в специальных рейдах по пресечению хулиганства и даже в розыске опасных преступников.

...Сумерки в январе наступают стремительно. Едва начали дежурство — пошел мелкий снежок. Дружинник слесарь Виктор Батенин вышел на маршрут вместе со своим бригадиром Сергеем Костюковым и двумя другими рабочими из девятнадцатого цеха. Минуту постояли у памятника Владимиру Ильичу Ленину, что в центре площади перед заводом. Сергей Костюков вспомнил, как летом здесь принимали присягу московские милиционеры и дружинники ильичевцы. В тот торжественный день вместе с товарищами принимал присягу и он...

Дальнейший маршрут — по Большой Серпуховской улице.

— Дружина! — позвали с противоположной стороны улицы. — На помощь!

Они поспешили на зов. Быстро успокоили крепко выпившего мужчину, пристававшего к женщине. Потом вызвали милицию и помогли отправить его в медвытрезвитель...

Был случай и посерьезнее.

— Ребята, в магазине хулиган с ножом! — подбежал к ним запыхавшийся парнишка.

Дружинники вошли в магазин, когда хулиган с ножом был почти у двери. Оказалось, преступник угрожал продавщице винного отдела. Услышав команду дружинников: «Бросай оружие!» — решил убежать.

Но скрыться не удавалось. И тогда хулиган бросился на Костю-

*Депутат районного
Совета, член парткома,
заместитель секретаря
цехового партбюро,
член заводской
дружины, наставник
молодежи Кузьма
Иванович Сахаров
с молодыми рабочими.*

*Командир заводской
дружины Гиви
Григорьевич Тугуши
проводит заседание
штаба.*

кова. Бригадир увернулся от ножа, но перехватить нападавшего не успел: тот уже выскочил на улицу. Началась погоня, которая усложнялась сумерками. Но дружинники все-таки догнали его. Правда, он успел взмахнуть ножом... Так у Виктора Батенина появился шрам у левого глаза. За смелость он получил подарок от министра внутренних дел СССР Н. А. Щелокова — приемник «Кристалл». А бригадир С. Костюков и двое других его помощников были награждены наручными часами за участие в поимке опасного преступника...

— Наши дружинники, — говорит Г. Г. Тугуши, — помогая милиции, участвуют также в розысках особо опасных преступников, в профилактической, оперативной работе не только в закрепленных за нами районах, но и по всей Москве. И добиваются неплохих результатов. — Гиви Григорьевич с гордостью показывает Почетную грамоту министра внутренних дел СССР Н. А. Щелокова, которая скоро займет место в заводском музее.

«Добровольной народной дружине завода имени Владимира Ильича за активное участие в проведении мероприятий по обеспечению охраны общественного порядка и профилактике правонарушений в городе Москве». За этими строками из приказа № 401 по Министерству внутренних дел СССР немало благородных дел дружинников-ильичевцев. Тут и обеспечение должного порядка на Павелецком вокзале столицы, и рейды в подмосковных электричках во время предновогодней операции «Елочка» (борьба с незаконными порубщиками леса), и дежурство в кинотеатре «Правда», на станциях метро, и профилактическая работа с подростками в школах Москворецкого района...

...Инженер-технолог Александр Злыднев после работы спешил в детский сад за четырехлетней Леночкой. Вчера ему уже «досталось» от воспитательницы за то, что поздно пришел за дочерью. На этот раз нужно успеть вовремя. Александр сел в вагон метро на «Павелецкой» и сразу обратил внимание на двух подвыпивших парней, развязный вид и грубость которых настораживали. Молодой дружинник наблюдал за ними до тех пор, пока те... не закурили. В ответ на замечания пассажиров они стали грозить расправой, сквернословить.

Несмотря на тесноту в вагоне, Александр постарался подойти к хулиганам как можно ближе, чтобы одернуть. Один из пассажиров, который пытался их усовестить, выходил с Сашей на одной станции. И тут один из хулиганов крикнул:

— Эй, ты, не спеши, давай потолкуем!

Сашин попутчик замешкался. Александр вполголоса сказал:

— Задержите низкорослого, а я того, который в карман полез. Главное — чтоб не сбежали...

Короткая схватка, и оба хулигана были задержаны. Подошла еще одна женщина — очевидец пьяного скандала в вагоне:

— Пожалуйста, пойдите в милицию, я свидетельница их хулиганства.

Когда нарушители общественного порядка были сданы в отделение милиции метрополитена, все трое вышли на улицу. Оказалось, каждый из них — дружинник. А вот познакомиться не удалось: Александр торопился в сад.

— За дочкой,— крикнул он своим добровольным помощникам.

В тот день он не опоздал в детский сад. Жаль только, что об этом случае Александр так и не рассказал дома. Решил не волновать близких. Но и близкие и друзья знают, что на таких парней, как Александр Злыднев, вполне можно положиться на крутых жизненных поворотах...

— В нашей дружине таких надежных людей, как Саша, много,— рассказывает Гиви Григорьевич.— И все они люди активной жизненной позиции, готовые прийти на помощь людям в любую минуту. Мы получаем немало благодарностей из Подмосковья, из подшефных хозяйств, даже с целины за четкие и благородные действия наших дружинников. И так тоже бывает, как видите: формально человек вроде бы уже вышел из дружины, но ильичевская закуска не дает ему равнодушно проходить мимо низости, хамства и хулиганства. Кандидатов в дружинники мы у себя тщательно готовим, отбираем среди самых достойных рабочих и служащих завода. Случается, правда, что и отчисляем человека из дружины за тот или иной аморальный проступок, но это редкость. Среди лучших мы называем сегодня отряды инструментального цеха (где командир Валерий Дмитриев) и отдела главного конструктора (им руководит Анатолий Ковалев, недавно награжденный грамотой РК КПСС и получивший почетное звание «Отличный дружинник»)... В общем, как я уже говорил, стараемся святые для всех нас традиции ильичевцев продолжать — ведь у их истоков стоял Ленин...

Да, Владимир Ильич часто бывал на заводе, шесть раз выступал перед рабочими и неоднократно давал высокую оценку их борьбе за установление революционного порядка и сознательной дисциплины. В одном из своих выступлений Владимир Ильич Ленин призвал заводчан «творить свою революционную работу»...

И один из итогов этой большой целенаправленной работы по-ленински: нынешняя добровольная народная дружина одного из старейших заводов Москвы — одна из лучших в столице.

В. ЦЕШЕЙКО,
сотрудник заводской
многоотиражной газеты
«Ильичевец»

обмен мнениями

СЛОВО И ДЕЛО

«Администрация завода, приглашая на работу, сулила всем места в общежитии. Когда же мы приехали, оказалось, что общежитие еще не введено в строй. Конечно, без жилья мы не остались — с полгода теснились на частных квартирах. Теперь все уладилось, да я, собственно, и не жалуясь (потому и не называю свое предприятие). Однако хотелось бы серьезно поговорить о том, почему некоторые люди, особенно должностные лица, могут так легко и безнаказанно бросать слова и обещания на ветер, а по сути — просто-напросто обманывать окружающих. Ведь такая необязательность обесценивает слово, ведет к безответственности и даже правонарушениям...»

■

«Сотрудники «Горгаза» обещали явиться для профилактического осмотра оборудования в понедельник и просили всех жильцов дома быть на месте. Однако никто из газовщиков не явился, а вместо извинений жильцам было предложено находиться дома в среду...»

■

«ЖЭК объявил нам, что горячая вода будет отключена на день, в то время как дали ее лишь через неделю...»

Все это строки из писем в редакцию. Да и кому из нас не памятни подобные случаи. Поэтому вполне естествен вопрос читателей.

какую силу имеют такие обещания, и существует ли правовая ответственность за их невыполнение?

Обман... В юриспруденции так даже квалифицируют некоторые преступления. И хотя читатели в письмах ведут речь о невыполненном обещании, они часто называют это, как принято в обыденной жизни, обманом. В общем-то, они правы. Но поскольку понятие «обман» уже имеет определенное юридическое значение и смысл, для точности и соблюдения буквы и духа закона станем говорить лишь о не сдержанном слове.

Многие наши читатели считают нужным повысить ответственность — и в первую очередь должностных лиц — за то, чтобы слово у них не расходилось с делом. С этим трудно не согласиться. Хотя, конечно, неправильно считать (как полагают некоторые), что нарушение администраторами своих обещаний, что, к примеру, в текущем году будет открыта столовая на предприятии либо будут улучшены условия труда в каком-то цехе, не влечет никаких правовых последствий. За любое бездействие, невыполнение должностных обязанностей, в связи с которым давались соответствующие обещания, наше законодательство предусматривает дисциплинарную, административную, а в особо серьезных случаях — уголовную ответственность. Жаль лишь, что применяются такие нормы закона, судя по письмам, не всегда.

Как много неприятностей испытываем мы в быту, когда нарушаются назначенные сроки примерки и шитья одежды, ремонта бытовой техники и тому подобное. И хотя существует материальная ответственность организаций и персональная — руководителей и конкретных работников за невыполнение обязательств перед гражданами-кредиторами, «обещалкины» в сфере обслуживания не перевелись. Очевидно, механизм воздействия на них через «жалобную книгу» и тому подобные «жалостливые» средства еще не совершенен. А потому нельзя не поддержать тех читателей, которые предлагают усилить правовые средства борьбы с так называемыми «хозяевами» своего слова.

Есть у рассматриваемой темы одна очень важная сторона. Речь идет об авторитетности просто слова делового человека, должностного лица, руководителя. Насколько велико общественное значение твердого слова гражданина, действующего от имени предприятия, организации или учреждения, известно каждому. Авторитет любой организации, деловая репутация учреждения определяются, в частности, не только тем, как выполняются ими письменные инструкции, договоры, но и тем, насколько точны они в сотнях каждодневных ситуаций, когда отношения с ними опираются только на слово, на обещание подать машину к такому-то часу, изготовить продукцию к определенному сроку, прислать слесаря не позже полудня... А по-

сколько по закону устные сделки и договоры с организациями, как правило, не имеют юридического значения, так как они либо недействительны, либо недоказуемы свидетельскими показаниями, некоторые читатели предлагают в определенных случаях (вызов слесаря на дом, мастера по ремонту радиотелеаппаратуры и т. п.) расширить сферу их правовой охраны.

Важными представляются и замечания читателей журнала о законности «воспрещающего» слова. Это относится главным образом к тем случаям, когда гражданину необоснованно отказывают в удовлетворении просьбы, что-то запрещают или, к примеру, вывешивают объявления о том, что «приемный пункт на этой неделе работать не будет», «сберкасса закрыта на ремонт», «за не сданные в камеру хранения вещи администрация дома отдыха ответственности не несет» и так далее.

Однажды в камере хранения вокзала я наблюдал, как приемщица отказывалась взять у группы туристов байдарки. Предлог: они «не так упакованы и обвязаны». Однако байдарки были собраны правильно, как это предусмотрел изготовитель, и увязаны в заводскую упаковку. Долго пытались доказать туристы, что их лодки — не телевизоры, не чайный сервиз и что в таком виде байдарки и предназначены для транспортировки. Приемщица никаких объяснений не принимала, хотя и не могла привести в оправдание своего отказа каких-либо правил приемки багажа. Их у нее не было. Тщетно пытались уразуметь и туристы, чего от них хотят, — ведь везде и всегда байдарки в таком облачении в камеры хранения брали.

Однако при отказе в совершении действий, предусмотренных уставом для данной организации, ее сотрудник обязан сослаться на конкретный пункт соответствующего акта, предъявив его по требованию заинтересованной стороны. Могут возразить, что никто не может ссылаться на незнание закона. Но ведь это вопрос, кто его не знает. Пусть уж лучше и доказывает свою компетентность тот, кто обязан знать порядок. Не секрет, что кое-где причиной всяческого рода отказов бывает правовая неграмотность, а нередко и нежелание точно выполнять свои обязанности, стремление упростить их на выгоду себе и в ущерб клиенту или потребителю.

Большую пользу здесь может привести, на наш взгляд, публикация нормативных актов, которым должны следовать граждане и обслуживающие их организации. Случалось ли вам знакомиться с правилами оказания услуг предприятиями связи? Какие права вы имеете как телефонный абонент? И хотя в нашем журнале публиковались некоторые из этих правил, такие вопросы из писем мы привели не случайно. И впрямь, многие ли знают об этом? Каковы, к примеру, обязанности у клиентов кроме ежемесячной оплаты? А как ответственны предприятия связи за выполнение заказов, как опла-

чиваются выполненные заказы, в том числе автоматической аппаратурой. Об этом и о многом другом, судя по письмам, читатели знают буквально понаслышке. И вот когда людей вдруг извещают о том, что за неуплату каких-то ошибочно приписанных междугородных переговоров будет отключен телефон, они хватаются за голову и пытаются выяснить, что произошло и могут ли вот так вдруг отключить телефон. Но если бы абоненты знали свои права и обязанности, это существенно подняло бы силу слова в их отношениях с телефонными станциями.

...Конечно, само по себе данное кем-то слово еще не порождает правовых последствий, возлагая на обещающего главным образом лишь моральную ответственность. Однако очевидно и то, что сила слова крепится не только общественным мнением. Наши законы также не безразличны к тому, как в нашем обществе выполняются обещания и как не выполнивший их ответствен юридически. В прямо предусмотренных законом случаях, как уже было отмечено, обещание что-нибудь сделать в будущем становится обязательством с правовым значением.

Несколько иначе обстоит дело с различного рода гарантийными письмами, которые организации выдают гражданам, например, при их выселении (обещая предоставить другую квартиру после окончания строительства) или при приеме на работу (обещая обеспечить жильем через определенный срок) и тому подобные гарантии.

Надо сразу отметить, что закон в таких случаях исходит прежде всего из того, насколько правомочен обещавший сдержать свое слово. Так, в случае сноса строения и переселения граждан в другие дома сносящие организации порой обещают предоставить им квартиры в этом же микрорайоне. Будет ли выполнено такое обещание? Поручиться за это нельзя. Потому что закон не связывает переселение граждан из сносимых домов с каким-то определенным местом в городе или поселке. Выселяемому должны предоставить жилье в черте данного населенного пункта. Поэтому, если при переселении не нарушены права гражданина (размер квартиры, ее благоустроенность, планировка), он не может требовать обязательного возвращения в тот же микрорайон (на улицу), где жил раньше.

А как же обещание, данное слово? Дело в том, что такие «гарантии» не основаны на законе. И тот, кто выдавал их, действовал юридически неграмотно, обещал то, что не подлежит обязательному удовлетворению.

Ну, а если возможность сдержать слово была? Редакционная почта и материалы проверок на местах по таким жалобам со всей убедительностью показывают — добрая половина обещаний могла быть выполнена. И возможности были, и закону это не противоречило. Виной всему — этакая легкость в словах и необязательность,

безответственное отношение некоторых должностных лиц не только к запросам подчиненных, но и к своему делу вообще. А, как указывал Владимир Ильич Ленин, «слово тоже есть дело». И особенно слово руководителя, облеченного властью, который тем более щепетильно и ответственно должен относиться к обещаниям, выполнение которых по закону необязательно.

Известны, например, случаи (и о них нередко пишут читатели журнала), когда администраторы обещают или выдают гарантийные письма предоставить квартиру, если работник отработает какое-то время в данной организации. Подходило время, а люди квартир не получали. Начинались выяснения отношений, дело доходило до суда и... не получало положительного разрешения. Почему? Да потому, что вопрос о предоставлении жилья, по общему правилу, в судах не решается. Распределение квартир входит в компетенцию местных Советов народных депутатов, администрации предприятий и профсоюзов. Поэтому рассматриваются эти споры с помощью исполкомов Советов, руководства предприятий и профсоюзных комитетов. И чтобы усилить гарантии охраны прав граждан, некоторые читатели предлагают установить судебную защиту по спорам о невыполнении организациями выданных обязательств (например, о предоставлении квартиры, определенной работы, мест для детей в дошкольных учреждениях и т. д.). Эти предложения резонны и вполне соответствуют Конституции СССР.

Государственная дисциплина, законность обеспечиваются неуклонным соблюдением всех правовых норм организациями и гражданами. И слово и дело должны в этом смысле соответствовать закону. В постановлении Центрального Комитета КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» отмечается, что «эффективность воспитательной работы значительно снижается там, где возникает разрыв между словом и делом». Таким образом, уже само по себе невыполнение намеченного, обещанного наносит вред делу коммунистического воспитания. Еще больший вред наносит противоправная деятельность тех, кто обещает во исполнение правовой обязанности и не держит своего слова либо запрещает то, что дозволено законом или не противоречит ему.

Поэтому борьба за крепость делового слова, за нерушимость принятых обязательств тесно смыкается в наше время с борьбой за государственную дисциплину, за укрепление законности.

В. МАРТЕМЬЯНОВ,
кандидат юридических наук

ИЗ БЛОКНОТА СУДЫ

Максимка

Максимка любит рисовать. Но специального альбома для рисования у Максимки нет. Создает он свои «произведения» на чем попало. То найдет старый, пожелтевший от времени журнал, то возьмет оберточную бумагу, в которой отец приносил ему сладкие, с белой хрустящей корочкой пряники, а то рисует прямо на подоконнике, за что каждый раз получает от бабушки, Анны Филипповны, по мягкому месту.

Купить Максимке тетрадь Анна Филипповна собирается давно, но все забывает.

— Ты мне, бабунечка, такую толстую-претолстую купи,— просит Максимка.— И еще карандаши, всякие такие, рисовальные...

— Куплю,— обещает Анна Филипповна и вздыхает.

Максимке скоро будет четыре, но выглядит он старше, рассудительный, не по-детски серьезный. Два года из четырех он живет с бабушкой в маленькой бревенчатой избушке на окраине города. Живет с ней не потому, что нет отца, матери, а, как говорит бабушка соседке Митрофанихе, потому, что «семья у дочери развалилась». Что значит «развалилась семья», Максимка понять не может. Но из всего сказанного бабушкой уяснил твердо: папка с мамкой не хотят жить вместе.

— Бабунечка, а наша семья постронтся, чтобы папка с мамкой к нам приходили? — спрашивает Максимка, заглядывая в глаза старушке.

— Хорошо бы,— вздохнув, соглашается Анна Филипповна и, чтобы отвлечь ребенка от ненужных, как она полагает, мыслей, начинает выводить его на улицу.

Иногда через щель в заборе Максимка пробирается во двор к соседу дяде Пете.

— Пришел? — увидев Максимку, улыбается каждый раз дядя Петя.

— Ага,— несмело кивает Максимка и, спрятав руки за спину, нерешительно продвигается вперед.

— Проходи, чего уж,— приглашает дядя Петя,— давно не был.

Максимка осторожно переступает порог, оглядывается. В комнате просторно, пахнет чем-то вкусным, кругом цветы, на полу большой мягкий ковер. «Вот бы покувыркаться»,— думает он и смотрит себе под ноги.

— Телевизор включить? — спрашивает дядя Петя, обняв его за худые плечики.

— Включить,— соглашается Максимка и живо взбирается на стул.

Из другой комнаты выходит тетя Настя.

— Никак Максимка пришел! — удивленно восклицает она и дает ему конфету.— Ешь,— просит,— еще дам.

— Спасибо,— солидно басит Максимка и зажимает конфету в кулак, прячет, чтобы поделиться дома с бабушкой.

Пока на экране телевизора никакого изображения нет, пока он, потрескивая, нагревается, Максимка в который уж раз внимательно разглядывает лицо дяди Пети. Оно кажется ему похожим на отцовское. Такое же сухощавое, смуглое, с рыжеватой щетиной и такое же доброе, улыбающееся.

«Мой папка хороший»,— думает Максимка и вспоминает последний его приезд. Взорвавшись на колени, он обнимает отца, чувствует какой-то особый, так хорошо запомнившийся запах, прижимается щекой к лицу и тут же отстраняется. У-у, какой колючий,— балуясь, тянет он, поглаживая мягкой ладонью отцовский подбородок.— Ты еще придешь?» — спрашивает, запустив руку в жесткие отцовские волосы. «Приду»,— говорит отец и осторожно, чтобы не уколоть щетиной щеку Максимки, целует его.

Потом они едут в город. Отец покупает ему мороженое, лимонад, катаются в парке на каруселях...

— Ты что это загрустил? — трогает Максимку за плечо дядя Петя.

— Домой хочу,— говорит Максимка,— ко мне папка должен прийти.

— Папка? — дядя Петя понимающе вскидывает густые рыжеватые брови, улыбается.— Раз такое дело, беги.

Но отец не приходит, сколько ни ждет его Максимка, глядя в окно. «Завтра придет»,— решает он и просит бабушку рассказать сказочку про сестрицу Аленушку и братца Иванушку.

— Повремени маленько,— вздохнув, говорит Анна Филипповна,— делов вишь сколько не переделано.

Работы у нее действительно много, все сама, все одними руками: и по дому управиться, и за Максимкой присмотреть. А тут еще эта заноза-думка о дочери Катерине, о ее неустроенности, о том, что не старается она сойтись с мужем, сама сиротит мальчонку. «И в кого такая?» — сетует на дочь Анна Филипповна и вспоми-

нает, как поначалу, когда вышел у дочери разлад с мужем Василием, убивалась Катерина, жалела Максимку, гостинцев привозила. А потом, через месяц-другой, куда все это девалось.

— Ты, мама, прости, все так складывается, что и приехать некогда,— сказала как-то Катерина, встретив ее случайно в городе.— Максимку пока взять к себе не могу, пусть поживет с тобой...

— Ты хоть бы денег давала,— сказала тогда Анна Филипповна,— у меня, сама знаешь, пенсия маленькая.

Сказала и пожалела. Обиделась дочь, сделала вид, что заспешила на автобус. «Хоть бы объяснила, как и что»,— думала Анна Филипповна, а вернувшись домой, долго не могла успокоиться, рассказала все соседке Митрофанихе.

— Так тебе, старой, и надо,— махнула рукой Митрофаниха.— Все «доченька родная», «внучек ненаглядный», а она, Катерина, вот как тебе... Давно бы в суд на нее подала. Мало того, что мать забыла, она еще и сына пристроила, корми, бабка, внука, крутись-вертись...

— Тоже посоветовала,— не согласилась с Митрофанихой Анна Филипповна.— С какими глазами в суд потахусь, бумагу на родную дочь писать стану? Нет уж, пускай другие этим занимаются, а я как-нибудь переживу. Свитер вот свяжу, продам, а там, глядишь, отец Максимки...

Не договорила, вспомнила, что Василий отдал деньги за два месяца вперед, когда надо было купить сыну зимнюю одежду, привезти угля, дров, перебрать совсем развалившийся сарай, что уехал он, уволившись с работы, и как теперь будет, когда сумеет выслать денег, неизвестно.

— Переживем как-нибудь, много ли нам надо,— сказала она, и голос ее дрогнул.

Потом она с дочерью встречалась еще. И всякий раз надеялась, что Катерина первая заговорит, спросит про сына: как он, не надо ли чего? Анна Филипповна уходила от нее ни с чем, расстроенная. Немного утешало, что дочь последнее время выглядела справнее, наряднее. Может, когда жила с Василием, забот было больше: и обзавестись всем тем, без чего семьи не бывает, и училась в техникуме, а Василий работал один. Теперь Катерина работала. Жила в двухкомнатной, со всеми удобствами квартире, полученной на троих,— сама себе хозяйка. «Я, мама, обновить обстановку в квартире хочу,— вспомнила Анна Филипповна слова дочери из последнего их разговора,— а это не дешево...» «Может, она права,— думает про дочь Анна Филипповна,— ей теперь ой сколько нужно денег: и одеться по моде, и в квартире чтобы углы не светили, да и на стол подать в случае чего». И опять думки, и опять разные мысли: как можно и как должно быть. «Хоть бы десятку какую

мальчонке на молоко выкормила,— вздыхает Анна Филипповна,— не чужому какому, своему, все бы легче...»

В воскресный день Анна Филипповна решилась, поехала с Максимкой к дочери. Дверь, к немалому удивлению Анны Филипповны, открыл бородатый, в полосатой пижаме и тапочках незнакомый мужчина. Спросил, кого надо, а когда узнал, кто они такие, хмурая брови, как показалось Анне Филипповне, с издевкой крикнул:

— Катрин, это к тебе. Твой сын и твоя мать.

— Какой сын? Ты шутишь, Мишель.— Катерина вышла с дымящейся сигаретой из другой комнаты и остановилась.— Вы? — протянула она растерянно, увидев мать с сыном.— Как вы сюда попали? Как ты додумалась, старая, притащить ко мне мальчишку? Зачем ты это сделала? У меня решалась судьба, а ты, ты все испортила... Уходите, сейчас же уходите!

— Опомнись, зачем ты так,— испуганно сказала Анна Филипповна, пытаясь успокоить дочь.— Уйдем мы, только ты...

— Хорошо, хорошо, я знаю, что вам от меня нужно,— перебила, не дослушав мать, Катерина.— Потом, после, а сейчас...— Она распахнула дверь, посторонилась, пропустив мать с сыном.

Суд состоялся через месяц, когда Анна Филипповна после встречи с Катериной у нее на квартире окончательно убедилась, что дочь не желает ни брать сына, ни помогать воспитывать его.

— Если бы она, Катерина, хотела взять парнишку,— поясняла в суде Анна Филипповна,— разве бы я стала препятствовать? Кому, как не матери, растить своих детей? Теперь я прошу об одном: взыщите с нее алименты, я сама, пока есть здоровье, буду ходить за ребенком. Не оставит его и отец.

Еще и еще раз суд допрашивает ответчицу-мать, уточняет размеры ее заработка, спрашивает согласие на проживание сына Максима у бабушки, смотрит врачебное заключение о состоянии здоровья Анны Филипповны и только потом удаляется в совещательную комнату. И вот решение.

Согласно статьям 76 и 77 Кодекса о браке и семье Казахской ССР, взыскать с Голубевой Екатерины Моисеевны в пользу Голубевой Анны Филипповны алименты на сына Е. М. Голубевой — Захарова Максима Васильевича, рождения 1974 года, в размере 1/4 части от всех видов заработка ежемесячно до совершеннолетия ребенка.

Это решение областным судом оставлено без изменения.

г. УСТЬ-КАМЕНОГОРСК

В. МЕНЬШИКОВ,
член судебной коллегии
Восточно-Казахстанского
областного суда

редакции отвечают

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПРИМОРСКОГО КРАЕВОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ сообщил редакции, что совместно с Приморским трестом рисоводческих совхозов рассмотрел письмо жителя села Пухово Приморского края П. Платицина о побочном вреде химических средств, применяемых при обработке авиацией рисовых полей.

Факты, указанные в письме, подтвердились.

Сейчас в Приморском крае внедряется новая система обработки рисовых посевов почвенными гербицидами, которые вносятся в почву весной (при посеве) без применения авиации. Дозы гербицидов рекомендованы санитарной службой и не являются ядовитыми для животных, птиц, рыбы и всех сельскохозяйственных культур.

УПРАВЛЕНИЕ КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА ИСПОЛКОМА КРАСНОДАРСКОГО КРАЕВОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ проверило заявление жителя города Ейск Я. Федосина, в котором шла речь о фактах затопления улицы Чкалова в Ейске ливневыми стоками.

Для предотвращения подобных случаев разработана проектно-сметная документация по благоустройству улицы. Работы по отводу ливневых вод и благоустройству улицы Чкалова должны быть выполнены до весны текущего года.

ИСПОЛКОМ САМАРКАНДСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ сообщил, что коллективное заявление жителей поселка Урташик о недоброкачественной выпечке хлеба рассмотрено правлением Самаркандского облпотребсоюза.

Установлено, что хлебокомбинат Самаркандского райпотребсоюза действительно выпекал хлебобулочные изделия с повышенной кислотностью и влажностью. Результаты проверки обсуждены в коллективе хлебокомбината. Приняты меры для улучшения качества и увеличения ассортимента хлеба.

УПРАВЛЕНИЕ ЮЖНО-УРАЛЬСКОЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ проверило письмо В. Кулешова о недостатках в обслуживании пассажиров поезда.

За допущенную бесконтрольность при подготовке вагонов в рейс и плохое обслуживание пассажиров начальнику поезда В. Чичилову объявлен строгий выговор. Проводники Г. Писарева и Г. Аминова, нарушившие требования должностной инструкции, с работы уволены.

УПРАВЛЕНИЕ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ИСПОЛКОМА ДОНЕЦКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ рассмотрело письмо В. Некрасова о неудовлетворительной работе мастерской по ремонту бытовой техники города Амвросиевка.

За нарушение трудовой дисциплины, несвоевременное выполнение заказов слесарю сложно-бытовой техники Н. Лябихову объявлен выговор. Деньги, уплаченные за срочность исполнения заказа, возвращены В. Некрасову.

Управление принимает меры для улучшения работы мастерской.

ПРОКУРАТУРА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ проверила письмо преподавателей Великоустюгского речного училища Г. Заглубоцкой и Т. Топорен о нарушении трудового законодательства в отношении курсантов училища.

Установлено, что работавшие в совхозе «Северодвинец» курсанты Великоустюгского речного училища действительно привлекались к погрузочно-разгрузочным работам на заготовке картофеля и при этом допускались нарушения норм переноски тяжести для несовершеннолетних.

Директор совхоза «Северодвинец» предупрежден об ответственности за нарушение законодательства о труде подростков.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

Транкторист треста «Амурзолотодортранс» Амурской области В. А. Чарницов подвез несколько жителей поселка Кировский Зейского района дрова и сено. В благодарность они угостили его водкой. Пьяный Чарницов стал на большой скорости ездить на тракторе по улицам поселка, горланя песни. Сломал забор у дома одной пожилой женщины. В ответ на замечание Чарницов направил трактор на ее дом и несколькими ударами разрушил его.

Зейский районный народный суд за злостное хулиганство приговорил Чарницова к 4 годам лишения свободы. С него взыскана также сумма ущерба, причиненного потерпевшей.

В. В. Недвига и его приятель Алехин в нетрезвом состоянии шли по улице города Краматорск Донецкой области. Алехин вел на поводке собаку-овчарку. Им повстречался гражданин К. Недвига, из хулиганских побуждений натравил на него собаку, но К. удалось отбиться от нее портфелем. Тогда Недвига стал ругаться нецензурными словами в присутствии граждан, ударил К. кулаком и бутылкой, причинив ему легкие телесные повреждения.

Краматорский городской народный суд за злостное хулиганство приговорил Недвику к 3 годам лишения свободы.

З. Степанова, проживавшая в Алма-Ате, звонила по телефону гражданам, хотевшим снять жилплощадь, и предлагала им

свою комнату. Со многими договорилась, взяла у них деньги — якобы в счет платы за пользование жильем, а заключить договоры предложила позднее. Однако от заключения договоров уклонилась, а деньги присвоила.

Ауэзовский районный народный суд Алма-Аты признал Степанову виновной в мошенничестве и приговорил к 7 годам лишения свободы. С нее взыскано в пользу потерпевших 758 рублей.

Работники магазина села Верхне-Благовещенское Амурской области: заведующая Г. П. Осадчая, продавцы Л. М. Просвирина и Л. А. Горнунова, — получив со склада мороженое по 11 копеек за порцию, стали продавать его по 19 копеек. Всего им удалось продать 1224 порции, получив тем самым доход более 100 рублей. Мошенницы были разоблачены и предстали перед судом, который приговорил: Осадчую к 3 годам, Просвирину и Горнунову — к 2 годам лишения свободы.

Команда теплохода «Буг» Башкирского управления пароходства «Волгатанкер» решила ловить в реке Уфа рыбу с применением электротона. С согласия капитана теплохода В. И. Араптанова Е. А. Гужвинский и С. П. Лебедич забросили в реку концы кабеля и включили ток. По воде поплыли мертвые суданы, лещи, язи.

Благовещенский районный народный суд Башкирской АССР признал Араптанова, Гужвинского и Лебедича виновными в браконьерстве и приговорил к 1 году исправительных работ.

ЗАКОН

И ПОДРОСТОК

Воспитание молодежи — одна из главных забот Советского государства и общества, кровно заинтересованных в том, чтобы каждый подросток вырос настоящим человеком, активным строителем нового мира, чтобы не было среди подрастающего поколения бездельников и хулиганов, нарушителей социалистической законности. В этом важная роль отводится семье, школе, трудовым коллективам, общественным организациям.

Проблемы правового и нравственного воспитания несовершеннолетних занимают в нашем журнале важное место. Они обсуждаются в статьях, очерках, репортажах, письмах трудящихся. В этом номере мы публикуем два материала, которые, как бы дополняя друг друга, наглядно показывают, сколь важно для подростка умение оценивать свои поступки, сознавать, где кончается дозволенная забава, развлечение и начинается нарушение закона.

Если в судебном очерке С. Борисовой речь идет о конкретных преступлениях несовершеннолетних и об ответственности взрослых, вовлекающих их в эти преступления, то статья С. Батовой представляет собой итог интересного исследования, которое ставило перед собой цель изучить юридическую грамотность учащихся. Оба материала не зря соседствуют. Прочтя их, читатель легко поймет: правовая неграмотность, неумение ориентироваться в отдельных сложных ситуациях, отсутствие правильного руководства со стороны взрослых, отрыв воспитательной работы от жизни могут привести к серьезным последствиям, к преступлению.

ГОРЬКО ПЛАКАЛИ...

О ТЕХ, КТО ВОВЛЕКАЕТ В ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Янис совсем замерз, прячась в телефонной будке на углу улицы Катриндамбис. Ближе к полуночи решил: пожалуй, теперь пора...

Маленький «Запорожец», примеченный им еще вчера, сливался с чернотой двора. Выдавить ветровое стекло, открыть дверцу и забраться в машину не заняло много времени. Попытался завести двигатель (заранее припасенным ключом зажигания). Мотор не заводился — в баке не оказалось бензина. Этого он никак не предвидел. Операция срывалась...

Изуродовав в отместку обивку, изрезав сиденья, он выбрался наружу. На душе было скверно, хотелось выпить... Но пить один не мог. «Такой уж дурацкий характер», — сообщал Янис обычно всем собутыльникам. Пожалуй, была тут и еще причина: постоянное безденежье. Уже три месяца не работал, да и перед этим нигде подолгу не задерживался, так что какие уж тут деньги... Вот хотел угнать машину, одному жулику на запчасти — так на тебе, неудача...

В горьких мыслях не заметил, как вышел к кинотеатру «Космос». От ярко освещенной витрины отделились трое: двое ребят и совсем молоденькая девушка. В другое время прошел бы небрежно мимо — подумаешь, компания, молокососы, — но остановила внимание девчонка... А парнишка повыше уже совал ладошку, рисуясь перед приятелями своим знакомством с таким видным, высоким, спортивным мужчиной...

— Олег, Сильвия, — представил своих спутников Георгий (так звали паренька).

— Выпить бы надо за знакомство, — галантно предложил Янис, вытаскивая из кармана бутылку с жидкостью для чистки окон.

...Пустую посуду закинули в газон и стали совещаться, где бы добавить.

У пятнадцатилетнего Олега, нового знакомого, оказалась пятачка.

— Верну утром, — небрежно бросил Янис и исчез за углом.

Вскоре появился с бутылкой водки, победно глянул на подростков: оценят ли? Это далеко не каждый сумел бы — в двенадцатом часу ночи раздобыть бутылку...

Оценили... Это прямо нарисовано было на их восхищенных физиономиях.

— А что это мы тут на лавке, как бездомные... Махнем ко мне, посидим, выпьем, побеседуем, — великодушничал Янис.

Да за таким человеком — куда угодно...

Когда с бутылкой было покончено — часов около трех ночи, хозяин предложил перейти к делу...

О том, что было дальше, рассказывают скупые строчки судебного приговора:

«....Зная, что во дворе его дома стоят автомашины, вместе с... (далее следуют фамилии ребят) спустился во двор, выдал рукой переднее ветровое стекло автомашины «Жигули», госномер такой-то, принадлежавшей гражданину Т., открыл дверь, сел за руль и пытался завести двигатель, но не смог. Тогда он разорвал электропроводку автомашины и попытался соединить провода напрямую и таким образом завести машину, но и это ему не удалось...»

Вновь обретенные друзья все это время стояли на «стреме».

— Живо сюда! — слышали они шепот Яниса. — Подтолкните меня...

Жора и Олег принялись толкать машину, Янис рулил, сидя в кабине.

— Не заводится, проклятая... — И грубое ругательство повисло в тишине двора.

Это уже было дело принципа, если угодно: не слишком ли мно-

го — вторая неудача за ночь... И. Янис с подручными перебираются к «Москвичу-403».

«Почерк» тот же, отработанный: разбить переднее стекло, проникнуть в машину...

В это время тревожно свистнул Олег — условный сигнал, весть о тревоге. Янис не успел даже вылезти из машины: их задержали работники милиции, вызванные по телефону одним из жильцов, в окно наблюдавшим за их стараниями...

...Восемнадцать, шестнадцать, пятнадцать. Таков возраст участников «операции». На следствии Яниса Г., вдохновителя и вожака, спросили:

— Вы знали, что ваши соучастники — несовершеннолетние?

Янис изобразил самое натуральное удивление:

— На них не написано... Пьют лихо, а там кто же их знает. Не документ же спрашивать...

То же самое он твердил и во время суда.

Этот трюк, как говорится, не прошел: и Георгий, и Олег подтвердили: знал. С Георгием знаком давно, а этих двух специально спрашивал, интересовался на всякий случай...

Отвлечемся на время от подробностей дела и посмотрим, кто есть кто в этой стихийно создавшейся группе, из которой трое, как уже говорилось, — несовершеннолетние, подростки. Ни на секунду не усомнившись, они пошли за первым встречным, поманившим их на темное дело. Казалось бы, невероятная ситуация? Итак, кто же они...

Янис Г., старший по возрасту, инициатор преступления, уже имеет стаж и опыт в ночных делах. С законом, вернее — с его карающей рукой, он познакомился, когда ему было шестнадцать лет. Попался на хулиганстве. Октябрьский районный народный суд города Риги, учитывая его возраст и то, что это первая судимость, приговорил его к одному году лишения свободы условно, с испытательным сроком два года. Казалось бы, повезло: споткнулся, ошибся, но — простили, поверили, дали возможность исправиться... Но ничему судимость Яниса не научила: не успел еще кончиться испытательный срок, а он уже вышел на новое преступление. Да и до того, как попался в эту злополучную ночь, жизнь вел отнюдь не праведную: постоянно менял работу, нигде подолгу не задерживаясь, почти каждый день напивался — неизвестно на какие средства, хулиганил, бывал задержан дружинниками за драки...

И еще одна черта, дающая наглядное представление об этом парне.

Во время допроса он пытался отрицать свое «лидерство», сваливая вину на Георгия. Это, якобы, «идея» того, а он, Янис, просто взялся помочь неопытным ребятам.

— Это из человеколюбия, что ли? — уточнил следователь.

— Вроде того... — нагло подтвердил Янис.

На очной ставке Георгий оторопел, когда услышал, что Янис отводит ему, именно ему, роль организатора преступления.

— Не верьте ему, гражданин следователь, — наконец сумел выдать из себя Георгий. — Мы и в голове ничего такого не держали... Гулять вышли...

— Давай, трави, — ухмыльнулся Янис. — А то тут дураки сидят, не поймут, чего ты хочешь... На меня рад свалить, да? Мол, ранее судимый, злостный, втянул тебя, хорошего мальчика, в преступление... Не пройдет!

Недавние компаньоны долго и старательно топили друг друга, пока следователь не развел их...

К сожалению, Георгия действительно не назовешь «хорошим, невинным мальчиком». Всего за год (да и того меньше) до нынешней «операции» (он только-только закончил восьмой класс и пошел работать в швейное производственное объединение) совершил кражу. Но ему крупно повезло: освободили от ответственности по амнистии.

Комиссия по делам несовершеннолетних, где он долгое время состоял на учете, помогла с трудоустройством на другое предприятие. Георгий попал в хороший коллектив. Мог бы приобрести специальность, учиться в вечерней школе, найти настоящих друзей...

Но вот перед следователем характеристика с места работы Георгия, характеристика резко отрицательная: к работе относится недобросовестно, пьянствует, прогуливает. Его поведение не раз становилось предметом обсуждения на собраниях коллектива, но никакого воздействия, как видно, это на парня не оказало...

Третьего соучастника — Олега С. — к уголовной ответственности сочли возможным не привлекать, и материал о нем был передан в комиссию по делам несовершеннолетних, где он, кстати, давно стоит на учете: за хулиганство, употребление спиртных напитков, драки на улицах. И вот теперь — как закономерный финал — участие в краже. Окончилось оно неудачно вовсе не по «вине» ночных воришек.

«Лучше строго наказать сейчас, чем увидеть впоследствии на скамье подсудимых», — рассудили на заседании комиссии. По ее решению Олег был направлен в спецГПУ.

В судебном заседании у Олега спросили:

— Вот вы часа три сидели, выпивали с незнакомым человеком... О чем же вы говорили?

— Он расспрашивал меня и Сильвию, с кем мы живем. Я сказал, что отец не живет с нами, давно уж ушел. Мать тоже дома бывает

не каждый день, переехала к новому мужу. Мы с сестрой и живем вдвоем...

— Он уговаривал тебя пить?

— Сказал, что уважает парней, которые поступают как настоящие мужчины... И когда во двор нас позвал, тоже сказал: «Ну-ка, проверим, есть ли среди нас настоящие мужчины...»

На этом моменте, именно на этом, один из судей делает, если так можно выразиться, «стоп-кадр»: тот факт, что парень оказался практически безнадзорным, самому себе предоставленным, сыграл решающую роль...

— Специально таких ищешь? — спрашивает судья у Яниса. — Тебе ведь как раз такие помощники и нужны, что живут без родительского глаза, сами по себе?

— Да кто их ищет... Сами липнут... — угрюмо отзывается тот.

В какой-то мере это верно — «липнут». Привлекают его показная сердечность и «демократизм» — хоть они и младше, а он с ними как с равными, за руку, и разговор серьезный, о жизни, и выпить предложит. А тут уж алкоголь на помощь приходит: головы парням туманит, делает наглыми и послушными его злой воле...

...— Встать, суд идет! — эти слова всегда подводят черту, их ждут с тревогой и нетерпением.

Преступник получил по заслугам. Георгия Н. суд признал виновным в соучастии в краже и приговорил к лишению свободы сроком на 10 месяцев с отбытием наказания в воспитательно-трудовой колонии общего режима. Олег С., как уже упоминалось, направлен в спецГПУ.

...В управлении судебных органов Министерства юстиции Латвийской ССР я поинтересовалась, много ли случаев, когда подростки совершили преступления под влиянием взрослых.

Оказалось — немало... Втягивают, подталкивают, вовлекают — обманом, угрозами и, как правило, предварительно подпоив подростка. Те, кто идет на это, прекрасно знают об ответственности — народ нынче грамотный... Статья 210 УК Латвийской ССР специально предусматривает наказание за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и пьянство.

И потому, когда такой «наставник» молодежи попадает, то начинает метаться, вилять, прикидываться нелюбознательным: мол, откуда мне знать, сколько ему лет, в школу не ходит, пьет-курит, не паспорт же спрашивать. Или еще такой довод: все они нынче акселераты, все длинные, поди разбери, какой там возраст...

И случается — помогает... И от наказания иному преступнику удастся иной раз ускользнуть.

А правильно ли это? Не вернее ли будет подходить здесь строже, ведь не освобождает от ответственности незнание законов, точ-

но также не должно освобождать от нее незнание возраста соучастника преступления. Слишком строго? Но ведь на другой чаше весов — искалеченные детские души и судьбы...

А вот еще одно дело. Оно слушалось не так давно в Пролетарском районном народном суде города Риги под председательством А. Я. Алдере. Здесь не увидим мы никого, кто вовлекал бы подростков в преступление, толкал бы на дурной путь. Но и здесь преступлению самым недвусмысленным образом способствовали взрослые.

...Первый тост, как и положено, подняли за «прекрасных дам». Имант внимательно следил, чтобы в рюмках ничего не оставалось — пить так пить. «Прекрасные дамы» лихо осушили рюмки, не отставая от ребят. А вот тот парнишка, с краю стола, только пригубил вино — и отставил. Это не понравилось Иманту, но смолчал — на первый раз...

Вечер катился как по нотам. Разматывал свою бесконечную ленту магнитофон, зеленовато светилась настенная лампа — для настроения, вяло танцевали две пары. Но ни интимный притушенный свет, ни новейшие записи не помогали: настроение как-то не поднималось, хотя бутылки на столе пустели, и Имант как хозяин исправно подливал в рюмки. Требовалось что-то такое, что помогло бы расшевелить гостей, да и самому встряхнуться.

Он снова налил себе, но не успел поднести рюмку ко рту — его руку кто-то остановил.

— Может, хватит? — мягко спросил его парнишка, тот самый, что не стал пить за «прекрасных дам». Имант видел его сегодня впервые — привел кто-то из ребят. У парня было доброе, открытое лицо, и глаза доверчиво щурились за стеклами очков...

Но все эти детали вспомнились Иманту уже значительно позже, как бы выплыли из тумана, а тогда ему ясно было одно: кто-то пытается помешать им веселиться, хочет сорвать и без того не очень удавшийся вечер...

Во дворе, куда они вышли для «мужского разговора», было уже совсем темно, и свет далекого фонаря почти не освещал их лиц. Они били того парнишку вчетвером, почти на ощупь, как скажет потом Нормунд С., который был меньше пьян, чем остальные. Били жестоко, озлобленно, не отдавая себе отчета — за что, почему и, пожалуй, даже — кого бьют...

Пострадавший в тяжелом состоянии был доставлен в больницу прибежавшими на шум соседями.

Рыцари «прекрасных дам» оказались на скамье подсудимых...

— Вы хоть немного помните, что произошло в тот вечер? — спросила у Иманта во время судебного заседания судья. — Вы соображали, что делаете?

Ответ «обезоруживал» своею искренностью: нет, он мало что помнит, слишком много было выпито...

Листаю «дело»: опять же интересует вопрос «кто есть кто». И с удивлением убеждаюсь, что, в противоположность участникам первого преступления (о котором рассказывалось вначале), эти подростки в трудных не числились, с инспекцией по делам несовершеннолетних дел не имели. Словом, ребята как ребята: одни учатся в школе, другие работают на заводе учениками. Да и характеристики на них следователь получил самые положительные: дисциплинированные, с порученной работой справляются. И даже — участвуют в общественной жизни коллектива...

Как же случилось, что шестнадцати-семнадцатилетние подростки, да еще, если верить характеристикам, «дисциплинированные, общественники», то есть, в общем-то, неплохие ребята, на какое-то время потеряли человеческий облик, жестоко избили сверстника, абсолютно ничего им не сделавшего?

Все они твердили как заклинание: был пьян, ничего не помню, пили водку, мешали с вином.

Им казалось, что это обстоятельство смягчает их ответственность, что их пожалеют, примут во внимание потерю контроля над собой, такое трогательное состояние, когда не ведаешь, что творишь. Ну, отключились на минутку — с кем не бывает... А то, что эта минутка едва не стоила жизни их товарищу, — об этом как-то никто из них и не вспомнил тогда...

Суд решил иначе. Приняв во внимание, что подростки избивали с особой жестокостью, и подчеркнув, что опьянение является обстоятельством, отягчающим ответственность, зачинщика избияния Иманта П. суд приговорил к трем годам лишения свободы с отбытием наказания в воспитательно-трудовой колонии.

Таков финал вечеринки. Думал ли о такой возможности Имант, когда снимал телефонную трубку и сообщал Нормунду, лучшему своему другу: старушки отбыли на взморье, звони ребятам, прихвати девочек — и ко мне... «Горячее» — в складчину...

Купить это самое «горючее» не составило особого труда, хотя по ребятам явно было видно, что они еще подростки, несмышлениши, которых продавец и подпускать-то к прилавок не должен был...

Этот возмутительный факт не был обойден вниманием. Пролетарский районный народный суд вынес частное определение в отношении управления торговли и директора магазина.

Надо сказать, что к частным определениям, которые выносят народные суды, на предприятиях, в организациях, учебных заведениях относятся весьма серьезно.

— Зная, что все равно не оставим их в покое, пока не будут

приняты меры и не будет получен удовлетворяющий нас ответ,— так объясняет это Аустрия Яновна Алдере, народный судья.

Вот и этот случай... Алдере добились, чтобы он получил широкую огласку в управлении торговли и во всех магазинах, торгующих спиртными напитками, были проведены собрания с обсуждением всего случившегося. Продавец, столь любезно «обслуживший» подростков, был строго наказан. Директор магазина также строго наказан.

Именно на это ориентирует судебных работников пленум Верховного суда Латвийской ССР: он требует во время рассмотрения судебных дел обращать особое внимание на выяснение обстоятельств, связанных с продажей спиртных напитков несовершеннолетним, выявлять лиц, виновных в доведении несовершеннолетних до опьянения или продававших им спиртное, и строго наказывать их.

И это понятно: ведь если на первый взгляд это всего лишь нарушение правил продажи спиртного, то на второй, более внимательный взгляд, это то же самое начало вовлечения, пусть косвенное, но все равно способствовавшее совершению подростками преступлений.

...Но ведь суд — это уже последняя инстанция в «воспитательной лесенке», так сказать, инстанция трагическая.

Надо сказать, что в Риге борьбу за подростка начинают еще до того, как он перешагнет черту закона.

В эту борьбу включены всевозможные организации: тут инспекции и комиссии по делам несовершеннолетних, и официальные лица, и общественники, тут и работа различных молодежных клубов. То есть сама по себе профилактическая работа настолько всеобъемлюща, что это, как говорится, тема уже другой статьи. Но хотелось бы остановиться только на некоторых мероприятиях городского масштаба, о которых рассказала заместитель председателя горисполкома Бирута Николаевна Лукстыня.

Например, расширенное совместное заседание двух комиссий — по делам несовершеннолетних и по борьбе с пьянством и алкоголизмом, на которое были приглашены работники магазинов, торгующие спиртными напитками, официанты ресторанов и кафе. Перед ними выступили работники прокуратуры, милиции, председатели районных комиссий по делам несовершеннолетних. Разговор шел предметный: такое-то и такое-то преступление было совершено тогда-то, такими-то подростками.

— Причина его одна — опьянение, ибо никаких других причин даже сами виновные не знают. И вот мы с вами, дорогие товарищи, сейчас поговорим — и разойдемся по домам, а эти мальчишки домой вернутся не так уж скоро, по той простой причине, что отбы-

вают наказание. И скажите честно, какова доля здесь вашей вины? Не большая ли?

— Вы себе не представляете, какое этот разговор произвел впечатление на собравшихся,— вспоминала Лукстыня.— Я впервые видела, чтобы взрослые люди плакали, и так вот, со слезами на глазах, выступали и заверяли, что впредь и сами подобных нарушений допускать не будут, и других остановят...

И еще одна интересная традиция: городская воскресная школа социалистической законности. На одно из занятий пригласили подростков, состоящих на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних, пришли их родители. Перед ними выступили работники прокуратуры, главный нарколог города, руководители отдела внутренних дел. И здесь была та же направленность: не общие слова, а конкретные темы, конкретные примеры. Выступает парень, отбывший длительный срок наказания в колонии. Говорит запинаясь, волнуясь, глотая слова, не очень, может быть, гладко, но его выступление стоит многих лекций и бесед. Он рассказывает о себе, о своих ошибках — это рассказ выстраданный, от самых глубин души идущий... И можно себе представить, какое впечатление он произвел на собравшихся ребят...

А вслед за ним дают слово матери подростка, который уже отбыл срок наказания, стал на правильный путь, работает, учится. Сам он сидит тут же... А мать рассказывает людям, сколько лет жизни и здоровья отняла у нее эта ошибка, которую совершил сын в самом начале жизненного пути. Она и себя не щадит: сама виновата, не углядела... И ее опыт, которым она делится с другими отцами и матерями, многого стоит.

...Но вернемся к тем, о ком мы начали разговор,— к тем, кто помогает подростку совершить преступление, толкает его на правонарушение, спайвает его. Нередки еще случаи, когда это сходит им с рук: подросток отправляется отбывать наказание, а его «учитель» и вдохновитель остается безнаказанным. Ему, главному виновнику, удалось избежать ответственности...

Опыт, практика показывают, что такие лица представляют повышенную общественную опасность, и потому только строгие меры — привлечение к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность или пьянство, как того требует закон, только решительное осуждение тех, кто повинен в изломанных детских судьбах, могут дать положительные результаты.

С. БАТОВА,
научный сотрудник ВНИИ
советского законодательства

БУДУЩИЕ РАБОЧИЕ И ПРАВО

Учащимся одного из московских профессионально-технических училищ предстояло ответить на ряд вопросов анкеты, цель которой — выяснить отношение учащихся к тем или иным правовым явлениям. Кроме того, намечалось с ее помощью выявить уровень правовых знаний ребят, проверить, как они за время обучения в общеобразовательной школе усвоили Основы советского государства и права (опрос проводился на первом курсе училища среди поступивших в ПТУ после восьмого или десятого класса). Учитывая, что в курсе Основ излагаются элементарные сведения о таких отраслях права, как трудовое, административное, государственное, семейное, гражданское и уголовное, в анкету и были включены вопросы по этим отраслям.

Как известно, после принятия Конституции СССР 1977 года в школах страны было организовано самое активное ее изучение. Поэтому восьмиклассники на уроках права каждую тему начинали с изучения соответствующих статей Конституции СССР. Им предстояло уяснить основные черты социалистического общественного строя и политики СССР, политическую систему нашего общества, формы участия общественных организаций в управлении страной и так далее. Что же касается десятиклассников, то они изучали Конституцию СССР на специально отведенных для этого уроках.

Казалось бы, учащиеся, пришедшие сюда после восьмого класса, должны были свободнее ориентироваться в Конституции. Однако опрос показал обратное. Только 9,8 процента бывших восьмиклассников смогли правильно ответить на вопрос о возрасте, с которого гражданин может быть избран депутатом Верховного Совета СССР, в то время как у десятиклассников процент верных ответов составлял 21,6 процента.

Обратило на себя внимание и значительное расхождение в знаниях отдельных положений трудового, государственного и административного права. У десятиклассников они значительно лучше, чем у восьмиклассников.

Нам представлялось, что более или менее свободное ориентирование в трудовом законодательстве весьма важно для молодежи, вступающей в трудовую жизнь. Поэтому таким вопросам уделялось в анкете особое внимание.

Ну, взять хотя бы такую проблему, как прием на работу несовершеннолетних. Подросток приходит на предприятие, еще ничего или почти ничего не умея. Все для него вновь: и сам огромный цех, и станки, и царящие здесь порядки. Он, естественно, немного побаивается. Первое время новичок вообще учится только работать. И в этом ему помогает наше законодательство, по которому молодым людям, принятым на работу после окончания профессионально-технических училищ, не устанавливается испытательный срок. Знали об этом, как выяснилось, 80,4 процента бывших десятиклассников и лишь 17,2 процента восьмиклассников, хотя последние только недавно прошли курс Основ советского государства и права, в котором подробно излагаются положения трудового законодательства и особенности приема на работу молодежи.

Немногом лучше обстоят дела и со знанием прав, связанных с порядком увольнения подростков с производства. Лишь половина опрошенных восьмиклассников и десятиклассников помнили о предусмотренной для несовершеннолетних важной гарантии: их увольнение по инициативе администрации возможно лишь с согласия комиссии по делам несовершеннолетних.

Любопытная картина вырисовалась, когда зашла речь о необходимости строго соблюдать дисциплину труда. Не секрет, что тут в знаниях части молодежи царит порой некая неопределенность. Учащимся был предложен вопрос о дисциплинарном взыскании за опоздание на работу. Чтобы заставить их задуматься, в анкете оговаривалось такое условие: «Хотя рабочий и опоздал, тем не менее он выполнил свою сменную норму». Оказалось, что две трети опрошенных считают наложение взыскания правильным. Тем не менее настораживает, что 22,6 процента бывших восьмиклассников и 9,8 процента десятиклассников не согласны с таким решением администрации. По всей вероятности, им казалось, что раз сменное задание выполнено, то и незачем вовремя приходить на работу. Да, дескать, человек опоздал, но он трудится хорошо, если даже несмотря на это справился с порученным заданием. Станные рассуждения, не правда ли? Ведь не только на производстве существуют правила внутреннего трудового распорядка, но и в школе, Устав которой строго определяет время начала занятий, обязательное для каждого. И тут уж нужно, с одной стороны, следовать этим правилам, заставить себя не нарушать их, а с другой — в случае нарушения наказание признать правильным.

С сожалением приходится отмечать, что немало затруднений

вызвал вопрос о праве несовершеннолетних на очередной отпуск. Известно, что по закону подросткам отпуск предоставляется и до истечения одиннадцати месяцев. Но на предложенный вопрос почти половина учащихся ответила: «Через одиннадцать месяцев». Правда, бывшие десятиклассники свободнее ориентируются в этом — 47 процентов дали правильный ответ. А среди восьмиклассников — лишь 12,5 процента.

Возможно, для восьмиклассников правовая информация об испытательном сроке или о других положениях трудового законодательства прозвучала несколько абстрактно и поэтому они о ней просто забыли. Ученики же десятого класса проходили профессиональную подготовку в учебно-производственном комбинате и на практике столкнулись с рядом проблем, связанных с КЗоТом. И тут уж полученные в школе знания приобрели для них осязаемую конкретность, связались воедино, закрепились в сознании.

Что же касается отдельных вопросов уголовного права, то здесь произошло нечто обратное. Именно восьмиклассники показали более высокий уровень знаний. Так, например, 41,5 процента бывших десятиклассников не знали, с какого возраста несовершеннолетние несут уголовную ответственность и за какие преступления. В то же время этого не знало лишь 13 процентов восьмиклассников. В чем причина, сказать трудно: то ли в слабом преподавании Основ в школе, то ли в индивидуальных свойствах учащихся, но факт остается фактом.

Кстати, ребята слабо ориентировались и в том, какие органы назначают уголовное наказание. Почти каждый четвертый не знал, что вправе это делать только суд. И хуже других осведомлены в этом восьмиклассники — они отвечали неправильно в два раза чаще, чем десятиклассники. Любопытно, что 17,4 процента восьмиклассников полагали, будто наказание назначает прокуратура. Не иначе как прокурор кажется им наиболее строгим и властным лицом, наделенным особыми полномочиями. Они, видимо, рассуждали так: если ему поручена проверка законности и обоснованности приговора суда, то нет ничего удивительного в том, что он и назначает наказание.

Проведенное нами исследование показывает, что многие учащиеся слабо представляют себе, что есть преступление. А иные и вообще ничего об этом не знают. Лишь половина опрошенных восьмиклассников знает, что нельзя угонять машины, это преступление. Такое правовое невежество становится иногда причиной неправильной оценки подростками разнообразных жизненных ситуаций. Среди определенной части ребят, согласно нашему исследованию, распространено мнение, что кража банки краски — это мелочь, на которую даже не стоит обращать внимание, а 26,9 процента полагают, что тут дело касается только администрации. Подобная недооценка мелких хищений чревата серьезной опасностью. Ведь ребята могут вырасти людьми равнодушными, безразличными к расхищению социалистической собственности. Хорошо, если недооценка опасности мелких хищений — результат незнания элементарных правовых норм. Тогда дело еще поправимо. А если это равнодушие, которое с годами углубится? В таком случае надо срочно исправлять недостатки в правовом воспитании, чтобы вовремя остановить такой нежелательный процесс... Бесспорно одно: как можно больше усилий следует направить на то, чтобы молодежь знала и уважала законы, охраняющие социалистическую собственность.

Проблема борьбы с алкоголизмом, приводящим часто к серьезным правонарушениям, тоже стала предметом нашего внимания. Мы интересовались, знают ли учащиеся, что совершение преступления в нетрезвом состоянии есть обстоятельство, отягчающее ответственность. Ведь опасность составляет уже само появление пьяного на улице. С водкой связаны многие преступления. Именно этим и руководствуется закон.

Бывшие восьмиклассники оказались на высоте. Они более нетерпимо отнеслись к пьянству, нежели десятиклассники. 52,6 процента восьмиклассников на предложенный вопрос ответили, что из двух граждан, совершивших хулиганские действия, более строгого наказания заслуживает тот, кто был в нетрезвом виде. Между тем среди десятиклассников правильно ответили лишь 45 процентов. Разница в семь процентов перешла к тем, кто уверен, что строже следует наказать трезвого. Возможно, старшие школьники уверены, что раз человек был трезв, то он обязан отдавать себе отчет в своих поступках. А коль он все же пошел на преступление, то пусть и несет большую ответственность. Ведь у пьяного замутненное сознание.

На человека напали с ножом. Защищаясь, он сломал руку нападавшему. Можно ли назвать действия защищавшегося правонарушением? Безусловно, нет. Но это ясно тем, кто хорошо знает закон. К сожалению, некоторые учащиеся ошибочно полагали, что необходимая оборона вещь недопустимая и даже наказуемая. «К сожалению» потому, что, оставаясь в неведении, они, вместо того чтобы пресечь нападение хулигана, начнут уходить от него, спасаться бегством.

Несколько вопросов в анкете касалось отдельных положений семейного права: условий вступления в брак, личных и имущественных прав и обязанностей супругов. В частности, на вопрос о возрасте, с которого в РСФСР может заключаться брак, почти 93 процента учащихся ответили, что с 18 лет. Не было или почти не было ни одного, кто оказался бы в затруднении перед этим вопросом.

Иную картину дал ответ на вопрос об имущественных правах супругов. Он был сформулирован так: «Супруги прожили вместе восемь лет. В течение этого времени жена работала только два года. Какая доля приобретенного в браке имущества полагается жене при расторжении брака?» Рассуждения ребят сводились к следующему: «Они прожили вместе восемь лет. Жена работала лишь два года. Следовательно, ей и полагается четверть приобретенного в браке имущества». Именно к такому выводу пришли 26,9 процента десятиклассников и 14 процентов восьмиклассников.

Конечно, учащиеся получают правовую информацию не только по месту учебы. Поэтому важно было выяснить и другие источники, которыми они пользуются. Как показал опрос, ими оказались телевидение, радио, газеты. Обстоятельство, которое следовало бы учитывать воспитателям, планирующим факультативы или другие правовоспитательные мероприятия.

В ПТУ, где проводился опрос, используются различные формы правового воспитания. Действует Университет социалистической жизни, в котором занимаются 90 человек. В библиотеке периодически (два раза в год) организуются выставки популярной юридической литературы. Кроме того, проводятся рейды «Комсомольского прожектора», работает комсомольский оперативный отряд, на счету

которого несколько задержаний нарушителей общественного порядка.

В то же время на вопрос анкеты, как учащийся отнесся бы к предложению вступить в добровольную народную дружину по охране общественного порядка, 28,2 процента бывших восьмиклассников и 15,4 процента десятиклассников заявили, что ответили бы отказом. Видимо, определенную роль играют тут двухгодичная разница в возрасте и более высокая гражданская сознательность старших ребят.

В формировании правосознания молодежи важно, чтобы полученные ею знания сложились в твердые убеждения, стали нормой поведения. Потому что осведомленность о тех или иных статьях закона еще не означает, что человек будет правильно действовать в конкретной ситуации. Ведь не известно, как он поступит, если никого нет рядом. Недаром А. С. Макаренко утверждал, что подлинно нравственные качества проявляют себя не на людях, а наедине с собой, когда никто не видит и не судит, то есть в бесконтрольной ситуации. Вот почему анкета предложила ситуации, требовавшие принятия полярных решений. Так один из вопросов ставил учащегося в положение очевидца кражи шапки в раздевалке училища. 75 процентов опрошенных утверждали, что попытались бы убедить вора «положить шапку на место». Настораживает, однако, что нашлись ребята, которые «сделали бы вид, будто ничего не заметили» и даже «предложили бы продать шапку». Не потому ли 28 процентов бывших восьмиклассников считают причиной, удерживающей людей от воровства, «стыд перед товарищами». В некоторых рассуждениях как бы выявляется и такая позиция: «Если видят товарищи, то воровать нельзя, а вот если никто не видит...» Возможно, это и преувеличение. Тем не менее есть основания беспокойства, так как в данном случае проявляется известная готовность совершить противоправный поступок.

Опросом было охвачено лишь сто пятьдесят человек. Этого, конечно, недостаточно для того, чтобы можно было судить об уровне правовых знаний и убеждений подростков. Но определить путь, по которому следует пойти, можно.

Прежде всего представляется необходимым выяснить, какие правовые проблемы достаточно хорошо усвоены еще со школы, против каких взглядов необходимо вести настойчивую борьбу. Думается, что впредь целесообразно проводить опрос «до» и «после», то есть до изучения учащимися основ права в ПТУ и после прохождения ими курса. Тогда картина была бы более ясной. В этом убеждает такой факт. Когда в начале учебного года был проведен опрос, выяснилось, что многое из государственного, трудового и других отраслей права бывшими школьниками более или менее усвоено. К примеру, 55,6 процента опрошенных дали правильный ответ о сроке полномочий Верховного Совета СССР. Несомненно, что в конце учебного года, когда был бы пройден весь обширный материал, ребята при опросе ориентировались бы значительно лучше.

И еще один немаловажный итог. В ходе опроса выявляется и уровень правовой убежденности учащихся, основанный на знаниях, которые получены во время уроков права. При неправильной оценке подростками отдельных ситуаций, получившей отражение в анкете, воспитатель может это учесть в своих правовоспитательных мероприятиях, обратив особое внимание на необходимость привить подросткам непримиримость к правонарушениям и правонарушителям.

В конце концов, игровые ситуации и вопросы анкеты — это не только источник информации для ученых и подростков, но и пища для размышлений о конкретных и действенных воспитательных мерах, которые следует принять. Конечно, нельзя забывать, что вся совокупность правовоспитательных мероприятий не будет достаточно результативной, если воспитатель забудет о влиянии на подростка семьи, товарищей, книг, кино, знакомых и так далее.

Самое трудное — вырастить ребят не только юридически грамотными людьми, но и активными борцами за соблюдение законности. Думается, что проведенный нами опрос как раз и поможет педагогам выявить недостатки в правовоспитательной работе, поднять общественную активность ребят.

«Ленинский юбилей наша страна, все советские республики встречают новым размахом социалистического соревнования, всенародного творческого подъема. И, как всегда, впереди Москва — инициатор многих начинаний, город-герой, город-труженик, город-творец».

Л. И. Брежнев. Речь на встрече с избирателями 22 февраля 1980 года.

НА СВОЙ АРШИН

Было это в четверг, когда мы, все отделение БХСС, согласно приказу начальника управления два часа перед работой отдавали физкультуре. Мы играли в волейбол, и наш начальник был с нами на равных, был одним из нас. Но вот игра кончилась, и он тут же «надел мундир». То есть остался, конечно, в штатском, но в осанке что-то изменилось, и стало ясно: снова между нами служебная дистанция.

Я уже заметил: он специально так вот «застегивается на все пуговицы» именно в тот момент, когда собирается кого-то, как он выражается, «взбодрить».

Сегодня «повезло» мне.

— Товарищ лейтенант, зайдите!

Зашел.

— Расскажите о ресторане «Чайка».

Есть у него такая милая манера, вызовет и говорит: «Расскажите о...», а сам просмотрел уже все, что было по этому объекту с самого зарождения.

— Обсчитывают иногда... официанты...— мямлил я, пытаюсь вспомнить, что же именно было по этому ресторану.— А что, заявление какое-нибудь поступило?

Начальник смотрел на меня непроницаемым взглядом:

— Поинтересуйтесь-ка этим рестораном. Не просматривается ли там какое-нибудь движение.

Это его любимое слово. И еще он любит внушать: «Наше дело — не сторона». Однажды, например, он увидел, как один человек шапку покупал. Обыкновенное, в общем-то, дело, но в кассу тот покупатель отсчитал двадцать восемь штук мятых рублевков. А выйдя из магазина, сел за руль хлебовозки. Начальник записал номер машины и в тот же день поговорил об этом «движении» с работником отделения БХСС, хорошо знающим хлебозавод. Была начата проверка. Через некоторое время было раскрыто групповое дело по хлебозаводу и нескольким булочным, в которые тот шофер возил «левый»

Василий Антонович Степанов семнадцати лет ушел добровольцем на фронт, закончил войну в Берлине. После демобилизации работал слесарем на заводе. Райкомом партии коммунист В. А. Степанов был направлен на работу в органы внутренних дел. Вскоре поступил в Высшую школу МВД СССР. От районного инспектора отделения БХСС до начальника отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности УВД Магаданского облисполкома — таков путь Степанова. Когда по состоянию здоровья В. А. Степанову пришлось уйти из милиции, он стал выступать в газетах и журналах с очерками и статьями на правовые темы. Читатели нашего журнала впервые по-настоящему познакомились с работами В. А. Степанова в январе 1977 года.

хлеб. Недорогой товар, но выяснилось, что этих мятых рубликов шофер за неделю набирал около сотни.

Поди рассмотри в пачке мятых рублей такое вот «движение».

В районной торговой инспекции мне сказали, что ресторан особого беспокойства не вызывает. Если судить по книге жалоб, то не только обсчитывать — даже грубить посетителям там давно уже перестали. Была, правда, одна жалоба двухмесячной давности, подписанная целой компанией, которая отмечала защиту чьей-то диссертации, — дескать, не все блюда были поданы... Но люди, писавшие жалобу, были не то чтобы пьяны, но... после ужина, поэтому разобратся, кто прав, кто виноват, было трудно.

— А какое там движение? — спросил начальник, выслушав результат моих изысканий.

Я подал ему список всех принятых и уволенных за последние полгода. Он взял синий карандаш, подчеркнул фамилии нового шеф-повара и двух официантов:

— Они два месяца назад дружно перешли сюда из другого ресторана.

Я пожал плечами.

— Ну, и что? Может, просто друзья.

— Они уж третий раз из ресторана в ресторан вместе перебираются, — сказал начальник. Помолчал и добавил: — И на прежних местах именно в их смену бывали коллективные жалобы на обман. Одиночек не трогают. Не помните?

Начальник сказал — надо выполнять. К тому же, если уж он сказал — значит, есть основания задуматься. Умеет он как-то выделить из всего потока поступающей к нам информации — писем, заявлений граждан, сообщений руководителей организаций, даже иногда из газетных статей — именно те моменты, на которые нам надо обратить особое внимание. Обращаем — и выявляем.

Я стал готовить проверку. Можно было, конечно, организовать спектакль, в котором роли посетителей играли бы наши сотрудники. Но начальник сказал, что все заняты другими делами, и предложил использовать для проверки какой-нибудь реальный банкет, допустим, по поводу свадьбы. Я посомневался немного, но ничего другого придумать не смог.

Жених и невеста согласились сразу. Но подошел ее отец и сказал:

— Нет!

Я его и так и этак увещевал. Он стоял, как скала.

— Нет,— говорил он,— не хочу.

Я привел коронный довод нашего начальника:

— Это же ваш гражданский долг. Разве ж вы не заинтересованы в том, чтобы в ресторане больше не обманывали? Ведь вас же обманывают, помимо всего прочего!

— Нет,— повторял он,— не хочу.

— Но ведь вот молодые ваши согласны,— убеждал я его.— Будет что рассказать на серебряной свадьбе. Тогда уж, наверное, люди и забудут, что такое обсчет клиента.

— Ну, папа! — поддержала меня его дочь.— Ну, пусть, ведь интересно же!

— Нет,— ответил он дочери,— не хочу... не разрешаю.

Его односложные ответы сковывали меня, лишали уверенности. Короче говоря, в этом разговоре я почувствовал себя побежденным. И еще я ощущал еле скрываемую отцом невесты неприязнь.

Проверку мы все-таки провели — в другом зале. Версия об обсчете больших компаний подтвердилась.

Выяснилось еще вот что. Почти на каждом банкете после нескольких тостов подходил официант, с извинениями сообщал, что, допустим, заказанных кур нет, и выражал готовность вернуть за них деньги. Это, естественно, вызывало возражения, и тогда официант предлагал выход: есть куры «квиссо», которые стоят вдвое дороже обыкновенных. Компания, как правило, соглашалась на доплату и получала тех же обыкновенных кур по цене изысканных «квиссо». Кто ж разберется в такой подмене в торжественной свадебной или юбилейной обстановке!

Необходимо было выяснить, сколько компаний было обмануто таким простым способом. Для этого надо было поговорить с организаторами торжеств в ресторане за последние два месяца — то есть за время работы нового шеф-повара. Изъяв в бухгалтерии бланки заказов и приколотые к некоторым из них черновики, я стал вызывать людей. Инцидент с заменой блюд вспоминали почти все. Накопился уже большой материал, когда в отделение был вызван очередной заказчик, некто Коновров (так значилось в бланке заказа). Им оказался отец невесты, отказавший мне в проведении проверки. Выяснилось, полтора месяца назад он в том же ресторане отмечал свое пятидесятилетие.

То ли он похудел, то ли костюм на нем был другой, но в моем кабинете он не выглядел таким массивным и значительным, как в тот раз, на свадьбе. Но та же голова с неподвижной шеей, так же он поворачивается — тяжело, всем туловищем.

Он подал повестку и опустил на стул, глядя мимо меня.

— Вы, возможно, догадываетесь, по какому поводу я вас вызвал? Речь идет о ресторане «Чайка».

Он поднял голову и слегка повернулся ко мне, но ничего не ответил. Только глаза сверкнули из-под нависших бровей, да так настороженно, что я, вместо того чтобы задать следующий прямой вопрос о происшествии, которому он был только свидетелем, сказал почему-то:

— Я заметил, вы питаете пристрастие к этому ресторану...

Он секунду смотрел на меня, потом снова шевельнулся на стуле, уставился куда-то за мою спину, пожал плечами. И снова мне показалось в этом что-то... Я даже не мог выразить словами, что меня насторожило в его реакции на вопрос. Вопрос-то простой. Я уж больше десятка человек вызывал по этому делу, ни один из них не вел себя так скованно. А может, просто показалось? Может, манера разговора у него такая замедленная? Собственно, разговор-то еще и не начался. Он еще и слова не произнес.

— Вы часто в этом ресторане бываете?

Молчит.

— Что это вы все молчите?

— Давайте перейдем к делу,— сказал он.

Голос, значит, не потерял.

— Я и говорю о деле. Дело-то ресторана касается.

Он опять отвел взгляд за мою спину, словно окаменел. Я не торопясь достал чистый бланк и стал заполнять его личную часть. Записывая фамилию, имя, отчество, год рождения, место работы, обдумывал, почему он так настороженно себя ведет.

Что я, вообще-то, к нему прицепился? Может, вспомнил свое поражение в нашем с ним первом разговоре при бракосочетании дочери и теперь хочу взять реванш? Если так — некрасиво, недостойно... Интуиция интуицией, но не чересчур ли я подозрителен? А с другой стороны — вдруг действительно за его странным поведением что-то кроется? Я это «что-то» не выясню, он уйдет, а «оно» так и останется с ним.

— Расскажите, пожалуйста, как проходил банкет по поводу вашего юбилея.

— А при чем тут юбилей? — спросил он.

Не показалось. Есть-таки напряжение. Он так сосредоточен на какой-то одной мысли, что этот вопрос даже не воспринимает. Чего-то другого ждет. Неприятного? Опасного для него?

— Отвечайте, пожалуйста, на вопрос. Сколько человек присутствовало?

— Не помню.

— Вам подали все заказанные блюда?

— Не знаю.

Теперь я уже смело могу выяснять то, ради чего я его вызывал. Напряжение не снимется. Думается, наоборот, он сейчас считает,

что во всех этих малозначительных вопросах кроется какой-то непонятный ему подвох.

— Не было ли замены какого-либо блюда?

— Не помню.

И пошло. Вопрос — ответ, вопрос — ответ. И все без толку. Ответы — короткие и круглые, катятся, как бильярдные шары, такие же твердые и неуязвимые. А информации — нуль. Лицо Конорова неподвижно, как будто заперто на замок. Живут одни глаза, хмуро выглядывающие из-под нависших бровей. Губы почти не шевелятся, слова как-то таинственно просачиваются совершенно без их участия.

Надо его как-то раскатать. Но я ничего не могу придумать и беру тайм-аут.

— Давайте пообедаем, а потом закончим разговор.

Он оживает и впервые идет хоть на какой-то контакт:

— А может, сперва закончим, а потом уж и пообедаем вместе?

— Все-таки сначала пообедаем.

Он секунду молчит, взвешивая на своих внутренних весах мою интонацию, потом вкрадчиво говорит:

— Тут есть одно место... недалеко...

— Вот и прекрасно. Я тоже скоро вернусь.

Он схватил такси и укатил то ли в свое «одно место», то ли по каким-то другим делам. Я быстро перехватил кое-что в кафе напротив и вернулся к себе.

Ведь это ж надо, столько времени потратить! И на что! Необходимо было выяснить, заменялись ли блюда у него на юбилее. Я думал, потрачу минут пятнадцать — и все. Но вот возжусь уже целый час. Может, я просто плохо подготовился к сегодняшней встрече? А почему, собственно, надо было готовиться? Готовишься тогда, когда знаешь: предстоит борьба. Когда по ту сторону стола — противник, вооруженный хитростью, продуманной системой лжи, иногда — опытом, приобретенным ценой проб и ошибок. Я же вызывал свидетеля, возможного очевидца. А он оказался противником. Да, в поведении Конорова есть что-то похожее на поведение виновных. Насмотрелся я на них. В ресторан зовет? Явно поговорить о чем-то хочет. О чем в кабинете — нельзя, а в ресторане — можно. Под коньячок. Явно боится... А раз боится, я должен выяснить — чего? Просто обязан выяснить. Если не я, то кто же? Он за что борется? За то, чтобы я не узнал, вернее всего, о каких-то его махинациях. Если они есть... Но если они есть, а я — не узнаю, тогда зачем я сижу за этим столом? Чего же именно он боится? Очень я мало о нем знаю.

Я взял лист бумаги и написал:

1. Юбилей в ресторане «Чайка».
2. Свадьба дочери в ресторане «Чайка».
3. «Не хочу проверки» — в ресторане «Чайка».

И приглашал меня в ресторан... Я придвинул к себе бланк с его данными. Ничего подозрительного нет. Родился в Астрахани, работает в пригородном рыбхозе, снабженец. Никаких совпадений... Хотя, постой-ка... Рыбхоз... «Рыба»... Нет, это просто мой коллега из района, в котором прежде работал шеф-повар ресторана, назвал того «рыба» — дескать, скользкий, как угорь. И еще была рыба... Я схватил юбилейный заказ Конорова. В нем рыбы не было. А в приколотой к нему записке слово «рыба» зачеркнуто... Против всех остальных блюд — цифры, а слово «рыба» — зачеркнуто.

Я перелистал все заказы. К заказу на свадебный банкет дочери Конорова, который я на всякий случай изъяс, тоже была приколата бумажка, и в ней «рыба» была зачеркнута. Так, может, он дал шеф-повару рыбу из своего рыбхоза? И если сопоставить, за какое количество он уплатил и сколько приготовлено блюд, может выявиться разница... Может, этого он и боится? И именно поэтому не соглашался участвовать в проверке? Не исключено. Хоть и зыбко...

Тем не менее гнетущая скука, висевшая в моем кабинете полчасика назад, исчезла. Однако стоп! Не увлекаться. Это только версия. Но это уже кое-что, надо поработать. Вот придет сейчас Коноров, заладит свои «не знаю», «не помню». Что ему противопоставить?

Интересно, о чем он сейчас думает? И что делает? Если моя догадка верна, то он сейчас поехал в ресторан, но не обедать, а с шеф-поваром поговорить. Впрочем, нет, он, наверное, знает, что тот арестован... Если он давал шеф-повару рыбу для юбилея, то он с ним знаком. А раз так, зачем же мне играть вслепую? Надо прежде поговорить с шеф-поваром. Это-то просто. Он у нас. И показания, кажется, давал исчерпывающие. Куда ж ему деваться: с поличным взяли. Вот у него-то я как раз и узнаю, верна ли моя версия.

И я решил: когда Коноров придет, я запишу все его «не помню», «не знаю» и отпущу. А после того как поговорю с шеф-поваром, вызову Конорова еще раз.

Он вернулся не через час, запоздал немного. Но я не стал его упрекать. Своим опозданием он дал мне возможность хоть как-то подготовиться к продолжению разговора.

Он вошел, сел вполоборота ко мне и снова уставился куда-то в сторону. Теперь, когда решение было принято, его манера поведения меня уже не волновала. Я придвинул ему протокол допроса.

— Прочтите, верно ли я записал ваши ответы.

Читать-то было нечего: «не помню» да «не знаю».

— Верно,— сказал он.

— Подпишите.

Он подписал.

— На сегодня все.

Он, не двигаясь, смотрел на меня некоторое время, потом разлепил губы и сказал:

— Как все?..

— Так,— ответил я.— Все.

Он перевел взгляд на пол, посидел еще и спросил:

— И что дальше?

«Беспокоишься, голубчик»,— подумал я. И повторил:

— На сегодня — все.

— На сегодня? — переспросил он.

— Когда потребуется, я вас вызову.

— А когда потребуется?

Мне надоел этот никчемный разговор, и я отрезал:

— Когда требуется, тогда и требуется.

— А кто это решит?

— Я решу.

— Ну, если решаете вы, так, может, лучше сегодня?..

Разговорился. А до обеда — слова не вытянешь.

— Пожалуйста. Расскажите все, что вам известно по делу.

— А вам что известно? — спросил он вдруг.

Вот нахал. Издевается, что ли?

— Слушайте, Коноров, или говорите о деле, или...

— Задавайте вопросы,— прервал он меня.

— Опять за рыбу гроши,— сказал я с досадой,

И подумал: «А может, он все-таки созрел?»

— Ну, расскажите хотя бы о рыбе.

— Это уже ближе к делу,— сказал он.— Только давайте не о рыбе.

— А о чем же? — спросил я.

— О грошах... которые вам, как и всем, нужны. Большие гроши.

Вот как! Купить меня собрался! В ресторан не зазвал, так теперь решил сухим пайком... Почему посмел? Что ему в моих словах чудилось? Что-то доступное?.. Я мысленно пробежал наш разговор, просмотрел, как киноленту. Нет, ничего такого с моей стороны не было. Почему же, почему он посмел?! Он посмел, потому что его логика разрешила, он так мыслит... Он так рассуждает, потому что меряет на свой аршин. Пока я подыскивал формулировку, чтобы отбрызнуть его как следует, Коноров принял, видимо, мое молчание за согласие, сказал:

— Можете получить свою зарплату за год. Но я должен быть уверен...

Так нагло со мной никогда не разговаривали. Кровь бросилась в лицо, сердце забилося, на какое-то мгновение фигура Конорова расплылась перед глазами, и я услышал свой злой шепот:

— Ах, ты...

Он не испугался, не растерялся. Смотрел спокойно, изучающе. Подождав, когда первая волна моего эмоционального взрыва схлынет, спросил:

— Что, в первый раз? — И почти без паузы: — Тогда — за два года.

Я замолчал. Молчал и он. Давал, видимо, мне дозреть. И я «дозрел». Значит, вот как он оценивает происходящее. Я-то думал — мелочь, всего лишь рыба к столу... А у них с шеф-поваром посерьезнее дела...

Когда я пришел попозже к начальнику, он был «без мундира».

— Привет! — сказал он. — Закончил?

— Даже не знаю, что сказать, — ответил я. — Хотел было уже заканчивать, а теперь — не знаю...

— Новое движение? — спросил начальник.

— Да вот, один свидетель взятку предлагает. — Я думал, он удивится: свидетель — и вдруг взятку.

— Сколько? — заинтересованно спросил начальник, как будто такое случается каждый день.

— Берет на содержание на два года.

— Молодец! — сказал начальник. — Разрабатывайте! Дело, видно, серьезное.

Шеф-повар, которого я допросил в тот же день, показал, что Коноров регулярно поставлял ему «левую» рыбу.

При личном обыске у Конорова были обнаружены сберкнижки на предъявителя: две по три тысячи и одна — на четыре тысячи рублей. Он оформил их, когда ездил на обед, а потом все отмерял, сколько дать, чтобы, с одной стороны, было достаточно, а с другой — не переплатить. Позже он признался, что провел такой мысленный эксперимент: поставил себя на мое место и прикинул, сколько бы он взял за такое дело. Вот уж, поистине, на свой аршин...

После того как дело было передано следователю, на очередном совещании начальник не преминул использовать происшедшее в воспитательных целях.

— Инспектор успешно закончил работу по ресторану. А почему? Потому что за мелким фактом сумел рассмотреть большое движение.

КНИЖНАЯ ХРОНИКА

**В Профиздате вышли
в свет новые книги.**

**БОРЗУНОВ А. П.
КОМЗОЛОВ И. Ф.**

**Ориентир — высший
конечный результат.**
(Библиотечка
профсоюзного активиста).
Цена 10 коп.

На Московском заводе авто-тракторного электрооборудования (АТЭ-1) применяют все лучшее, что рождает практика социалистического соревнования в стране. Опыт ильичевцев, заводцев, передовых предприятий Львова, Ростова-на-Дону и других городов помог коллективу АТЭ-1 в организации сквозного соревнования под девизом «Четкий ритм, отличное качество при минимальных материальных и трудовых затратах». На заводе были пересмотрены формы и методы работы, система управления. Ориентиром для каждого члена трудового коллектива стал высший конечный результат. Авторы — А. П. Борзунов, долгие годы работавший директором завода, ныне заместитель министра автомобильной промышленности, и секретарь парткома И. Ф. Комзолов — рассказывают, как развивалось это соревнование в коллективе.

ЛИТОВЧЕНКО Н. И.
**Дорожить каждой рабочей
минутой.**
(Библиотечка
профсоюзного активиста).
Цена 10 коп.

Среди первоочередных задач, выдвинутых постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», видное место занимают меры, нацеленные на повышение роли трудовых коллективов на

производстве, более полное использование воспитательных возможностей социалистического соревнования.

Автор брошюры — лауреат Государственной премии СССР, член Ханты-Мансийского окружкома КПСС, бригадир вышкомонтажников объединения «Сургутнефтегаз» — рассказывает о том, как коллектив добивается укрепления трудовой и производственной дисциплины, показывает влияние здорового идейно-нравственного климата в бригаде на общие результаты работы.

**ПОЛЯКОВ В. Н.,
НАСИКОВСКИЙ Б. А.**
Все резервы — в действии.
(Библиотечка
профсоюзного активиста).
Цена 10 коп.

Авторы брошюры — директор Флорештского стекольного завода и начальник отдела организации труда и зарплаты — рассказывают, как коллектив борется за успешное выполнение решений XXV съезда КПСС, ноябрьского (1978 года) Пленума ЦК КПСС, заданий десятой пятилетки. Анализируют, как приводятся в действие основные резервы повышения эффективности производства и улучшения качества продукции. Большое место отведено обобщению опыта организации социалистического соревнования и развития движения за коммунистическое отношение к труду.

ВИКТОР ПРОНИН

ПОВЕСТЬ

МЕДВЕЖЬИЙ УГОЛ

Самолетик, маленький и насквозь промерзший, с инеем на иллюминаторах и на жестких металлических скамьях, летел над мерзлыми болотами, затянутыми туманом, над худосочной северной тайгой. Несколько раз он садился на каких-то таежных аэродромах, больше напоминающих обычную укатанную лыжню, пробегал мимо занесенных по самую крышу избушек, мимо воткнувшихся в снег елочек, которыми ограждали взлетную полосу, и останавливался. Сквозь тонкие, вибрирующие борта слышались злые порывы ветра, скрип и скрежет каких-то тросов, распорок, креплений. Ненадежным казался самолетик, весь его вид настораживал и как бы предостерегал от слишком честолюбивых планов, заставлял вспомнить забытые суеверия, осмеянные предчувствия.

Приземлившись, летчики, не обращая внимания на одинокого пассажира, что-то вытаскивали из самолетика, втаскивали в него, беззлобно смеялись над кем-то, договаривались о встрече, а потом захлопывали дверцы, отряхивали с себя снег, падали на остывшие сиденья и, не прекращая начатого разговора, выруливали на старт. Провожающие что-то беззвучно кричали им, размахивая рукавицами, шапками, бежали следом. Самолетик набирал скорость, его бросало, заносило из стороны в сторону, а потом вдруг наступало такое ощущение, будто он с проселочной дороги выехал на асфальт. Значит, поднялись. Теперь надо было поскорее набрать высоту — до того, как приблизится темная стена леса. Последний раз мелькали покосившиеся на ветру елочки, и узкая просека исчезала. И было немного жутковато думать, что ее могли и не найти в бесконечной белой круговерти. Но летчики находили и следующую просеку, приземлялись, сбрасывали мешки с почтой и снова поднимались.

Панюшкин сидел недалеко от кабины пилотов, плотно сжав крупные жесткие губы. За время полета углы поднятого воротника куртки от его дыхания покрылись инеем, да и Панюшкин казался как бы смерзшимся, меньше обычного. Прижимаясь лбом к иллюминатору, он видел далеко внизу то жиденькую рощицу, то сопку, но в следующий момент все опять скрывалось в снегу и возникал новый пейзаж, точно такой же...

«Какого черта вызывают?» — думал Панюшкин недовольно. Он не любил, когда его вызывало начальство, он всегда ощущал неприятное чувство зависимости, которое приходилось подавлять усилием воли. «Опять, наверно, какая-нибудь неприятность», — решил он. Было досадно, что его сорвали с места, заставили бросить стройку, а завтра, если не сегодня, ему предстоит сквозь вот эту же белесую мглу проделать обратный путь. Если, конечно, будет самолетик, если будет оказия, соизволение начальства...

Панюшкин ворчал про себя, но в то же время был рад этой

поездке, которая нарушила его не больно веселые будни. Каждый месяц ему приходилось вот так, воспользовавшись почтовым рейсом, добираться в городок, где он за день решал уйму вопросов со снабженцами, заказчиками, проектантами, со всеми, кто был заинтересован в скорейшем окончании строительства нефтепровода.

Добираясь из аэропорта в городок, идя по дымящейся от мороза улице, утонувшей между сугробами, толкаясь в приемных начальства, ругаясь и отшучиваясь, Панюшкин все еще чувствовал в теле надсадную вибрацию самолетика. Когда он наконец утряс все хозяйственные, кадровые и прочие дела, он вспомнил, что ему еще надо зайти в райком. «Эх, некстати!» — с досадой крикнул Панюшкин: он не успевал на обратный почтовый рейс. «Эх, некстати!» — продолжал про себя повторять он, вышагивая по вытертой дорожке в приемной секретаря. Несмотря на его маленький рост, шаги у Панюшкина были крупные, поворачивался он круто, смотрел исподлобья, напористо, даже зло.

— Может, ему напомнить? — спросил он, резко остановившись у столика секретарши.

Полная женщина с легкомысленным шарфиком на шее вначале подперла пальцем строку, которую читала, сняла очки, приосанилась и только тогда подняла глаза.

— Простите, вы что-то сказали?

— Я спросил, не напомнить ли вашему? — он дернул подбородком в сторону обитой двери. — Я здесь уже достаточно поторчал и его начальственное самолечение, полагаю, вполне ублажил.

Секретарша неодобрительно посмотрела на Панюшкина, надела очки и убрала палец со строки. Углубилась в работу.

— Между прочим, он не только мой начальник, — проговорила она, не поднимая головы.

— А чей же еще? — быстро спросил Панюшкин.

— Хм, — она улыбнулась бумажке, которая лежала перед ней. — Будто не знаете... А между прочим, он не из таких.

В это время раздался звонок.

— Вас ждут, — проговорила секретарша так, будто эти ее слова были самым убийственным доводом в их споре.

Панюшкин решительно подошел к обитой черным дерматином двери, рванул ее на себя и, одним шагом перемахнув через маленький темный тамбур, ступил на мягкую ковровую дорожку, которая вела прямо к столу секретаря.

Секретарь, Олег Ильич Мезенцев, сидел за столом, правильно, по школьному. Что-то писал.

— Здравствуйте, Николай Петрович, — Мезенцев улыбнулся, и его лицо, освещенное отраженным от бумаг солнечным светом, показалось Панюшкину слишком молодым. — Как долетели?

— Ничего, долетел,— обронил Панюшкин, усаживаясь в кресло. Буква «о» у Панюшкина звучала сильнее, звучнее других.

Панюшкин хорошо знал кабинетный ритуал, по которому, едва поздоровавшись, а то и до приветствия, принято этак непосредственно обмениваться простенькими шутками, рассказать забавную историю, которая бы заняла некоторое время, чтобы собеседники успели показать взаимное расположение и готовность поговорить откровенно, решить вопросы быстро, по-деловому, без перестраховок и формальностей. Однако сегодня Панюшкин не смог выдерживать правила игры до конца. Он сразу же рассказал о графике строительства, количестве метров уложенных труб, жилищных проблемах стройки. Но все это секретарь знал и без него.

— Да! — воскликнул Олег Ильич, словно бы вспомнил о чем-то не очень важном, но Панюшкин понял, что сейчас-то и последует главный вопрос.— Чуть не забыл... Поговаривают, что у вас там на стройке нечто вроде чрезвычайного происшествия приключилось?

— О чем, собственно, вы? — невинно спросил Панюшкин.

— Ну как же... Это... Драка, поножовщина, поиски преступника, в которых участвовал едва ли не весь строительный отряд...

— А! — Панюшкин небрежно махнул рукой.— Ерунда! У вас, Олег Ильич, информация несколько большей концентрации, ее нельзя употреблять без предварительного разбавления. Как спирт. Ха! Поножовщина! Слово-то какое! Поиски преступника! Это же сказать надо!

— Не будем спорить о словах,— возразил секретарь.— С вами вместе, Николай Петрович, вылетает следователь Колчанов. Он ознакомится с происшествием, проведет расследование. Надеюсь, вы не возражаете?

— Возражаю! — Сидя глубоко в кресле, Панюшкин быстро взглянул на секретаря исподлобья, и синие, глубоко сидящие глаза его недобро сверкнули.— Все кончилось, Олег Ильич. Буран прошел, в происшествии мы разобрались, виновных наказали.

— Премии лишили? — улыбнулся Мезенцев.

— Нет, премии не лишили. Это было бы слишком жестоко. Но с кем надо строго поговорили.

— Простите, я что-то не понимаю,— Мезенцев сказал это холодно, даже отчужденно. Панюшкин сразу почувствовал, что он в кабинете секретаря, а не в своей конторке на берегу Пролива.— В городской больнице умирает человек...

— Да бросьте! — Панюшкин махнул рукой.— Я звонил сегодня в больницу.

— Я тоже,— сказал Мезенцев.— Он все еще без сознания, и врачи не уверены, что придет в сознание.

— Придет,— гихо, будто про себя сказал Панюшкин.— Большаков

крепкий парень.— Он помолчал.— Я понимаю, Олег Ильич... Правосудие, конечно, должно сказать свое слово. Но если бы ваш следователь приехал попозже... Горецкий — единственный дельный наш механик.

— А мне говорили, что он единственный возмутитель спокойствия на стройке.

— Не без этого,— вздохнул Панюшкин.

— Значит, договорились,— Мезенцев поднялся.— Вылетаете вы завтра вместе с Колчановым.

Тяжело, с невырвавшимся вздохом Панюшкин поднялся, подошел к окну, и лицо его с глубокими складками у большого рта осветилось тусклым светом зимнего дня. Он потрогал пальцами толстый слой инея на стекле, зябко передернул плечами и, набрав полную грудь воздуха, осторожно выдохнул его, чтобы секретарь, не дай бог, не подумал, что он вздыхает.

Панюшкин познакомился со следователем уже в самолете, перед самым отлетом. Тот сидел у окошка, в тесноватом пальто и громадной мохнатой шапке. Где-то в глубине меха розовели щеки, светились глаза, сверкали в улыбке белые зубы. На коленях у следователя стоял выдавший виды саквояж со стертymi углами.

— Николай Петрович? — доброжелательно спросил следователь.— Прошу! — он показал на сиденье рядом с собой.— А я — Колчанов. Валентин Сергеевич.

— Очень приятно,— усаживаясь, хмуро проокал Панюшкин.— К нам-то первый раз?

— Первый! — радостно сказал Колчанов.— Никогда не был я в этой вашей глухомани и с вами чести не имел... Хотя предупредили меня знающие люди — с Панюшкиным надо держать ухо востро. Не дает, говорят, расслабиться. Говорят, боксер агрессивного стиля, а?

— Какой я боксер,— Панюшкин махнул рукой.— Я не боксер. Я — дворняга.

Потом самолетик долго выруливал на взлетную полосу, что-то у летчиков не ладилось, потом они долго ожидали какую-то важную почту и, наконец, поднялись. Колчанов, хватаясь за поручни и сиденья, посмотрел, кажется, во все окна, любуясь городишком сверху, а когда пейзаж стал привычно унылым, когда ничего нельзя было увидеть, кроме бесконечной снежной равнины, опять сел рядом с Панюшкиным.

— Как поживает мой друг Шаповалов? — спросил он.

— Это участковый? Приболел Михалыч маленько. Как раз во время тех событий, которые и будут вас интересовать. Но завтра будет в форме. Шаповалов — человек безотказный. Он к вам доста-

вит всех, кого пожелаете. Так что будет с кем побеседовать. Но, думается мне, зря едете. Чрезвычайное происшествие было, а вот криминалу — не обессудьте.

— Ничего, — ответил Колчанов. — Вскрытие покажет.

— Что?! — повернулся к нему Панюшкин. — Какое вскрытие? Кого, интересно, вы вскрывать намерены?

— Не кого, а что... Я намерен вскрыть суть происшедших событий. — Колчанов усмехнулся. — Это поговорочка у нас такая — «вскрытие покажет».

— Ну, знаете, вы поосторожней со своими поговорочками. А то у нас народ простой, не очень подготовлен к такому юмору.

С полчаса молчали, изредка поглядывая в маленькие, покрытые инеем иллюминаторы.

— А знаете, Николай Петрович, чтобы не терять времени, может, потолкуем о деле? Прилетим, а преступление уж и раскрыто! Ведь чует мое сердце, что вас там, на стройке, нелегко будет поймать, задержать, допросить? А?

Панюшкин с силой потер лицо руками, ссутулился, искоса глядя на иллюминатор. Его лицо, освещенное резким боковым светом, казалось грубоватым, морщины — глубокими, глаза вообще были почти не видны под выступающими надбровными дугами.

— В каких условиях мы работаем, вы знаете, — начал Панюшкин. — Отсутствие дорог, сложности со снабжением, жильем, теплотой, оторванность... Все это не может не сказаться на настроении людей, на их взаимоотношениях. Много раз замечал: у всех, почти у всех повышенная требовательность друг к другу. До капризности, до нетерпимости. Отсюда — большие нагрузки на психику. Выдерживает эти нагрузки далеко не каждый. Мне иногда кажется, что я могу написать неплохую работу о том, как ведут себя, как чувствуют сто человек, помещенные в изолированное пространство. Для будущих космических полетов такая работа была бы не лишней. Понимаете, когда к нам направляют сезонника, его не испытывают на тестах, у него далеко не всегда спрашивают, что он умеет делать, не всегда даже в трудовую книжку заглядывают... Завезут, высадят с вертолета, с самолета, с катера, а ты тут разбирайся.

— Даже так? — сочувственно проговорил Колчанов.

— Да что говорить! Неплохо бы, отправляя людей в такие вот медвежьи углы, проверять их дружелюбие, наличие чувства солидарности, товарищества. В наших условиях это нередко важнее квалификации чисто производственной. А тут еще проблема — мы платим людям неплохие деньги, но тратить их у нас негде. Негде. Еще одно: строители наши, между прочим, в большинстве мужского пола. Отсюда — обостренное, болезненное отношение ко всему, что касается женской благосклонности.

— Вот мы и подошли к главному,— сказал Колчанов.— Судя по докладу, который прислал участковый, драка в магазине произошла на почве ревности или что-то в этом роде, а?

— Не знаю,— Панюшкин обиженно поджал губы.— Не знаю. Это вам придется выяснить у участников событий. Слава богу, они живы остались.

— Пока живы,— уточнил Колчанов.

— Не понял,— Панюшкин взглянул на него в упор.

— Большаков в больнице. Он до сих пор не пришел в сознание. Яснее ясного.

— С другими поговорите.

— Вот я и спрашиваю вас.

— Ладно, пусть так,— холодно сказал Панюшкин.— Вас интересует мое мнение? Вот свое мнение я и докладываю. А оно заключается в том, что все происшедшее — случайность. Драка между Горецким и Самолетовым не имеет касательства ни к женщине, хотя они говорили о женщине, ни к ревности, поскольку ни один из них не имеет отношений с женщиной, о которой они говорили.

— Это интересно,— протянул Колчанов.

— Как посмотреть.

— И все же...

— Весь интерес в том, что суть событий вовсе не в драке,— отчеканил Панюшкин.— После того, как нашего баламута Горецкого доставили в отделение милиции, он оттуда сбежал и прихватил с собой парнишку, Колю Верховцева. Из местных. За что-то его наш Михалыч посадил на ночьку для профилактики. К тому времени начался буран, небольшой по нашим понятиям. Но поскольку была ночь, мы, в полном соответствии с нормами морали, принятыми у нас, организовали поиски. Послали людей — в сопки, на Пролив, вдоль берега. Для этого пришлось пожертвовать производственными делами, что для меня более всего огорчительно.

— Послушайте, Николай Петрович, а какой смысл столько людей посылать в сопки? Ведь проще всего беглецам уйти через Пролив на Материк...

— Ха! Через Пролив... Не замерз наш Пролив. Не замерз, хотя по ночам мороз к тридцати подбирается. Двести метров в фарватерной части промоина осталась.

— И все это вы затеяли, чтобы задержать хулигана? — Колчанов с сомнением посмотрел на Панюшкина.

— Отвечаю — нет. Все поиски были организованы для спасения людей. Мы их спасли. Мы сделали свое дело. Теперь ваша очередь. Теперь вы решайте, как с ними быть дальше.

Панюшкин с вызовом глянул на следователя и решительно отвернулся к иллюминатору, хотя солнце било прямо ему в глаза.

Когда-то, очень давно, Остров и Материк в этом месте, видно, смыкались, но теперь только два мыса торчали напротив друг друга, как две протянутые, но так и не сомкнувшиеся руки. Впрочем, увидеть эти мысы можно было только на карте или с самолета. Отсюда, с Острова, Материк казался лишь узкой, тающей в морозной дымке полоской земли у самого горизонта. Дальше на юг Остров и Материк расходились, и узкий Пролив превращался постепенно в море.

Вот уже два года строители укладывали по дну Пролива трубопровод, который доставил бы нефть к северной части Острова к материковым перерабатывающим заводам. А Николай Петрович Панюшкин был начальником экспедиционного отряда подводно-технических работ, который и строил этот самый трубопровод. Именно Панюшкин подписывал графики работы столовой и магазина, выдавал разрешения для поездки на Материк и в местные поселки, определял меры наказания и поощрения. И что бы ни произошло в Поселке — родился ли кто, умер, пропал, украл, собрался удрать на Материк, угробил или спас технику — первым кто об этом обязан был знать, помнить и принимать решения, был опять же Николай Петрович Панюшкин.

Весь строительный отряд в самый разгар летних работ не превышал ста пятидесяти человек, а зимой здесь не было и половины. Водолазы, механики, газосварщики, водители тягачей и вездеходов, разнорабочие, служащие почты, столовой, магазина — всех понемногу. Собственно, стройка и состояла из этих разношерстных бригад, из флотилии барж и катамаранов, из звонков на Большую землю, из постоянных хлопот, связанных со снабжением не только многочисленного «воинства» питанием, одеждой, топливом, горячим и прочими предметами первой, да и не только первой, необходимости.

За два с лишним года работы по строительству подводного трубопровода Панюшкин привык к своему кабинету, этой небольшой комнатенке с одним окошком, и не замечал ни шелушащихся стен, ни перекошенного пола, ни выпирающей дверцы печи, грозящей вывалиться каждую минуту вместе с пылающими поленьями. На столе стоял старомодный угластый телефон с мохнатым проводом, стену украшала схема трубопровода на пожелтевшем ватмане, несколько вбитых в стену у двери гвоздей заменяли вешалку.

Бойдя в кабинет, Панюшкин, не раздеваясь, сел за стол, посмотрел на маленькое квадратное окошко с видом на Пролив. Вдохнул, с силой потер лицо ладонями, пытаясь сосредоточиться.

— У вас неприятности, Николай Петрович? — В дверях стояла Нина. Машинистка, секретарь, делопроизводитель, курьер и еще бог

знает кто. В общем, правая рука Панюшкина.— Следователь приехал, говорят, что-то будет,— сказала Нина низким, глуховатым голосом.

— Обязательно что-то будет,— подтвердил Панюшкин.— И всегда что-то есть. И неизбежно что-то кончается. И это здорово, черт побери! — Панюшкин одним движением сдвинул бумаги в сторону и на освободившемся месте положил руки.

— Все это хорошо,— тускло сказала Нина, не загоревшись настроением начальства.— Все это хорошо,— повторила она, садясь на табуретку у стола.

— А что плохо?

— Следователь приехал, Николай Петрович!

— Ну, конечно. Я и привез его! — Панюшкин остро глянул на Нину глубокими синими глазами и тут же опустил густые брови.

— Неужели ничего нельзя было здесь решить, самим, а, Николай Петрович?

— Отчего же нельзя? Можно. Когда Горецкий на меня бульдозером попер, мы сами все решили. Может быть, напрасно, посамовольничали, но решили. Полюбовно. Простил я его, скажем так. Хотя я больше о тебе думал. Должен ведь начальник заботиться, чтобы его подчиненные улыбались почаще. А если честно, то и не об улыбке твоей я думал, а о твоей производительности труда. Вот какой я лукавый. Но сейчас... Нина, Горецкий ударил человека ножом.

— Сколько же ему дадут, Николай Петрович?

— Если только за это... Года два, полагаю. Суд разберется. Суд не любит, когда ему подсказывают.

— А за что его еще можно судить?! Или вы решили поднять эту историю с бульдозером?

— Нет, речь идет все о той же ночи... Есть подозрение, что он не только Самолетова ножом пырнул, но и над Большаковым поработал. Большакова нашли разбитого, переломаны нога, ребро... Голова помята... Сам он не мог так разбиться. Да и Колю Горецкий во время бурана, похоже, бросил. Это тоже статья — оставление человека в условиях, опасных для жизни. Коля мог замерзнуть? Мог. Ушли они с Горецким вместе? Да. Вот такушки... Неважный тебе парень попался, Нина, неважный. Родителей мы не выбираем, но мужей, друзей — можем. У нас этого добра хватает, только свистни. Есть из чего выбрать.

— Хватит уж, отсвистелась.

Нина была маленькой, худенькой женщиной с неожиданно густым голосом. Она приехала работать учительницей, но в последний момент оказалось, что с учителями перебор вышел — много ли их надо для полутора десятка ребятишек. Панюшкин предложил

Нине работать в конторе. Из нее получилась на удивление дельная секретарша.

— Ладно, Нина,— сказал Панюшкин.— Разговор этот грустный, да и преждевременный. Следствие, как я понял, ведут большие знатоки. В любом случае справедливость я тебе гарантирую.

— А что мне делать с этой справедливостью, Николай Петрович? Сыт ею не будешь, на стенку не повесишь...

— А может, все к лучшему, а, Нина? Ведь с ним ты все время как по лезвию ходила. Не муж он тебе, да и не хотел им быть... Ну ладно, это я не в ту степь поскакал. Прости великодушно.

Утром следующего дня, когда на солнце сверкало все заснеженное побережье, а редкие черные избы, тягачи и вагончики на льду казались случайными пятнышками на фоне всеобщего торжествующего сияния, Колчанов в сопровождении участкового Шаповалова, пожилого, прихрамывающего, полноватого человека, прошел к небольшой избе, в которой помещалось местное отделение милиции. Здесь уже толпилось полтора десятка человек из тех, кто был вызван повестками, и те, кто был просто любопытен.

— Раздайся народ, правосудие идет! — зычно крикнул Шаповалов и, оглянувшись, подмигнул следователю. Вот, мол, как тут у нас!

— Это мы еще посмотрим, что за правосудие и куда оно идет! — крикнул кто-то из толпы.

— Смотри у меня, Верка, не шустри! Тебя первую допрашивать будем! — ответил участковый, не оборачиваясь на голос.

— Это вы мастаки! — прозвучало откуда-то из слепящего пространства. — Ишь, чем грозить надумали — допрашивать они будут!

— Мастаки не мастаки, а дело свое знаем, гражданин Ревнивый! — Шаповалов не задерживался с ответом.

— Не Ревнивый, а Ревнивых! Я смотрю, оскорблять вы и в самом деле мастаки!

— Какая разница, — отмахнулся Шаповалов. — Все равно ревнивый, как сивуч!

Люди засмеялись, и участковый, довольный тем, что выиграл эту маленькую стычку, быстро снял замок, распахнул двери и повернулся к следователю.

— Прошу! — громко сказал он, торопясь, чтобы Ревнивых не успел выкрикнуть еще какую-нибудь дерзость.

— Небогато живете, — сказал Колчанов, стаскивая пальто. Повесив его на гвоздь у двери, он подошел к печи и прижал к простенку ладони.

— Теплая, — заверил его Шаповалов. — Я уж с утра побывал здесь, протопил.

— Правильно,— Колчанов улыбнулся.— Гостей принимать надо умеючи.

— Да у нас и учиться-то некогда... Вот ты — первое начальство из города. Авось и последнее.

— Авось,— согласился Колчанов.— С кого начнем, Михалыч?

— А с меня и начинай. А чего? Как человек, который знает здесь если не все, то почти все, я смогу сразу ввести в курс дела.— Большое красное лицо Шаповалова светилось доброжелательством и желанием помочь.

— Просветили уж, ввели в курс.— Следователь махнул рукой.— Панюшкин ваш уже, можно сказать, дал показания. А отчет твой мы получили еще раньше. Ты вот что мне скажи... Сколько народу у вас здесь живет?

— Народу? Человек пятьдесят строителей да местных около тридцати. Ну еще десяток на почте, телеграфе, в столовой... Сейчас-то и этого не наберется. Затишье. Ждем, пока Пролив затянется... А когда в делах затишье, тут и жди всяких происшествий.

— И подолгу ждать приходится?

— Чего спрашивать — сам знаешь. Отчеты не задерживаем, как «радость» какая случится — всегда поделимся. Вот порезал один другого — ты уж на следующий день выводы делал.

Шаповалов провел широкой красной ладонью по наголо остриженной голове и, подойдя к теплой стене, прижался к ней крупным животом.— Начинать-то с кого будем?

— Не будем нарушать ход событий. Все началось в магазине? С магазина и начнем. Зови, Михалыч, продавца. Как ее там...— Колчанов заглянул в бумажки.— Вера Ивановна Горбенко.

— Ну что ж, с нее и начнем,— согласился участковый.

Он вышел на крыльцо, опять шумно и беззлобно поругался с кем-то, посмеялся чьей-то шутке и, наконец, вернулся. Горбенко вошла следом, молча постояла, привыкая к полумраку, посмотрела на Шаповалова, замершего у двери, хмыкнула непонятно чему, повернулась к следователю.

— Здравствуйте вам.

— Вы что же это, на Украине родились?

— А как вы догадались?

— Хитрый потому что! Садитесь, Вера, платок снимайте, жара тут у нас. И дело жаркое, и печь Михалыч натопил так... Да, должен предупредить — за ложные показания вы несете уголовную ответственность.

— Это как же понимать? Похоже, вы угрожаете?

— Что вы! — замахал руками Колчанов.— Какие угрозы! Да меня самого за угрозы не похвалят! Понимаете, по закону я должен предупредить вас, что следователю надо говорить чистую правду.

Судят за вранье, понимаете? Ну вот... А зовут меня Валентин Сергеевич.

— Ага,— Горбенко кивнула, словно решив что-то для себя.— Понятно. Я, конечно, извиняюсь.

— Ничего, бывает. Я почему предупредил — чтоб не говорили потом, будто вы пошутили. Бывают у некоторых чудные шутки. Так вот, за шутки можно иногда ответить. Ну, ладно, приступим. Итак, Вера Ивановна Горбенко, работаете вы в магазине. И, как я понял, там же у вас в магазине пиво бывает. Нечто вроде распивочной у вас там. Верно?

Горбенко долго с подозрением смотрела на Колчанова, потом передернула плечами, усмехнулась.

— И точно, хитрый вы человек,— она помолчала.— Что до пива, то правду сказали, торгуем пивом в магазине, потому как нет больше у нас на Пролите торговой точки. А пиво нам иногда летчики забрасывают. Не отказываться же — мужики проклянут. Мы не отказываемся. И народ доволен, и план есть. Да и я не в обиде.

— А вам какая от пива радость? — спросил Колчанов, быстро заполняя лист протокола.

— Ну как же, для людей стараемся. А когда люди довольны, то и нам в радость,— Горбенко откровенно улыбнулась.

— Я смотрю, Вера, вы тоже очень хитрый человек, и потому побеседовать с вами для меня просто удача. Скажите, Вера, сколько вам лет?

— А сколько бы вы дали?

— Человек с тобой по-людски говорит, совесть поимей! — не выдержал Шаповалов.— Следствие идет! Показания даешь, а не пивом торгуешь! Документы оформляются, а ты все думаешь, что заигрывают с тобой! Отыгралась, хватит! Для протокола человек спрашивает, а не для того, чтобы!..

— Для протокола — двадцать девять,— вздохнула Горбенко.

— Двадцать девять?! — воскликнул Колчанов.— Надо же... А я думал... Ну, двадцать два, двадцать три...

— Вот видишь, Михалыч, как надо с женским полом разговаривать,— повернулась Горбенко к Шаповалову.

— Продолжим наш разговор,— вмешался следователь.— Ответьте мне, Вера, на следующий вопрос... Вы замужем?

— Да. Хотя... Нет. Сейчас — нет. Уж год как на свободе.

— Здесь уже развелись?

— И сошлись, и развелись. Бог даст, опять сойдемся. Пролит, он такой,— кого угодно и сведет, и разведет. Вот приедете следующий раз, фамилия у меня — Шаповалова. То-то смеху будет, а, Михалыч!

— А разошлись почему?

— Была история... К нашему разговору отношения не имеет.

— Да какая там история! — воскликнул Шаповалов. — Изменила мужу, вот и вся история. А Горбенко, наш главный механик, особо не рассуждал: распрощался с женой — и будь здоров!

Горбенко медленно повернулась, посмотрела на участкового, долго так посмотрела, чтоб он успел заметить, какой у нее презрительный и опасный взгляд, чтобы осознал неизбежность крупного разговора.

— До чего же люди разные бывают, — сказала Горбенко следователю. — Не пришло ведь Михалычу в голову сказать, что так, мол, и так, случилась у нашей Веры Ивановны единственная красивая любовь в жизни, но кончилась, можно сказать, трагически. Ведь не сказал так. Изменила, говорит, и все тут. А ведь тоже мораль читает, жить учит...

— Ладно, Вера, — сказал Колчанов. — Простим его. Он человек строгих правил, опять же должность обязывает. Простим. Расскажи-те лучше о магазине.

— Да что там рассказывать... Обычный магазин, сделали его в брошенной избе, когда один наш начальник невысокого пошиба однажды на Материк деру дал. Вот в его избе и сделали. А как-то раз наши торговые организаторы — не иначе как с перепугу — забросили нам бочку пива. Мы, конечно, еще попросили. С тех пор иногда забрасывают. Раз в месяц, в два месяца...

— Народу много собирается?

— Почти все мужики у нас перебиваются, пока пиво есть. Да и женщины, я заметила, не прочь иногда пивком побаловаться. У нас ведь кроме магазина и податься некуда... После работы иди отсыпайся, отоспавшись — на работу собирайся. Клуб, правда, есть при школе. Вы не были в том клубе? И правильно. Кроме наглядной агитации там и нет ничего. Мыши одни.

— Бедная агитация, — вздохнул Колчанов. — Кто начал драку?

— Знаете, я так скажу... Бывает, драка начинается за неделю, за месяц... И в уме они уже давно дерутся, смертным боем друг друга колотят... Ну, обидел один другого, слово поперек сказал, за дивчиной приударил... Вот они и дерутся. А тут подворачивается случай наяву подраться, и вроде бы упустить этот случай нельзя, характер не позволяет.

— Вера, я не против, пусть в уме хоть весь ваш Поселок друг друга переколотит. Но мне интересно, кто первым наяву ударил. Это очень важно.

— А вот и не знаю. Не видела. У нас так: пиво налей, закуску подай, сдачу отсчитай, на глупость на каждую ответь, а не ответишь — на себя пеняй, а там уже очередь за хлебом, за мылом выстроилась...

— Ну, хорошо. Расскажите о Горцеком.

— Думаете, он зачинщик? Ничего подобного. Ведь этот... Самолетов так на него попер, так попер...

— Значит, вы все-таки кое-что видели? Горецкий ударил ножом Самолетова?

— Так уж и ударил... Отмахнулся.

— Ну, ладно, главное, что вы видели удар ножом и не стали утаивать это от следствия. Вы поняли свою задачу свидетельницы и помогли правосудию.

— Чего это я помогла? Ничего я не помогала. Вы спрашиваете — я отвечаю!

— Конечно, отвечаете. За все свои показания отвечаете. Ведь не исключено, что Самолетов останется инвалидом...

— Проживет.

— Вера, ну неужели вы считаете, что все получилось справедливо?

— С каких это пор с продавцом о справедливости стали говорить? Не нам об этом судить, не с нашим рылом. Это уж вы решайте, вам за это деньги платят, вроде неплохие деньги,— отработывайте.

— Что-то, я вижу, не по душе вам этот разговор... Но давайте уж до конца выполним наш долг следователя и свидетеля. Итак, мы выяснили: Самолетов подошел к Горецкому, что-то сказал ему, а тот вынул нож и отмахнулся, как вы сказали. Теперь перейдем к Большакову. Какие у него были отношения с Горецким?

— А у Большакова со всеми одинаковые отношения — дружинник он. И все здесь отношения. Придет в магазин, бывало... Ну, да ладно. А с Самолетовым они друзья. Мишко вам больше про него расскажет.

— Кто-кто?

— Та Мишко ж,— Горбенко кивнула в сторону Шаповалова.

— А-а, Михалыч... Он расскажет. Он уже и так много чего порассказал... Да! Вот все время хочу спросить — вы посуду пустую в магазине принимаете?

— Посуду? Стеклотару то есть? Ха! Не хватало, чтоб мы еще с бутылками возились... Куда нам их — солить? Или, может, вертолет специальный заказывать!

— Вообще-то верно, тут я маленько оплошал... Но тогда откуда же в подсобке столько пустых бутылок? Я почему спрашиваю — тут поговаривают, что не только пивком в магазине можно побаловаться, а и водочка на разлив бывает.

— Ох, чует мое сердце — Шаповалов вам все как есть выложил!

— Каюсь, гражданка Горбенко, моя работа.

— Вот так, Валентин Сергеевич, и поработайте — сначала просят,

слезы горячие на прилавок льют, мордой об углы колотятся, а потом сами же тебя и продают! Можно после этого людям верить?

— Это что же, Михалыч тоже об углы колотился и водки запрашивал?

— Не о нем речь, я в принципе...

— А, в принципе, тогда другое дело. Так что, Вера, кроме пива в тот вечер, когда у вас чуть было смертоубийство не произошло, в магазине продавалась водка на разлив?

— Это еще доказать надо.

— Можно и доказать. Свидетелей найдем, очные ставки устроим, ревизию проведем... Но лучше сразу признаться, как дело было. Сами понимаете...

— Ну и хитрый же вы человек! — с одобрением произнесла Горбенко. — И не хочешь, а признаешься.

Когда протокол был готов, Горбенко прочитала его, наклонилась, полностью вывела свою фамилию и, не распрямляясь, не отводя пера от бумаги, посидела немного, глядя куда-то сквозь протокол.

— Как приговор себе подписала, — сказала она тихо.

— Что уж теперь вздыхать! — утешил Шаповалов.

— А тебе и в радость! Понимаю я... Чем больше виновных окажется, тем меньшая вина участкового. А она ведь все равно есть, вина-то. Ведь знал Шаповалов и о посуде, и о водке на разлив... Все знал. А теперь, когда беда стряслась, вроде бы не прочь и кулаком по столу постучать. Ну что ж, до свиданья! Приятно было познакомиться.

Горбенко плотно затянула платок на голове, взяла со стола варежки. Дверь она притворила осторожно и плотно — как из пустого дома вышла.

— Что, Михалыч, пристыдила гражданка Горбенко? — без улыбки спросил Колчанов. — Пристыдила. И сказать нечего... Бывает, видим, что-то не так делается, а вмешаться — сил душевных, смелости человеческой не хватает. Случится что — виновных искать начинаем, все дыры виновником заткнуть норовим. Даже дыры в собственной совести. А виновник-то нередко оказывается человеком, который только и того, что послабже других, только и того, что первым на непорядке споткнулся...

Колчанов взял из папки новый бланк протокола и задумался. Вера Горбенко, щурясь от яркого солнца, поскрипывая валенками по снегу, уже торопливо шла по улице в свой магазин, а он еще мысленно все задавал ей новые и новые вопросы, вслушивался в напористый голос, пытаясь отделить правду от лжи, напускную бесшабашность от настоящей боли...

Вошел и остановился у двери Ревнивых, маленький, жилистый мужичонка с цепким, насмешливым и не очень трезвым взглядом —

повестка к следователю освобождала его от работы, и он отнесся к этому дню, как к праздничному.

— Вот это и есть наш уважаемый Павел Федорович Ревнивых,— напомнил Шаповалов.

— А! — Колчанов поднял голову.— Добрый день, Павел Федорович! Чего же вы стоите? Садитесь, вот мы с Михалычем и стул для вас приготовили.

— Отчего же не сесть, ежели хороший человек просит... Сядем.

— Кем вы работаете, Павел Федорович?

— А замещаю начальника ремонтной мастерской. Нет у нас полноправного начальника, я вот только есть — бесправный, можно сказать, начальник. Панюшкин все не решается утвердить. Чем-то я ему не угодил... Но кому-то надо работать! У нас как... Работает — молодец, грамоту тебе под мышку! А воздать, так сказать, должное — это, братец, погоди. Вот если бы ты здоровался поласковее, к трибуне дорожку протоптал, свое лыко в строку насобачился бы вставлять, вот тогда тебе и должность, и зарплата, и почет. А работа — это так, это не самое главное.

— Поимей совесть, Павел! — возмутился Шаповалов.— Тебе ли на Панюшкина бочку катить! А что начальником мастерских не назначил, так сам виноват. Ты же отказался! А теперь, выходит, не угодили тебе?

— Павел Федорович,— строго спросил Колчанов, пресекая перепалку,— из-за чего возникла драка в магазине?

— Из-за чего драка,— проговорил уже спокойно Ревнивых.— Из-за чего драка? Женский пол тому виною. Вот мое слово.

— Весь женский пол или кто конкретно?

— Конкретно — Анюта. Анна Югалдина, это она смуту вносит. Если между нами да по-культурному — девушка легкого жанра.

— Эти слова можно записать?

— На кой? — удивился Ревнивых и даже по сторонам посмотрел, словно бы призывая всех в свидетели.— Я же предупредил — между нами. Кто ж ее знает, какая она на самом деле? Может, она... балерина какая подпольная! Говорят. Зря говорить не станут.

Ревнивых замолчал, преданно глядя в глаза следователю, даже голову склонил набор от старательности. Мол, спрашивайте, не стесняйтесь, все, как есть, отвечу. Его нечесаные вихры взмокли под шапкой и теперь торчали во все стороны, щетина отсвечивала на солнце красным и седым, одинокий тонкий волос торчал из ноздри воинственно и непокорно.

— Так,— протянул Колчанов.— Причину мы выяснили. Анна Югалдина смуту вносит. А как же драка началась?

— Скажу. Этот самый, ну который порезанный, Самолетов Лешка, было дело, начал одно время под Анюту клинья бить. Ухаживать,

другими словами. Хотя, между нами говоря, данных у него на это дело никаких не было. Ни физических, ни моральных. А Горецкий — парень не промах. Он знает, что клин вышибается клином. Это любой сведущий человек знает.

— А что же сама Анна?

— Во! — Ревнивых восторженно хлопнул ладонями по коленям так, что от его ватных штанов даже пыль поднялась. — Очень уместный вопрос. Сама Анюта и на Лешку Самолетова, и на Витьку Горецкого — ноль внимания. Если уж на то пошло, то я, Павел Федорович Ревнивых, человек не больно высокого полета, Михалыч не даст соврать...

— Не могу не согласиться, — сказал Шаповалов со значением. — Что правда, то правда.

— Во! Так что хочу сказать — я был, в общем-то, Анюте ближе, чем оба они вместе взятые. Хотите верьте, хотите нет, но я...

— Хорошо! — с нажимом сказал Колчанов. — А драка из-за чего началась?

— О! — Ревнивых сморщился так, что и не понять было, где в мелких морщинах скрывались его глазки, где нос, рот... — Очень тонкий маневр получается, постараюсь объяснить. Может быть, вы меня и поймете... Оглянитесь вокруг, — Ревнивых развел руками, но шапка упала с его колен и величественный жест пришлось прервать. — Что мы видим? Глушь. Несусветную глушь. Здесь не то что живой человек, картинка на тумбочке может стать причиной страшных преступлений. Скажи, Михалыч! Было ведь, говори, не таись! Один новичок спер у экскаваторщика девушку из тумбочки. Красивая такая девушка была, хотя на мой вкус больно тоща, да и взгляд у нее нахальный. Ну и сильно загорелая, как цыганка какая...

Колчанов беспомощно оглянулся на участкового, и тот счел нужным внести ясность.

— На картинке девушка, — пояснил участковый. — Снимок из журнала.

— Вот и я говорю — из-за этой самой картинке новичок схлопотал по физиономии. Чтоб красавиц похищать неповадно было. А вы говорите, из-за чего драка.

— А Горецкий что за человек?

— Ну что Горецкий... Он здесь полтора года. Еще подъемные, наверно, не пропил. Хотя нет, пропил. Это я зря на человека наговариваю. Живет он с секретаршей Панюшкина. И потому пользуется некоторой неприкосновенностью.

— Ты, Пашка, того... Не надо, — строго сказал Шаповалов. — Меру знай.

— Да? А как он Панюшкина чуть было бульдозером не растерзал! Али забыл? Я вот что скажу, Михалыч, — тебе бы Панюшкин

того не простил. А Горецкому простил. Нинка уговорила, чтоб не губил он любовь ее незаконную да постыдную. Во!

— Ну и пакастный же ты человек, Пашка! Чего на человека-то бочку катить?

— Разберемся,— остановил их Колчанов.— Вернемся в магазин. Ваше слово, Павел Федорович.

— Вернемся,— согласился Ревнивых.— Значит так, выпили мы пивка, вот я и говорю Витьке Горецкому — с ним мы пивко пили. Так и так, говорю, а Самолетов вроде бы к Анюте на два корпуса ближе тебя. А я не соврал, так оно и есть. Самолетов часто у столовой вертится, где Анюта работает, то ящики поднесет, то мусор унесет, то хиханьки с Анютой затеет, то хаханьки... Вот я Витьке и говорю, хоть, говорю, и потаскушка...

— Самолетов это слышал?

— Нет, я человек обходительный, знаю что к чему, опять же в каких-никаких начальниках хожу, себя блюсти должен. А Горецкий к тому времени, помню, пивка уж махнул и чекушку опорожнил... Ну и заорал он на все побережье. И про легкое ее поведение, и слова всякие непотребные. Я ему по-дружески, предостеречь чтобы. А он не сдержался. А когда Самолетов подскочил да начал криком кричать да кулаками размахивать, Витька и пырнул его. Чтоб, говорит, перед глазами не мельтешил.

— Понятно,— кивнул Колчанов.— А теперь, Павел Федорович, поскольку вы человек знающий, скажите мне, будьте добры, как Вера Горбенко относится к Виктору Горецкому?

— Вот это вопросик! В самую точку. Втюрилась Верка в Горецкого, а за что — не пойму. Хотя догадаться можно. Витька работает на укладке трубопровода, деньгу лопатой гребет, совковой, между прочим, лопатой. Вот ей и обидно, что такие деньги без присмотра остаются. Она за каждый гривенник башкой своей кудлатой рискует, а он десятками швыряется. И правильно делает — подыхать не обидно будет... Горецкий, между прочим, и есть та причина, по которой муж и жена Горбенко разошлись в прошлом году, как в море корабли. На предмет супружеской верности эта самая Вера слабину допустила.

— А Большаков? Что он за человек?

— Ничего парень, правда, он не из нашей компании. Это Михалыча кадра. Он про него все знает. А вот как разбился — это уж вы, товарищ дорогой, расскажите нам. Сам сорвался или помог кто — на данный момент одному богу известно.

— Я слышал, что во время драки в магазин вошел Большаков и доставил Горецкого в милицию. А больше никому в голову не пришло это сделать. И вам тоже, Павел Федорович. Так?

— Как это мы все горазды людей к ответу привлекать! — от

возмущения Ревнивых саданул себя кулаком по коленке.— Вот я, к примеру, не требую, чтобы вы со мной в ночную смену мерзлые железки одну к другой привинчивали! Не требую, чтобы подменяли меня, когда я с ног валяюсь! Или, может, вы в водолазной бригаде вкальваете? Нет? Вот так-то. Давайте будем каждый заниматься своими делами.

— Давайте. Как Горецкий относится к Большакову?

— Ишь как вы резво... Побайвается. Остерегается. Силу чувствует. Никому Витька спуска не давал, а вот Андрея Большакова стороной обходил.

— Что делал Горецкий, когда в магазин вошел Большаков?

— Пиво пил. Ребята вокруг Самолетова возились, из того кривища, как из пожарной кишки, хлестала, а Горецкий посмотрел на все это и говорит... Не скоро, говорит, мне теперь пивком побаловаться придется, грех, мол, недопитое оставлять, потом, говорит, я об этой кружке долгие годы жалеть буду. И тут заходит Большаков. Горецкий посмотрел на него сквозь кружку, допил, спокойно так отставил ее. Бери, говорит, меня, я вся твоя,— это он Большакову. А тот промолчал. Подошел к Самолетову, а надо сказать, что Лешка Самолетов — его первый дружок. Так вот, посмотрел Большаков на лежащего Самолетова, желваками пошевелил и поворачивается к Горецкому. Твоя, спрашивает, работа? Моя, отвечает тот. А что ему отвечать — двадцать свидетелей. И увел Большаков Горецкого.

— Тот сопротивлялся?

— Что он, дурак? Поздно сопротивляться.

— Значит, потасовки, стычки между Горецким и Большаковым в магазине не было?

— Нет. Твердо говорю — не было.

— Ну, Павел Федорович, у меня больше вопросов нет. Вот протокол, прочтите. Если со всем согласны, подписать требуется.

— Отчего ж, прочту, коли хороший человек просит. Очень даже интересно, как мои слова в письменном виде выглядят.

Ревнивых долго читал, шевеля губами, хмыкал, пожимал плечами, иногда недоуменно поглядывал на следователя, на участкового и снова принимался читать. Так и не произнес ни слова, подписал и отодвинул от себя. Поднявшись, он долго, старательно надевал шапку, натягивал рукавицы и, казалось, колебался — не сказать ли ему еще что-то важное, но так и не решился, промолчал. Только у самой двери живо обернулся.

— А хотите знать, кто виноват? Панюшкин! — выкрикнул он свистяще.— Распустил людей! А людей надо — во! — И Ревнивых потряс тощим, жилистым кулачком.

Столовая располагалась в стандартном северном вагоне, очень похожем на железнодорожный. От вагона к сараям тянулся щербатый частокол забора, рядом в беспорядке валялись пустые ящики из-под тушенки, круп, макарон.

Колчанов и Шаповалов пообедали молча, и только отхлебнув компот, участковый решился заговорить.

— Вот человек, а! — с досадой крикнул он. — Вроде и друг Горецкому, а намекнул — пощупайте, дескать, не он ли...

— Ты о ком? — спросил Колчанов.

— Да все о нем же, о Ревнивых!

— А-а... Бывает. Врачам люди признаются в самых дурных своих болезнях... И нам тоже признаются. Жене не признаётся, от детей утаит, да что там говорить — самому себе человек не всегда признаётся в своих же желаниях, страстях, зависти. А нам признаётся.

— Бойтся потому что! Сроком пахнет!

— Нет, Михалыч, дело не в этом... Смотри, тот же Ревнивых дал понять, что никакой он не друг Горецкому, подтвердил, что именно он подтолкнул Горецкого к драке в магазине... Кто знает, может, он и дружит с Горецким только для того, чтобы подталкивать его время от времени к таким вот скандалам.

Обожженное морозом лицо Колчанова стало задумчивым, почти скорбным, будто на его глазах только что умер человек.

— А может, он просто дурак? — спросил участковый.

— Не похож он на дурака. Маленько озлоблен, обижен — это есть. Знаешь, почему он не до конца раскрылся? Из-за тебя, Михалыч. Не будь тебя в кабинете, он сказал бы больше. Ты местный, ты останешься...

— Да, — протянул Шаповалов. — А скажи, Валентин Сергеевич, хорошие люди тебе встречаются в работе?

— Хорошие? Это какие?

— Ну... чтоб на работе уважали, в семье любили, чтоб не боялся правдивое слово сказать, за общее дело болел бы...

— Чтоб не изменял жене, помогал друзьям, не боялся врагов? — с улыбкой продолжил Колчанов.

— Примерно, — подтвердил Шаповалов.

— Это не хороший человек, Михалыч, это уже идеальный. А что до хороших людей... Встречаются, а как же... Ты мне вот что скажи. Как я понимаю, в магазинчике вашем публика собирается довольно своеобразная?

Шаповалов пожал плечами — вопрос не показался ему интересным.

— Ясное дело. Кто вечером пошагает через весь Поселок ради кружки пива? Есть у нас человек десять, за которыми глаз да глаз нужен. Как что случится — все они то свидетели, то участники, то

виновники... Ума не приложу — что их все время вместе сводит? Выпить не все из них любят, подраться тоже не все горазды... Есть, видно, какая-то сила, что людей с червоточинками друг к дружке тащит, а?

— Понимают друг друга, сочувствуют слабостям.

— Какой там сочувствуют! Тот же Горецкий, он выпить не больно охоч, знаю — прогивно ему с алкашами, иногда так кого двинет... Сто метров по снегу скользит.

— И такое, значит, бывает, — обронил Колчанов.

— А чего не бывает? Все бывает. Место у нас — не каждый выдержит, на любителя место. И не в физических трудностях беда, не в погоде дурацкой... Оторванность — я так понимаю. Взять Веру Горбенко. Ведь на Материке примерной бабой стать могла бы, а здесь... Столько мужиков вокруг, и у всех глаз горит.

— Да что ты все о том же, — поморщился Колчанов. — Понимаешь, нужны людям свежие впечатления, возможность как-то проявить себя... Отражаться в других людях. А когда человек этого лишен, он может удариться во что угодно. Она ведь сказала тебе — красивая любовь. А ей виднее.

Свежий снег замел протоптанную дорожку, крыльцо, и Панюшкин поднимался по ступенькам, с удовольствием вслушиваясь в ночной скрип снега. Он на ощупь прошел по коридору, толкнул дверь кабинета, не раздеваясь сел за стол да так и остался сидеть в темноте, положив лицо в большие, жесткие ладони, чувствуя затылком поднятый воротник куртки и подтаивающий в тепле снег.

— Устал, — вздохнул он почти беззвучно. И еще раз повторил: — Устал...

И тут же, будто подхлестнутый этим словом, будто оскорбленный им, резко распрямился, встал, включил свет, бросил на гвоздь куртку, снова сел. В работу Панюшкин мог включаться немедленно.

Не прекращая писать первые пункты приказа, Панюшкин прислушался. На крыльцо кто-то поднимался. Когда хлопнула входная дверь и в коридоре раздались тяжелые неторопливые шаги, он догадался — пришел Заветный, главный инженер. Войдя, тот неторопливо осмотрелся, привыкая к свету, усмехнулся, увидев Панюшкина, зарытого в бумаги, со вкусом прикурил от зажигалки.

— Володя, я слышал, у тебя намечаются перемены в личной жизни? — спросил Панюшкин.

— Возможно.

— Ты еще не решил?

— Не в этом дело, — Заветный внимательно рассматривал облачко дыма, поднимающееся над его головой. — Я суеверный, Ни-

колай Петрович. Мало ли что помешать может... Да и невеста с норовом.

— Анюта?

— Она самая.

— Значит, все правильно. Жаль, что мне сказал об этом следователь, а не ты. Я бы предпочел радостные вести узнавать из первоисточника. Подожди, не перебивай. Колчанов занимается расследованием причин драки в магазине и всех тех чрезвычайных событий, которые разыгрались у нас на прошлой неделе.

Главный инженер улыбнулся и, погасив сигарету, бросил ее через всю комнату в угол. Она упала рядом с корзиной. Панюшкин внимательно смотрел за ее полетом. Он поймал себя на том, что ему не понравился жест Заветного. Хозяйский какой-то, подумал Панюшкин. Или просто пренебрежительный. Но у Заветного было совершенно спокойное незамутненное выражение лица.

— Володя, тебе известна причина драки? — спросил Панюшкин.

— В общих чертах, Николай Петрович. Горецкий опять отличился. Напрасно вы его держите, ей-богу напрасно. Когда-то он вас чуть было бульдозером не раздавил, сейчас Лешке Самолетову досталось, Большаков, говорят, концы отдает...

— Концы? — быстро переспросил Панюшкин. — Как понимать?

— Вам не понравилось выражение? Простите, сорвалось.

Панюшкин почувствовал раздражение. Настольная лампа ярко освещала его лицо, слепила, стоило ему лишь поднять голову, чтобы посмотреть на Заветного. А тот стоял, прислонившись плечом к теплой стене, и его лицо было в тени.

— Володя, причиной драки послужила твоя Анюта, — медленно, сдерживая себя, проговорил Панюшкин. — Тебе это известно?

— Да.

— Почему же ты мне ничего не сказал?

— Мне показалось, что это мое личное дело.

— Так! — Панюшкин вскинул указательным пальцем очки и с размаха бросил ладонь тыльной стороной об стол. — Личное дело! Володя, ты ведешь себя так, будто один из нас дурак, причем ты уверен, что дурак, конечно, не ты! Подожди! Весь Поселок срывается среди ночи и несется на Пролив! Каждый рискует замерзнуть, сломать в торосах ноги, свалиться в промоину! Следователь выясняет причины поножовщины, как выразился секретарь райкома! А главный инженер товарищ Заветный полагает, что это его личное дело!

— Прошу прощенья, Николай Петрович! Из нас двоих дурак, разумеется, я. Дело в том, что я сам совсем недавно узнал причину драки. Оказывается, воздыхатели сцепились. Кавалеры то есть.

— Полагаю, бывшие кавалеры?

— Чего темнить, Николай Петрович! Говорите сразу, что, мол,

хлопот с ней не оберешься, что жизнь моя после этого под откос пойти может... Но вот скажите мне, Николай Петрович, добрая душа, опытный специалист, человек, немало поездивший на своем веку и насмотревшийся всякого... Скажите мне, зачем мне пересиливать себя? К свадьбе дело идет? Пусть идет. Разве я поступаю подло? Разве я женюсь по расчету? Разве я этой женитьбой добиваюсь денег, славы, карьеры? Нет. У меня только любовный расчет, если можно так выразиться. А в этом я не вижу ничего плохого. Или вы считаете, что я теряю свое достоинство, беря в жены столь презренную особу?

— Не заводишь, Володя. Ты прекрасно знаешь, как я отношусь к Анюте. Если у меня что-то и есть за душой, так это ревность...

— Не может быть, Николай Петрович! — захохотал Заветный.

— Почему? — грустно спросил Панюшкин. — Почему? Очень даже может быть... А что касается расчета, то любовный расчет не менее постыден, нежели денежный... Даже более. Потому что на кону судьба человека. Ведь вы не на равных, Володя. Что бы между вами ни произошло в дальнейшем — ты на ногах и останешься на ногах. А у нее вся жизнь может кособоком пойти. У нее, а не у тебя. О ее жизни я беспокоюсь, а не о твоей.

— Если ее жизнь пойдет кособоком, Николай Петрович, то в этом будет не только моя вина.

— Хочешь сказать, что ты не первая ее симпатия здесь?

— Вы не ошибетесь, если скажете, что я и не вторая ее симпатия.

— И это дает тебе право вести себя как угодно?

— Почему же как угодно! Просто свободно.

— Не надо, Володя, этой бравады. Я и так смогу понять тебя. Ты говоришь, что у тебя любовный расчет... Другими словами, ты хочешь сказать, что любишь ее, так?

— Можно и так сказать.

— А через месяц? Через два, через полгода — сможешь ли ты спокойно разговаривать с ней вечером, если в течение дня где-нибудь услышишь за спиной обидный смешок, реплику, прямой вопрос о ее прежних симпатиях?

— Жизнь покажет, Николай Петрович.

— Ну она-то тебя любит?

— Как вам объяснить. — Заветный прошелся по кабинету, придвинул к столу табуретку, сел на нее. Теперь и его лицо оказалось на свету, и это как бы уравнивало Заветного с Панюшкиным, он словно бы согласился побыть с ним на равных. — Спросите у нее сами, если хотите. Я не спрашивал. А она не говорила. Знаете, она все время смотрит на меня с каким-то удивлением, все время у нее

в глазах вопрос... Мол, что же это такое творится на белом свете, что я, Анюта, та самая Анюта, выхожу замуж?! И за кого? За главного инженера! Мы говорим с ней о свадьбе, у нее на лице оживление, она смеется, загорается, говорит о наряде, о фате... И вдруг — молчание. Этаким недоверчивый прищур, резкость, грубость. Процедит сквозь зубы, что все это, мол, блажь чистой воды и никакой свадьбы не будет, что потрепались, дескать, людей потешили — и хватит. «Почему?» — спрашиваю. Рукой махнет и отвернется. Мне так кажется, говорит. Или я передумую, или ты. Или еще кто-нибудь...

— Так,— протянул Панюшкин озадаченно.— Значит, все-таки любит...

— Вы так думаете? — оживился Заветный.

— Тут и думать нечего. Ясней не бывает.

Выйдя из мастерских, оставив за спиной сумрачность, холод, сквозняки, лязг металла и раздраженные человеческие голоса, оставив за спиной едкий запах отработанного горючего и поминутно глохнущий мотор тягача, Панюшкин неожиданно столкнулся с Колчановым.

— О! — воскликнул Панюшкин.— Я вижу, служитель истины не знает покоя?

— Какой покой,— вздохнул Колчанов.— Покой нам только снится — кто-то, по слухам, произнес такие слова, не знаю, правда, кто и по какому поводу... Да, Николай Петрович, вы уж простите меня, ради бога, за самоуправство. Короче, попросил я участкового пригласить в контору нескольких человек, с которыми мне нужно маленечко потолковать. Если вы не против, мы расположимся в кабинете. Рабочий день все равно к концу идет...

— Отчего же! Интересно будет посмотреть на работу профессионала... А дело, которым вы занимаетесь, для себя я уже расследовал.

— Может, мне и возиться не стоит?

— Не иронизируйте,— усмехнулся Панюшкин, пряча лицо от холодного ветра.— Я обязан знать все, что происходит тут у нас.

— Кто же преступник? — Колчанов не мог сдержатъ любопытства.

— Не поверите. Ищите, потом сверим результаты.

Некоторое время они шли молча, похрустывая снегом, отвернув лица от ветра, молча пересекли двор конторы, вошли в кабинет Панюшкина.

— Другими словами,— медленно проговорил Колчанов, исподлобья глядя на Панюшкина,— вы хотите сказать, что Большаков, который лежит в больнице, не сам свалился?

— Помогли ему,— горестно подтвердил Панюшкин.

Колчанов, набычившись, несколько мгновений смотрел на на-

чальника строительства, но, видимо решив не настаивать, прошелся по комнате, посмотрел в окно и наконец остановился у карты, на которой пунктиром была изображена нитка будущего нефтепровода, на две трети закрашенная красным карандашом.

— Насколько я понимаю,— Колчанов показал закрашенную часть,— это уложенные трубы?

— Совершенно верно.

— А этот участок еще нужно уложить?

— Точно,— улыбнулся Панюшкин.

— Тяжело?

— Тяжело. Самая тяжелая моя стройка.

— А в чем наибольшая трудность?

— Да все одно к одному,— Панюшкин махнул рукой.— Люди... Вечная наша проблема.

— Да, я смотрю, контингент у вас тут...— Колчанов замолчал, предоставив Панюшкину самому закончить фразу.

— О! — воскликнул начальник почти восторженно.— Народ очень разношерстный. В самом начале, когда предполагалось, что стройка будет закончена таким кавалерийским наскоком, задача создания долговременного коллектива не ставилась. Считалось, что мы вполне можем обойтись сезонниками. Конечно, водолазы, механики, инженерная служба — это наши кадры, управленческие. Остальные — народ случайный. Многих зарплата привлекает, иных экзотика. Люди здесь обитают самостоятельные, независимые. К бумажкам да звонким словам почтения не дюже много. Сумеешь убедить, переломить, доказать — останется работать, отлично будет работать. Начнешь криком брать, власть показывать — уедет. Хорошо еще, если заявление оставит, расчет получит. У нас вон до сих пор в сейфэ заляется несколько трудовых книжек, даже запросов не шлют.

— Ишь ты!

— Пролит трудный... Научные экспедиции еще не добрались до этих мест, а у метеорологов только общие данные о режиме, течениях, сменах приливов и отливов. Представляете, все время меняется скорость течения, направление течения — вода в Проливе ходит взад-вперед! Еще — дно не оттаивает полностью даже в середине лета. Хотя масса воды не промерзает до дна, но там образуются линзы вечной мерзлоты... Понимаете?

— В общих чертах.

— А детально и не нужно. Тут вот в чем трудность — нам не просто нужно уложить трубу на дно, нам нужно ее в дно зарыть. А как ее, дуру, зароешь, когда скрепера скользят по мерзлому дну, даже царапин не оставляя! Господи, а тайфуны, бураны, циклоны! Во время хорошего урагана вся масса воды Пролива приходит в движение. Двадцать пять метров глубина, а вода кипит, как в

кастрюле! Был случай — мы не успели трубы зарыть в дно, а тут тайфун...

— И что же?

— Ничего. От труб ничего не осталось. Металлолом. Прямо под водой резали и выволакивали, резали и выволакивали, резали и выволакивали.— Панюшкин, вспомнив прошедший тайфун, механически повторял эту фразу.

Колчанов постоял у схемы, зябко передернул плечами.

— Николай Петрович, что же вас заставляет сидеть здесь который год? Зарплата? Такую же вы могли бы получать и в другом месте, более обжитом... Должность? То же самое... Слава?

— Какая слава! — Панюшкин горько рассмеялся. — Тут ославишься — всю жизнь не проикаешься!

— Может, вы... — Колчанов понизил голос, — романтик?

— Нет, я не романтик, — Панюшкин покачал головой. — И отношение у меня к этому понятию... неважное. Стоит за ним что-то наивное, кратковременное. Энтузиазм, не подкрепленный достаточным количеством информации. Более того — энтузиазм, пренебрегающий информацией, будто главное в нем самом, в энтузиазме. Ничего, дескать, что мало знаем, ничего, что невежественны и неопытны, зато у нас главное: мы молоды и полны желания что-то там сделать. Причем не просто сделать, а с непременно условием, чтоб песня об этом была! — Панюшкин с каждым словом говорил все резче. — Романтика — это так... цветение весеннего сада до заморозков, до града, до засухи и нашествия всяких паразитов!

— Ну, на этот счет может быть и другое мнение. Мне лично нравится цветение весеннего сада, — улыбнулся следователь.

— Мне тоже, — быстро сказал Панюшкин. — Смотрится приятно. Но в весенний сад нужно приходиться сытым, одетым и обутым. Подкрепиться в нем нечем. На романтику я смотрю как на чисто производственный фактор, который не вызывает у меня восхищения, потому что это ненадежный, неуправляемый, непредсказуемый фактор. К нам сюда приезжают иногда этикие... жаждущие романтических впечатлений. Ах, говорят они, неужели эта узкая полоска земли на горизонте и есть Материк?! Надо же! — говорят они, глотая комки в горле. Их лица становятся задумчивыми, значительными, почти скорбными. И они до глубокой ночи колотят пальцами по струнам пошарпанных гитар, поют о чем-то возвышенном и трогательном, доводя себя чуть ли не до слез... А утром их не поднимешь на работу. Романтики! — Панюшкин фыркнул по-кошачьи и с досадой хлопнул ладонью по столу. — Видел. Встречался. Знаю. Им коровники в Подмоскovie строить, чтоб можно было вечерними электричками на Арбат возвращаться. О, как они поют в электричках! Какая у них мужественная щетина! Какие экзотические назва-

ния намалеваны на их спинах масляной краской! Суздаль. Новгород, Киж!

— Ну хорошо, а вас что здесь держит, Николай Петрович?

— Дело. Работа. Ответственность. Очень сухие, скучные вещи. Не убедительно?

— Нет,— Колчанов с сомнением покрутил головой.— Дело — оно везде дело. А вы здесь. Насколько я понимаю, уж вы-то, Николай Петрович, старый строительный волк, имеет право выбора. И выбрали этот медвежий угол, этот забытый богом и людьми край. Или проштрафились? И искупаете, так сказать, вину?

— Что вы! Разве можно наказать человека работой? Наказать можно отлучением от работы. Ведь это кощунство — наказывать самым ценным, чем только обладает человек: способностью производить осмысленные, целенаправленные действия. Сделать работу бесполезной, ненужной — вот страшное наказание. Это — высшая мера. И, насколько мне известно, в вашем ведомстве, товарищследователь, преступников от работы не отлучают.

— Но какой же вы неисправимый романтик, Николай Петрович!

— Оставим это,— Панюшкин обиженно поджал губы.— Кого вы пригласили сюда?

— Хочу поговорить с вашей секретаршей. Нина Осадчая — так ее зовут? У нее последнее время жил человек, который подозревается в покушении на убийство. Так? Горецкий у нее жил? Они не расписаны?

— Кого вы еще пригласили? — спросил Панюшкин невозмутимо.

— Югалдину. Анну Югалдину. Как я понял, драка в пивнушке, или в магазине, назовите его как вам удобнее, произошла из-за нее? Один сказал о ней что-то обидное, второму это не понравилось, третий на ней жениться собрался, а в результате я здесь.

— Если бы я услышал о Югалдиной то, что сказал Горецкий, то поступил бы точно так же, как поступил Алексей Самолетов. И, надеюсь, вы, товарищ Колчанов, тоже поступили бы так же. Действительно, случилась драка между двумя парнями. Но она в сути своей имеет, этого нельзя отрицать, благородные мотивы — один сказал о девушке пошлость, второй счел своим долгом защитить ее честь. Но сделал это неумело, неловко, а в результате пострадал.

Панюшкин подошел к окну, долго смотрел на закатное солнце, и лицо его, освещенное красным светом, будто пожарищем, было печальным, словно там, в этом пожаре за окном, сгорало что-то очень дорогое для него, а он никак не мог вмешаться, ничего не мог спасти.

— Идут наконец,— сказал он.— Все трое идут. И Шаповалов, и Нина идет, и Югалдина. Хотя, по правде сказать, я не был уверен, что Анна согласится прийти.

— Как это согласится? — не понял Колчанов. — Она вызвана официально! — Следователь удивленно посмотрел на Панюшкина.

На крыльце послышался топот ног, голоса, потом шум переместился в коридор. Первой в дверь заглянула Югалдина. Она потянула носом воздух, поморщилась.

— Душно тут у вас! О чем можно толковать в такой духоте? О чем-то скучном и никому не нужном.

— Полностью с тобой согласен! — обрадованно ответил Панюшкин. — Заходи, Анна, занеси с собой свежесть-то, не оставляй ее в коридоре.

— Придется войти, — врасстяжку сказала Югалдина и переступила через порог. Она искоса посмотрела на следователя, выдержала его усмешливый, выжидающий взгляд, улыбнулась, поняв, что ему приятнее было бы видеть ее смущенной. — А вы и есть тот самый знаменитый на весь Пролит следователь? — спросила она.

— Ага, он самый, — спокойно кивнул Колчанов.

— Допрашивать будете?

— А это моя первая обязанность. — Колчанов несколько мгновений смотрел на Анну с недоумением, потом улыбнулся понимающе: — Не надо. Я ведь еще ни в чем не провинился...

Последней в кабинет вошла Нина Осадчая — сжавшаяся, вроде даже ставшая меньше ростом, суше. Взгляд ее, настороженный и опасливый, сразу остановился на Колчанове. Она никого больше не видела в комнате, не слышала оживленного разговора, смеха Югалдиной, окружающих слов Панюшкина, сиплого баса Шаповалова, она смотрела на следователя. И тот понял, почувствовал ее состояние, мучительное иссушающее ожидание, стремление узнать что-то, покончить с неизвестностью. Не раздеваясь, она села у двери, положила руки на колени, перевела дыхание. Разговор смолк, продолжать его так же легко и беззаботно было уже невозможно.

— Ладно, пошутили, и будя, — сказал Панюшкин. — Анна, ты вот что, подожди в приемной, а я пойду по делам. Скучать не будешь?

— Если и буду, вы же не останетесь меня развлекать? — усмехнулась девушка.

— Да ладно тебе, — Панюшкин вдруг так смутился, что сквозь его коричневые от зимнего солнца щеки проступил румянец. Поняв, что все заметили это, он смутился еще больше, начал зачем-то складывать в стопку бумаги на столе, рассовывать их по ящикам. Уже Анна вышла в приемную, Нина сняла пальто, села на табуретку к столу, а Панюшкин, торопливо одеваясь, все еще хмурился да поглядывал из-под бровей — не смеется ли кто?

Окончание следует.

Рис. Ю. Филиппова

КНИЖНАЯ ХРОНИКА

**В издательстве
«Юридическая литература»
вышли в свет новые книги.**

Настольная книга работника по кадрам.

Цена 1 руб 10 коп

Предлагаемое читателю практическое пособие включает в себя все основные положения законодательства, с которыми приходится встречаться работникам отдела кадров. В этом пособии, в частности, рассматриваются вопросы приема, перевода и увольнения рабочих и служащих, рабочего времени и времени отдыха, трудовой дисциплины, материальной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, анализируются гарантии и компенсации, льготы лицам, совмещающим работу с обучением, а также порядок оформления документов для назначения пенсий и пособий по государственному социальному страхованию.

Издание рассчитано на работников отделов кадров, юристов-консультантов.

ХЛЫСТОВА Е. А.

**Тем, кто работает в Сибири,
на Севере и Дальнем Востоке.**

Цена 15 коп.

В популярной форме, с большим количеством примеров автор рассказывает о льготах, которые предоставляются работающим в Сибири, на Севере и на Дальнем Востоке. Читатель узнает, где и в каком размере выплачиваются надбавки к заработной плате, как заключить и перезаключить трудовой договор, какова продолжительность дополнительных отпусков, каков порядок их использования.

СЕРИЯ «ДЕПУТАТУ МЕСТНОГО СОВЕТА»

Б А Н Н Ы Х М. П.

Депутат и исполком.

Цена 30 коп.

На основе большого практического материала автор излагает актуальные вопросы взаимоотношений между исполни-

тельными комитетами местных Советов и депутатами. Освещается деятельность исполкомов по оказанию помощи депутатам в выполнении ими своих полномочий, раскрывается организаторская работа исполнительно-распорядительных органов по проведению в жизнь через депутатов своих решений, решений Советов и вышестоящих органов. Большое внимание уделяется рассмотрению складывающихся в процессе работы связей депутатов с комиссиями при исполкомах, отделами и управлениями.

М А Н У К Я Н Э. А.

Депутат в трудовом коллективе.

Цена 20 коп.

В книге в популярной форме рассказывается об основных направлениях деятельности депутатов в трудовых коллективах, раскрывается их большая организаторская роль в решении сложных производственных задач. Автор широко использует материалы практики при изложении сущности депутатской работы в производственных коллективах. Значительное внимание уделяется освещению деятельности депутатов по организации масс на выполнение решений Советов, их исполкомов и вышестоящих органов государственной власти. Рассматривается деятельность производственных депутатских групп.

ПРОХОРОВ В. М. **Депутат и законность.**

Цена 20 коп.

В книге на основе новейшего законодательства о Советах раскрывается роль народных депутатов в укреплении социалистической законности, охране общественного порядка, прав и законных интересов граждан. Автор подчеркивает большое значение новой Конституции СССР, Закона о статусе депутатов для повышения роли народных избранников в обществе развитого социализма. На конкретных примерах рассматриваются формы и методы участия депутатов в укреплении законности, освещается практика их участия в нормотворческой деятельности представительных органов государственной власти.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

НАШИ
КОНСУЛЬТАЦИИ

Материальное стимулирование работы пенсионеров

Как известно, уже на протяжении многих лет в нашей стране действует система мер, поощряющих работу ветеранов труда на производстве.

Широкое применение труда пенсионеров в народном хозяйстве соответствует как их собственным интересам, так и интересам государства. Общество заинтересовано в использовании огромного опыта и квалификации, накопленных гражданами в процессе их трудовой деятельности. Ветераны труда зачастую не только сами очень добросовестно и высокопроизводительно работают, но и благотворно влияют на молодежь, поддерживают дисциплину в трудовых коллективах.

Участие пенсионеров в общественном производстве — путь к активному долголетию. Правильно организованный труд благоприятно отражается на состоянии здоровья пенсио-

неров. Кроме того, посильная работа — существенный источник материального благополучия.

Учитывая все это, Коммунистическая партия и Советское государство заботятся о том, чтобы создавать у пенсионеров дополнительную материальную заинтересованность в продолжении работы. Поэтому недавно были приняты новые законодательные акты: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мероприятиях по материальному стимулированию работы пенсионеров в народном хозяйстве», Указ Президиума Верховного Совета СССР «О введении надбавки к пенсии за работу после достижения пенсионного возраста», постановление Совета Министров СССР «Об утверждении Перечня категорий работников, имеющих право на получение в период работы пенсии по старости» (СП СССР,

1979, № 24, ст. ст. 152, 153, 154).

Все упомянутые акты введены в действие с 1 января 1980 года. Ими расширен круг лиц, имеющих право на льготы: получение 100 процентов пенсии независимо от размера заработка либо в пределах 300 рублей вместе с заработком; получение 50 (в районах Урала, Сибири и Дальнего Востока — 75) процентов пенсии, но не менее 45 рублей в месяц, с тем, однако, чтобы заработок и пенсия не превышали в сумме 300 рублей. Кроме того, введена новая форма материального стимулирования, ранее не применявшаяся, — надбавка за работу в пенсионном возрасте.

Теперь право получать 100 процентов пенсии по старости имеют:

1. Независимо от заработной платы. Работники по списку № 1 производств, цехов, профессий и должностей, работа в которых дает право на государственную пенсию на льготных условиях и в льготных размерах:

работники, занятые на подземных работах на всех действующих и строящихся угольных и сланцевых шахтах (раздел I, подраздел 1);

работники предприятий черной металлургии, занятые на подземных работах, на агломерации и обогащении, в металлургическом, коксовом, пекококсовом и термоантрацитовом производствах (раздел I, подраздел 1; раздел II, подраздел 1; раздел III; раздел IV, подраздел 1);

работники предприятий цветной металлургии, занятые на подземных работах, на агломерации и обогащении, в металлургическом производстве (раздел I, подраздел 1; раздел II и раздел VII);

работники организаций по строительству шахт и рудников черной и цветной металлургии, занятые на подземных работах (раздел I, подраздел 1);

работники, занятые на строительстве метрополитенов на подземных работах (раздел I, подраздел 3): на строительстве Московского метрополитена — с 1 января 1980 года и на строительстве метрополитенов в других городах — с 1 января 1981 года.

2. В пределах 300 рублей в месяц вместе с заработной платой:

рабочие (младший обслуживающий персонал) и мастера, включая мастеров производственного обучения, — независимо от места работы;

прорабы, занятые на строительных, монтажных и ремонтно-строительных работах;

инженерно-технические работники эксплуатационных предприятий и организаций железнодорожного транспорта (по утвержденному перечню);

инструкторы передовых методов труда трестов «Оргтехстрой», нормативно-исследовательских организаций, центров научной организации труда и бюро производственного инструктажа, работающие непосредственно на стройках в производственных бригадах;

кассиры и другие категории работников розничной торговли и общественного питания, соответствующие по должности работникам прилавка, поварам и официантам;

кассиры, контролеры и бухгалтеры — ответственные исполнители отделений, агентств и городских (операционных) управлений (отделов) контор Госбанка СССР и сберегательных касс, инкассаторы учреждений Госбанка СССР, страховые агенты инспекций Госстра-

ха СССР, распространители и счетчики билетов (карточек) денежно-вещевых и спортивно-числовых лотерей;

работники (кроме работников аппарата управления и инженерно-технических работников) предприятий бытового обслуживания населения, предприятий и организаций по сбору и первичной обработке вторичного сырья;

средний и младший медицинский персонал учреждений здравоохранения, детских дошкольных учреждений (детских яслей, детских садов, детских яслей-садов и т. п.), врачебно-трудовых экспертных комиссий и домов для престарелых и инвалидов; патронажные медицинские сестры организаций Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР; врачи лечебно-профилактических учреждений и домов для престарелых и инвалидов;

учителя общеобразовательных школ в сельской местности и преподаватели профессионально-технических учебных заведений в сельской местности;

работники искусств, имеющие высшее или среднее специальное образование и работающие по специальности в качестве руководителей коллективов (кружков) художественной самодеятельности, режиссеров, балетмейстеров, хормейстеров и концертмейстеров клубных и детских внешкольных учреждений в сельской местности.

Право получать 50 процентов, а в районах Урала, Сибири и Дальнего Востока — 75 процентов пенсии по старости, но не менее с минимального размера (45 рублей), — в пределах 300 рублей в месяц вместе с заработной платой — имеют:

инженерно-технические работники: предприятий промышленности; строительных, монтажных и ремонтно-строительных организаций; эксплуатационных предприятий и организаций транспорта (кроме управлений железных дорог, автомобильного и городского транспорта, управлений пароходств и управлений гражданской авиации), связи, жилищного и коммунального хозяйства; предприятий бытового обслуживания населения;

инженерно-технические работники и специалисты предприятий сельского хозяйства; ветеринарные врачи, ветеринарные фельдшеры и ветеринарные техники ветеринарных учреждений;

служащие эксплуатационных предприятий и организаций железнодорожного транспорта (по утвержденному перечню);

работники, занятые на работах по строительству и обслуживанию Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, второго пути железнодорожной линии Тайшет — Лена и железнодорожной линии Бам — Тында — Беркамит (в трестах, управлениях, дирекциях строительства, на производственных и обслуживающих предприятиях);

бухгалтеры отделений, агентств и городских (операционных) управлений (отделов) контор Госбанка СССР и сберегательных касс;

врачи санитарно-профилактических учреждений и учреждений судебно-медицинской экспертизы;

фармацевтические и другие аптечные работники;

учителя общеобразовательных школ и преподаватели профессионально-технических учебных заведений в городах и рабочих поселках, воспитате-

ли детских дошкольных и внешкольных учреждений;
преподаватели техникумов, готовящих кадры для строительства;

главные хранители фондов, хранители фондов, археографы, палеографы и архивисты центральных государственных архивов СССР;

работники искусств, имеющие высшее или среднее специальное образование и работающие по специальности в качестве руководителей коллективов (кружков) художественной самодеятельности, режиссеров, балетмейстеров, хормейстеров и концертмейстеров клубных и детских внешкольных учреждений в городах и рабочих поселках;

лица рядового состава ведомственной воензированной охраны и воензированных подразделений вневедомственной охраны при органах внутренних дел;

председатели, заместители председателей и секретари исполкомов сельских и поселковых Советов народных депутатов.

Лица, впервые получившие право на 50—100 процентов пенсии в период работы.

Это, прежде всего, работники с невысокой заработной платой, преимущественно служащие из числа технических исполнителей: машинистки, секретари, делопроизводители, табельщики, учетчики, коменданты и другие. С 1 января 1980 года им предоставлена возможность получать полную пенсию, если она в сумме с заработком не превышает 150 рублей. Если указанная сумма превышает 150 рублей, то соответственно снижается выплачиваемая пенсия. Такой порядок выплаты пенсии распространяется на всех служащих,

которые не имеют права получать ее в период работы на более льготных условиях.

Эта льгота создает более благоприятные возможности для использования труда пенсионеров там, где они могут быть заняты неполный рабочий день. Например, пенсионер, которому назначена пенсия 100 рублей, может устроиться на должность инженерно-технического работника на производстве либо на предприятии бытового обслуживания с неполным рабочим днем, с тем чтобы его заработная плата составляла 50 рублей в месяц.

Полную пенсию (в пределах 300 рублей в сумме с заработком) получают теперь врачи ВТЭК. Ранее им выплачивалась половина пенсии.

Расширен перечень лиц, имеющих право на 50 или 75 процентов пенсии. В него включены такие массовые категории, как работники, занятые в бухгалтериях, независимо от наименования должности (в том числе главные и старшие бухгалтеры, экономисты, заведующие секторами) и на контрольно-ревизионной работе, а также занятые на экспертизе проектов и смет на строительство (реконструкцию) предприятий, зданий и сооружений. Кроме того, в этот перечень включены инженерно-технические работники организаций по эксплуатации оросительных и осушительных систем, водохранилищ, каналов, гидроузлов, насосных станций и других водохозяйственных сооружений.

Новая большая льгота предоставлена инвалидам войны, перешедшим на пенсию по старости. Ныне они получают полную пенсию (в пределах 300 рублей вместе с заработком), будучи заняты на любой работе, а не только в качестве ра-

бочих и мастеров, как было оговорено ранее.

Предусмотрено новое правило относительно выплаты пенсий за выслугу лет пенсионерам из числа военнослужащих. В ряде случаев они, выполняя ту же работу, что и пенсионеры по старости, получающие при этом полную пенсию, не пользовались такой же льготой. Теперь они во всех случаях получают назначенную пенсию в не меньших размерах, чем пенсионеры по старости. Так, если раньше офицер, имевший до выхода на пенсию денежное содержание 250 рублей, мог получать в период работы рабочим полную пенсию при условии, чтобы она вместе с заработком не превышала 250 рублей, то теперь он может получать полную пенсию в пределах 300 рублей вместе с заработком.

Надбавка к пенсии за работу в пенсионном возрасте.

В первую очередь право на надбавку получают пенсионеры, работающие в качестве рабочих, младшего обслуживающего персонала и мастеров — независимо от места работы, а также бригадиры в растениеводстве и животноводстве государственных предприятий сельского хозяйства.

Надбавка начисляется в размере 10 рублей за каждый полный год работы после достижения пенсионного возраста при условии, что пенсионер в этот период не будет получать пенсию. Предельный общий размер надбавки — 40 рублей. Следовательно, за надбавку пенсионер может работать до 4 лет. За счет надбавки может быть увеличен и максимальный размер пенсии (составляющий

ныне 120 рублей в месяц), но не более чем до 150 рублей.

Выбор тем или иным работающим пенсионером формы материального стимулирования — дело сугубо добровольное. И далеко не все отдадут предпочтение надбавке. Однако хотелось бы обратить внимание на некоторые ее преимущества.

Статистические данные свидетельствуют, что «пенсионная» жизнь продолжается у мужчин примерно 15—17 лет, у женщин — около 25 лет. Меньшую часть этой жизни (как правило, не более 5 лет) пенсионер, работая, может получать и пенсию и заработную плату. Остальное время он живет на пенсию, то есть после оставления работы его бюджет существенно уменьшается. Отказавшись от получения пенсии в период работы, человек во многих случаях может за счет надбавки обеспечить себе после оставления работы такой же доход, как и во время трудовой деятельности.

Отметим также, что есть категория работающих пенсионеров, для которых выбор прост. Речь идет о высококвалифицированных рабочих, имеющих заработную плату около 300 рублей. Для них отказ от пенсии в период работы с целью начисления надбавки будет носить символический характер, поскольку при заработке в 300 и более рублей пенсия не выплачивается.

А. СОЛОВЬЕВ,
заместитель начальника
управления социального
обеспечения Госкомтруда
СССР

ЧИТАТЕЛЬ НА ПРИЕМЕ У ЮРИСТА

**Имеет ли право член ЖСК обменять кооперативную квартиру или вступить в другой кооператив для улучшения жилищных условий?
А. Паршина, Мурманская область.**

Читателю отвечает юрист В. БАЛКОВ.

Член ЖСК имеет право производить с разрешения исполкома местного Совета народных депутатов обмен занимаемого им жилого помещения на другую жилплощадь при условии приема в члены кооператива лица, обменивающего жилую площадь. При этом размер пая гражданина, принятого в ЖСК, не может быть меньше балансовой стоимости квартиры, предоставляемой в его пользование. Если ЖСК еще не погасил предоставленный ему государственный кредит на строительство жилого дома, паевой взнос нового члена кооператива не должен быть меньше паенакопления гражданина, выбывшего из кооператива.

Возвращение стоимости пая выбывшему из ЖСК производится после внесения пая гражданином, принятым в кооператив,

Член ЖСК, как правило, не может состоять одновременно членом другого жилищно-строительного кооператива. Однако если он нуждается в улучшении жилищных условий, то в виде исключения может быть принят в другой кооператив.

В случае вступления члена кооператива во вновь организуемый ЖСК вступивший должен выполнять обязанности и пользоваться правами, предусмотренными Примерным уставом ЖСК, одновременно в двух кооперативах — в период строительства нового жилого дома.

После получения ордера на квартиру в другом кооперативе этот гражданин исключается из ЖСК по прежнему месту жительства.

Изложенные правила предусмотрены Примерным уставом жилищно-строительного кооператива, утвержденным Советом Министров РСФСР (постановление от 2 октября 1965 года). В других союзных республиках действуют сходные нормативные акты.

ЗАКОНЫ И НРАВЫ «СВОБОДНОГО МИРА»

ПРЕСТУПНОСТЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ БИЗНЕСА

ПРОИСШЕСТВИЯ ОДНОГО ОБЫЧНОГО ДНЯ

Налет мафии на квартиру Фернандо Гриджо, ювелира из Падуи, был осуществлен по всем канонам голливудского босвика. Налетчики проникли в его дом, когда хозяин упивался транслировавшимся по телевизору приключенческим фильмом с неотразимо галантным джентльменом удачи в роли главного героя. За бесконечными перестрелками из всех видов оружия, которые велись на экране, Гриджо не услышал, как мафиози проникли в его дом, деловито обследовали его и покинули с добычей, оцениваемой экспертами в 16 миллионов долларов.

Падуанские и римские газеты, давшие эту информацию на первых полосах, гневно обличили наглых бандитов и беспомощных полицейских, как-то не заметив того обстоятельства, что ограбленный «честнейший» ювелир, знакомством и сотрудничеством с которым могут гордиться самые именитые граждане Падуи, не смог объяснить ни репортерам, ни следователям полиции, откуда у него столь значительные ценности и почему они хранились дома, а не в банке.

Увы, нет крупных состояний, добытых честным путем. И как ни разнообразятся нечестные методы обогащения, сам этот древний, как мир, принцип отнюдь не меняется.

В то утро, когда итальянские газеты сообщили о налете мафиози на апартаменты ювелира в Падуе, за океаном на первые полосы газет попало «дело о краже урана». Нет, речь шла не о тех 200 тоннах сырья для атомных бомб, которые «украли» совместно агенты ЦРУ и израильской разведки и доставили в Израиль. Такие «кражи» маскируются надежно и практически никогда не раскрываются. Шум поднялся вокруг аферы Дэвида Дэйла, служащего компании «Дженерал электрик». Решив прославиться, а на этом и разбогатеть, Дэйл по фальшивым документам проник в тщательно охраняемый склад радиоактивных материалов компании в городе Роли, штат Северная Каролина. Оттуда жулик вынес довольно солидное (сколько смог унести) количество урана. Контейнер с этим

расщепляющимся материалом он ухитрился погрузить в машину и вывезти в укромное место.

А дальше, как и положено, начал шантажировать компанию, требуя выкупа взамен разоблачений в прессе кое-каких внутренних дел «Дженерал электрик». Дэйл позвонил по телефону своим бывшим патронам, объявил им условия. Но не учел, что в этом деле полиция проявит не свойственную ей в борьбе с преступниками оперативность и сноровку. Уже через час он сидел в одиночной камере местной тюрьмы...

А через день американские газеты забыли Дэйла ради Джима Гордона, «оригинальнейшего из уголовников нашего века». Дело было так. «Американская Академия криминалистики» организовала в городе Атланта выставку ультрасовременных средств борьбы с кражами. Были выставлены электронные системы сигнализации, поиска, запоры и средства самозащиты. Гордон, вор-профессионал и аферист, прошел в выставочный зал как обычный посетитель, но затем занял место гида-стендиста. Он красноречиво и со знанием дела объяснял достоинства экспонатов, составлявших гордость американской «противопреступной» науки и техники. Один из экспонатов понравился шефу местной полиции, который решил его купить. Гордон с удовольствием продал его, за наличные, разумеется. И удалился.

Фирма «Хауэлл Манья Компани», которую «представлял» Гордон, опубликовала в газетах обращение к нему, приглашая... на работу в качестве эксперта по электронным устройствам. Гордон объявился и принял предложение.

А почему бы вору и не быть специалистом по средствам защиты от преступников? Ведь по совместительству он сможет работать консультантом по этим же средствам и в какой-нибудь семье мафии.

Бизнес есть бизнес!

СПАСЕНИЕ УТОПАЮЩИХ...

Отсутствие личной безопасности — главная черта западного образа жизни. Люди там изуверились в эффективности законов и способности правоохранительных органов защитить имущество, здоровье, достоинство и саму жизнь рядовых граждан. Акулы делового мира вовсю используют эту благоприятную конъюнктуру: фирмы, производящие оружие и другие средства защиты от нападения, процветают. Был, например, похищен бельгийский барон Брахт. И сразу же на читателей широком потоком полилась информация о формах и методах самозащиты, массовым тиражом были отпечатаны цветные плакаты, рекламирующие бронированные укрытия, электронных сторожей, специально дрессированных собак, указывающих адреса, где можно приобрести все необходимое для самообороны и охраны жилища. Обработка читателей откровенно шла под лозунгом: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

И запуганный газетной и телерекламой бесчинств бандитов западный обыватель вооружается. Некий А. Астфель, владелец гаража в одном бельгийском городке, был ограблен 11 раз. Не надеясь больше на полицию, он решил предотвратить двенадцатый своим

Вот, например, как проходят на Западе практические занятия со слушательницами курсов самообороны. Тема занятия: как уберечь свою сумку от грабителя.

силами. В дверях гаража он установил мину-ловушку. Воры все же пришли в двенадцатый раз и попались на сюрпризе. Один из них был убит, другой — тяжело ранен.

И что же? Владелец гаража, естественно, попал в тюрьму за преднамеренное убийство.

— Где же выход? — спрашивают бельгийские газеты.

Не находя ответа на этот вопрос, который мучит их ежедневно, ежеминутно, люди лишаются рассудка от страха. Как тот молодой человек, о котором сообщила западногерманская печать. Чтобы защищаться от бандитов, он приобрел пистолет. Однако чувство страха не проходило. И однажды он в истерике выбежал на улицу и стал стрелять в прохожих.

А вот такая же жертва вечного страха в Италии. Восемилетний мальчик по имени Стефано, проснувшись ночью от жажды, вышел на кухню, чтобы напиться воды. Заслышав шорох и заметив тень, отец мальчика разрядил в него крупнокалиберный винчестер. Мальчик был убит наповал.

С СООБЩИЦА — ЭВМ

Эту историю рассказало американское информационное агентство «Юспайтед пресс интернэшнл». Стенли Рифкин был самым добропорядочным человеком среди своих знакомых. Мужчина среднего возраста, с лицом невинного ребенка, он имел хобби — делал элек-

тронного шахматиста. А на жизнь зарабатывал тем, что занимался частной практикой консультанта по ЭВМ. В качестве такового был он вхож в «Секьюрити пасифик нэшнл бэнк» — десятое по таблице о рангах банковское учреждение в американской финансовой олигархии.

Рифкин, в частности, производил периодические технические осмотры защитного электронного оборудования сейфов и кладовых банка. Однажды очередь дошла и до «электронного мозга» банка, ведавшего всеми банковскими операциями. Рифкина провели в помещение, где размещались счетные электронные аппараты. Доступ в это святилище имели только члены правления банка, да и то группами. Только им были известны коды, которыми осуществлялся перевод денег. Коды, кстати, ежедневно менялись.

При проверке системы телеграфных связей электронного мозга банка Рифкин понял, что у ЭВМ лишь три варианта кодов. Два из них он установил тут же, на месте. Третий вычислил к концу дня дома.

А затем он из ближайшего телефона-автомата передал ЭВМ банка распоряжение перевести 10 200 тысяч долларов в один из второстепенных банков Нью-Йорка на его имя. Приехав в Нью-Йорк, он перевел эту сумму в один известный ему швейцарский банк.

Продолжая путать следы, махинатор подписал контракт с известным ювелиром Лос-Анджелеса о покупке у него партии бриллиантов на 10 миллионов долларов. У ювелира оказалось в наличии бриллиантов только на сумму 8,1 миллиона. Весили они 43.000 карат (около девяти килограммов).

Потом Рифкин едет в Швейцарию, берет деньги из банка, возвращается в США и оплачивает свой заказ. Тут же едет в Лос-Анджелес и начинает искать компаньона, чтобы завести свою торговлю бриллиантами. Однако первый же бизнесмен, которому он сделал это предложение, заподозрил неладное, сообщил о своем разговоре в полицию, та, в свою очередь, навела справки, и пропавших денег в банке «Секьюрити пасифик нэшнл» была установлена.

Рифкина арестовали. Ограбленному банку вернули недополученные Рифкиным в Швейцарии 2 миллиона долларов и все 9 килограммов бриллиантов. За них банк выручил 13 миллионов долларов, получив, таким образом, 5 миллионов дохода на этой афере.

А у Рифкина после выхода из тюрьмы будет блестящая перспектива: электронное воровство. Конечно, с учетом прошлых ошибок.

Т. МАШКОВ

ИМЕНЕМ САТИРЫ/

ФЕЛЬЕТОН

Отпускное время летит быстро. Вот уж и билеты обратные куплены. Пора бы и чемоданы собирать. А тут жена из курзала вернулась чрезмерно оживленная.

— Собирайся, пойдем в гости. Я повстречала кое-кого из своих прошлогодних знакомых. Премилые люди. Настоящие интеллектуалы! Представь себе: я и, конечно же, ты приглашены на званый ужин.

— Я готов, — как обычно, повиновался я.

«Как обычно» — это потому, что давно убедился: перечить любимой супруге — пустая трата времени и нервов. Все равно будет так, как она решила. И я, сразу после женитьбы несколько побарахтавшись в сопротивлении и отставании своего так называемого «мужского «я», вскоре окончательно смирился, или, попросту говоря, сдался. Это, так сказать, для сведения. Чтобы вы обо мне все знали.

Итак, сказав, что «готов», я подошел к чемодану и стал вытаскивать из него аккуратно сложенный выходной костюм. Кстати, выпущенный столичным производственным объединением «Большевичка» со Знаком качества.

— Что ты, милый! — увидев костюм у меня в руках, воскликнула жена. — Ни в коем случае! Твой костюм никуда не годится. Мы оденемся с тобой во что-нибудь посовременней!

И она вынула из вещевой сумки пару каких-то погортых, неопределенного цвета джипсов и две аляповато разрисованные и расписанные спереди белые майки.

— Это все я приобрела сегодня благодаря моим новым знакомым, — последовало пояснение.

Мы натянули на себя всю эту амуницию и стали разглядывать друг друга.

Могучий бюст моей спутницы жизни украшали изображенные на майке какие-то огромные боевые ракеты, которые, казалось, вот-вот должны были стартовать с пусковой площадки.

Я посмотрел на себя в зеркало и замер: с моей майки на меня ослепительно глядел средних лет мужчина, едва удерживающийся в седле споткнувшейся кобылы...

Впрочем, все это сразу же поблекло по сравнению с тем, что мы увидели при встрече с нашими новыми знакомыми. Изображенные на их одеяниях сюжеты были еще более смелыми и неожиданными: разного рода на любой вкус полуобнаженные и просто обнаженные заморские блондинки и брюнетки, молодящиеся супермены, рекламирующие всевозможную хозяйственную утварь вплоть до унита-зов... И так далее и тому подобное. Не говоря уже о всевозможной иностранной символике, металлических украшениях, брелках, кольцах, серьгах, цепочках, медальонах, перстнях, клипсах, браслетах, кулонах и прочем

Внешне они, наши новые знакомые, удивительным образом были похожи друг на друга. И расслабленной осанкой, и надменной позой, и показной размеренностью жестов, и пренебрежительной мимикой лица, и снисходительным выражением глаз. Они представляли собой как бы единый стереотип — человека, чуть ли не с колыбели всем пресытившегося, все постигшего и решительно все знающего. Человека, конечно же, четко представляющего себе, что все и вся

в этом мире — суета сует, и всякая суетовина, не заслуживающая его драгоценного внимания...

Каждый из них постоянно был занят лишь самим собой, своей персоной. И вот тут-то все, что касалось лично его, человека от природы крайне одаренного, но до сих пор в должной мере так и не понятого и не оцененного,— все было важно, все его потребности должны были быть удовлетворены. Безусловно и сполна. Любым путем. И по высшему классу. Как полагается для избранных.

Наши новые знакомые, безусловно, были люди деловые и практичные. И потому, естественно, разговор непроизвольно поначалу пошел у них о том, что было подано к питью в качестве закусок. Как, например, и где подешевле можно раздобыть паюсную и кетовую икру. Где за это надо больше дать на «лапу» — в магазине, на базе или в ресторане? А где можно получить все это, не затратив ни рубля из личного кармана. Но расплатившись за деликатесы, скажем, вагоном цемента, древесины, кирпича или другого строительного материала, к которому приставлен по службе, и обязан оный охранять.

Следующий, более затяжной период был занят обсуждением и показом новых приобретений. Грузная дама с испорченной временем фигурой выкатилась на середину и, чтобы привлечь внимание к желтому австралийскому комбинезону, стала с трудом вертеться на одной ноге, слезно обращаясь к присутствующим с просьбой расшифровать то, что написано спереди и сзади на ее обнове.

Но тщетно. Никто из присутствующих иностранными языками не владел. И оставалось загадкой: что же значат эти таинственные многочисленные надписи, пестревшие на одежде собравшихся.

Возникло даже в некотором роде разбирательство, когда на толстом животе вновь прибывшего гражданина все увидели пикантную сцену. Посреди майки на голубом фоне была изображена пластичная фигура девушки в джинсах. Пояс джинсов был расстегнут. Талию красавицы властно охватывали волосатые мужские ручки. Одна из них прикасалась к расстегнутой пуговице. И было совершенно непонятно, что же в действительности происходит? Присутствующие разбились на два лагеря.

Одни решительно утверждали, что мужчина одевает девушку. Другие категорически придерживались диаметрально противоположного мнения: нет, раздевает!

Но тут неожиданно подъехал человек — известный полиглот и знаток всех последних новинок в области современной моды (как потом было объявлено). И внес ясность.

Он тут же вошел в курс дела и объявил:

— Я вас всех примирю! Надпись над заинтересовавшим вас изображением гласит просто: «Не спеши!»...

В короткое время полиглот раскрыл загадки надписей у всех присутствующих. Откровенность некоторых даже повергла в смущение. Особенно мою благоверную супругу. Когда знаток моды, внимательно присмотревшись к боевым ракетам, украшавшим ее могучий бюст, прочитал на майке: «Самые мощные, самые дальнбойные! Записывайтесь в вооруженные силы США»...

— Если вы такой всезнающий,— сказала одна из дам, кокетливо подмигнув,— то оцените, пожалуйста, и мое последнее приобретение!

На обозрение знатока была представлена сумка из грубой мешковины. На лицевой стороне ее красовался наездник с подписью: «Cowboy».

— Я не сомневаюсь! — уверенно заявила дама.— Эта сумка из штата Техас!

— Все может быть...— с ухмылкой протянул наш эксперт, профессиональным движением запустил руку куда-то в глубь сумки, вытащил оттуда ярлык и прочитал: «Малокарачаевское районное объединение «Сельхозтехника», село Терезе. ГОСТ 17-333-74. Цена 4 рубля». Так что ковбои здешние, из окрестностей города Кисловодска.

— Вы скажите! — только и воскликнула обладательница «американской» новинки.— Какая наглость! Какой обман! Содрать с меня четвертную! Как же я не сообразила сразу заглянуть вовнутрь..

— Ну, моя-то сумка, надеюсь, не отечественного производства! — даже с некоторым вызовом воскликнула обладательница другой сумки, на которой был изображен мужчина в шляпе и в черной маске. Подпись внизу гласила: «Zoggo».

— Кстати, она мне обошлась в три червонца,— добавила дама. Наш эксперт при сих словах аж рассмеялся:

— Точно такую же сумку на днях купила моя теща в универмаге за три рубля. И ярлык имеется: «Чегемское районное производственное управление». А это уже из-под Нальчика.

Пока дама приходила в себя, внимание присутствующих привлек вошедший юноша. С его появлением все так и ахнули. На всю грудь у него был изображен флаг США. А чуть выше обозначены четкие большие буквы: «USA».

При виде подобного одеяния у многих от зависти аж заблестели глаза.

— Самвел Мерзоян! Из Еревана,— четко представился он, с достоинством слегка кивнув головой, и повернулся спиной.

Взорам присутствующих предстала другая картина. На спине молодца пестрели рекламные надписи: «Кока-кола» и тому подобное.

Но это уже, признаюсь честно, произвело гораздо меньшее впечатление.

Конечно же, Самвел превзошел всех! Хотя, между прочим, у других присутствующих в избытке на самых разнообразных частях тела красовалась всевозможная символика многих заморских держав, в том числе и их государственные флаги... Но чтоб таких гигантских размеров!.. Извините, ни у кого! И все отлично понимали, что владелец уникальной американской майки Самвел Мерзоян заслуживает самого теплого внимания лучших женщин сегодняшнего вечера.

Лишь один не по возрасту обрюзгший мужчина в полосатых пижамных брюках, на которого до сего времени никто не обращал внимания, как бы не замечая происходящего, вдруг громко сказал:

— И все же, мне кажется, уважаемые, давайте поговорим о деле. У каждого из нас свой промысел, свой сусек, свой источник добычи средств, свои методы обогащения, своя, наконец, тактика и стратегия...

— Правильно! Правильно! — подхватили мужские и женские голоса, выдавая то обстоятельство, что многие из присутствующих уже изрядно подвыпили. — Надо обмениваться опытом!.. Безусловно!..

— Лично я, — сказала Г. Хейфец, заведующая отделением ленинградского кождиспансера, — собираюсь на курорт в Кисловодск, покупаю побольше импортной парфюмерии... Дело выгодное, платят и в два и втридорога...

— А я специализируюсь на импортных полиэтиленовых пакетах, — заявил прибывший из Севастополя Л. Арчая. — Вот и сейчас прикупил в дорогу 1500 пакетов. Брал их за два, продаю по пять...

И он тут же извлек откуда-то и продемонстрировал присутствующим образцы товара. Пакеты поправились. Многие одобряюще покивали головами.

Далше о том, как выгодно покупать цветы на Центральном сочинском рынке и перепродавать в Краснодаре, поведала жительница города Горячий Ключ В. Скворцова.

Опытом перепродажи жевательной резинки доверительно поделился М. Джгаркава, который принас для продажи на курорте более 2000 пачек этого пользующегося спросом товара.

Взявшая слово вслед за ним жительница Кутанси Л. Кикнадзе заметила, что ассортимент предметов, предназначенных для перепродажи, целесообразно по возможности расширять. Она, например, прихватила на курорт не только импортные полиэтиленовые пакеты, но и тени для век, губную помаду. Это оживляет торговлю.

Мнение Л. Кикнадзе тут же горячо поддержали приехавшая из Червонограда, что на Львовщине, Н. Царева и тбилисец Н. Геурков. Первая прихватила на курорт для спекуляции помимо импортных

пакетов еще и большую партию жевательной резинки. Второй — кроме жевательной резинки еще и майки.

— Я тоже разделяю подобную точку зрения,— вставил ереванец К. Манасарян и подробно рассказал, как он лично скупил в Москве для продажи в Сочи бусы, кулоны, перчатки, подарочные наборы и так далее. Всего 24 наименования на общую сумму около 700 рублей..

Страсти накалялись. Давление коньячных паров усиливалось, перебывая яростный аромат французской парфюмерии.

Последовали доверительные сообщения о спекулятивных операциях более крупного масштаба.

Житель г. Иванова В. Белоконь поведал присутствующим, как он с успехом скупил по деревням и перепродал любителям старины в Каунасе иконы и всякую церковную утварь.

Далее слово взял небезызвестный житель Харькова А. Гаймур. И рассказал он о своей наживе от последних удачных операций.

Это: золото в монетах, изделиях и слитках, всего 1380 граммов, серебро в монетах 380 граммов, наличных денег 15 795 рублей, бриллиантов 6,75 карат и различных предметов для спекуляции на сумму 2000 рублей...

— Смеем заметить, что выгодно спекулировать легковыми автомобилями! — в один голос стали утверждать жители Каунаса Малицкас и Пауразас.— Мы вдвоем купили и перепродали несколько автомашин. Нажива от перепродажи каждой — от трех до шести тысяч рублей.

Чтобы несколько остудить темпераментных «автолюбителей», дама в желтом австралийском комбинезоне, прервав их, громко сказала:

— Я предлагаю тост за верных друзей и помощников в наших крайне рискованных предприятиях! Я пью за здоровье и процветание скромных тружеников прилавка!

И в мгновение ока она опорожнила бокал.

— А в самом деле, почему бы за нас и не выпить! — без ложной скромности сказали заведующие ессентукскими комиссионными магазинами № 32 и № 10 Л. Калашникова и Н. Дибигева. И они увлеченно рассказали, как и где стоит скупать в больших количествах импортную ткань, чтобы потом перепродавать в комиссионных магазинах по значительно завышенным ценам..

Предложенный тост разгорячил участников встречи, вызывая их на все новые и новые откровения.

По этому случаю первой несколько слов сказала дама, прибывшая из Таджикистана.

— Дефицитные товары оптом отпустил мне для перепродажи заведующий отделом одного из универмагов нашего райпотребсоюза.

И я ему искренне благодарна,— сказала она, и глаза ее увлажнились.

Затем с благодарностью был упомянут экспедитор Бельцевского управления торговли Вайсман. С его помощью спекулянтами был реализован 21 ковер.

С одобрением присутствующими был воспринят и такой факт: десятки тысяч полиэтиленовых пакетов финского производства скупили и перепродали Ясюков и Никоненок. Они скупили эти пакеты через Кудрявцеву. А та, в свою очередь, купила их у работников ленинградского универсального магазина «Московский» Казаковой и Столяровой.

Огромную услугу оказала предприимчивым людям и директор магазина «Агавни» Армювелирторга Л. Бархударян. Она сбывала спекулянтам десятки джинсовых платьев австрийского производства.

Не менее благородно поступила и заведующая отделом магазина № 7 Северо-Осетинской конторы «Курортторга» В. Сланова. Она получила на базе 16 паласов стоимостью по 60—70 рублей каждый и, не завозя в магазин, реализовала их по 120—130 рублей спекулянтке Т. Меликян.

Сообщались здесь и кое-какие любопытные данные, касающиеся деятельности некоторых торговых работников. В Киргизии, например, во фрунзенском ЦУМе «Ай-Чурек» и его филиале как-то было обнаружено укрытых дефицитных товаров на сумму более 100 тысяч рублей. Отдельные виды товаров пролежали на складе более года...

В Москве же в 1978 году выявлено укрытых от глаз обычных покупателей только промтоваров на сумму около 2 миллионов рублей.

Проверили как-то 450 киевских магазинов и обнаружили в 200 из них укрытые товары...

...И вдруг где-то из угла раздался густой бас:

— Сограждане! А все ли из вас имеют надежные замки?

Но его перебил коренастый здоровяк с заметным шрамом:

— Милые вы люди! О каком замке вы говорите? Я только что вернулся из Ставрополя... И так и не увидел своего старого друга Кима Калабекова. Он в тюрьме. И, видать, надолго!.. А ведь какие у него повсюду были замчищи! Ничего не помогло... Да еще к тому ж при обыске у него изъяли одних только сберкнижек 10 штук, не говоря уже о золотых червонцах царской чеканки, уйме колец, облигаций, ковров и прочего добра... А накануне он со своими соратниками провел операцию славную! Прелестную! Нехитрая манипуляция с документами, и импортный фундук превратился в орех отечественный. И пожалуйста: чистоган в 300 000 рублей! На такую

сумму званый ужин на тысячу с лишним персон мог бы длиться чуть ли не год!

— Почему «чуть ли»? — возразил кто-то, видимо моментально все подсчитавший в уме. — На такую сумму, извините, можно жрать гораздо дольше!..

Тут еще стали раздаваться на сей счет разные суждения. Да только мы с женой уже их не слушали.

Мы заспешили к себе, к нашему временному пристанищу...

Жена всю дорогу ахала и причитала. Что, мол, делается на белом свете!

А я шел по благоухающей курортной улице, и мучили меня разные вопросы.

Почему, например, для украшения всяких там хозяйственных сумок выбираются некоторыми предприятиями-изготовителями столь странные иностранные мотивы?

Каким образом в нашей стране, думалось мне дальше, где законом запрещена всякая пропаганда войны, удастся человеку беспрепятственно красоваться в майке, разукрашенной боевыми ракетами, да еще с призывом записываться в вооруженные силы другого государства?

Откуда может достать человек не один, не два, а десятки тысяч заграничных полиэтиленовых пакетов?

Почему, скажем, в кисловодских магазинах не хватает парфюмерии и ее приходится покупать у спекулянтов?

Ах, да мало ли и сколько каких вопросов может возникнуть у нормального человека после такого званого ужина?

Вернулись мы с курорта домой, а тут телефонный звонок: знакомые приглашают в гости.

— Ну, нет уж! — взвыл я. — Ни в какие гости, ни на какие приемы! Если и пойдем, то в театр!

— На что? — резко возразила жена. — Мы же все давно пересмотрели.

— Хотя бы на того же «Ревизора»! — парировал я. — Классика — она никогда не стареет!

В. ЦЕКОВ

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

САМОЕ КРАЙНЕЕ СРЕДСТВО

В Англии начала издаваться тиражом в 100 тысяч экземпляров газета под названием «Выкуп». Она публикует информацию о кражах имущества граждан, музейных ценностей, а также о похищениях людей. Точнее говоря, публикуются... «анонимные» объявления похитителей о сумме и порядке выкупа заинтересованными лицами пропавших вещей и людей.

Издатели газеты — директора музеев, картинных галерей и просто состоятельные люди, опасаящиеся, что их детьми сможет заинтересоваться мафия.

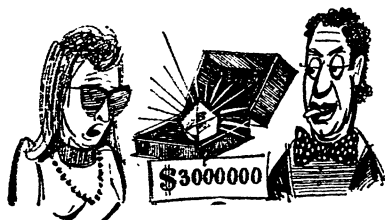
ПОСЛЕДНИЙ КРИК... НО МОДЫ ЛИ?

Пуленепробиваемый жилет стал неотъемлемой частью одежды жителей Нью-Йорка. Деловые люди, коммерсанты и журналисты являются постоянными клиентами магазина принадлежности для защиты от грабителей.

«Коммуникейшн контрол систем» — фирма, специализирующаяся на изготовлении этих жилетов и других средств самозащиты населения. Жилет весит около 2 килограммов и стоит, в зависимости от степени надежности, от 150 до 575 долларов.

РАСПРОДАЖА СВАДЕБНЫХ ПОДАРКОВ

Элизабет Тэйлор (по последнему мужу — Уоррен), закатившаяся кинозвезда, более известная, кстати, как сборщица рекордных сумм на израильскую агрессию, начала распродажу подарков своих многочисленных прежних мужей. Очередь дошла до знаменитого бриллианта — подарка режиссера и актера Ричарда Бертон. Алмаз продан ювелиру Г. Ламберту за 3 миллиона долларов. Как объясняет сама актриса, ее вынудила на этот шаг не нужда, а слишком выросшие в связи с ростом преступности расходы по хранению алмаза.

НОТАРИУС

— Прошу заверить, что справку мне выдали 1 апреля.

Без слов.

— Ребята, запивать будем соком...

Без слов.

Рис. В. Тамаева.

